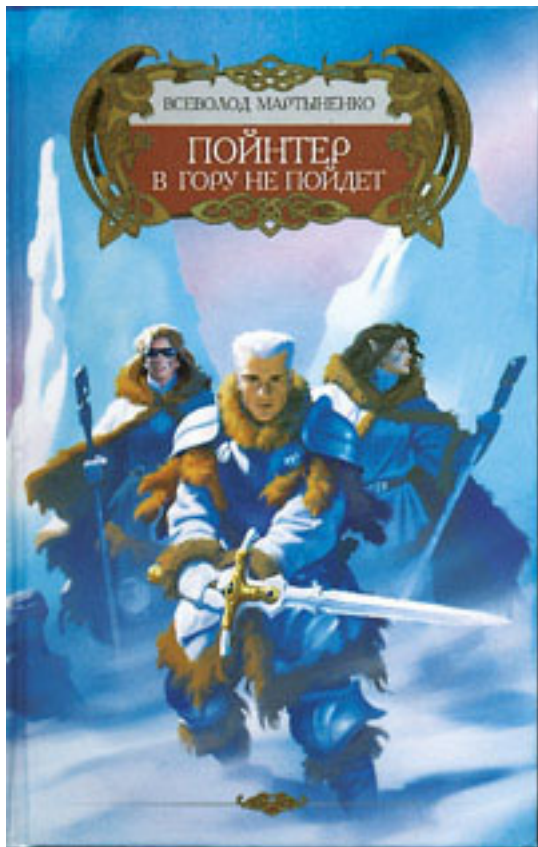

ВСЕВОЛОД МАРТЫНЕНКО

ПОЙНТЕР
В ГОРУ НЕ ПОЙДЕТ

Всеволод Юрьевич Мартыненко
Пойнтер в гору не пойдет
Серия «Собачий Глаз», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158531

Пойнтер в гору не пойдет: СПб.: Лениздат; «Ленинград»; 2007

ISBN 5-289-02524-3

Аннотация

Думаешь, оставил все беды в прошлом, спрятал их в болотах и джунглях – далеко и надолго? У судьбы свое мнение на этот счет, а отвечать на ее вызов придется в ледяных горах, где властвуют суровые обычаи, скрываются чудовища и таится древнее зло.

Содержание

С бала на корабль	6
Записки с сумасшедшего дома	95
Гол в свои ворота	183
А паразиты– никогда!	243
Доброе слово и огру приятно	287

Всеволод Мартыненко

Пойнтер в гору не пойдет

С благодарностью:

Олегу Полю – за то, что выше гор могут быть только горы;

Ольге Захаровой – за обучение старого пса новым фокусам;

Владиславу Гончарову – за формулировку главной мысли.

И конечно, Наталии Мазовой отдельное спасибо – за виртуозную шлифовку стиля из книги в книгу...

1. Место высадки
2. Отель «У утопшего водолаза»
3. Место торжественной встречи
4. ОргТинг
5. Место пира
6. ОградаДрево
7. Гостевая землянка
8. Сакральный Стадион
9. Пещера мемориала
10. Пещера землекройки
11. Зуб на снежнике
12. Стенка
13. Пещера Сакральной Трапезы
14. Пещера демона

С бала на корабль

*...Спину ломит, голова болит,
То ли клещ засел энцефалит,
В голове болит последний зуб – Мы бодем за
один и тот же клуб...¹*

Секс у всех человекоподобных рас, населяющих Анарисс, принципиально схож. Игры, коими он предваряется, – тоже. Во всяком случае, карнавал с переодеванием встречается даже у мелких зеленых гоблинов, хотя им, кроме крысиных шкур и рогожи, и нарядиться-то чаще всего не во что. Но и те

---

¹ Здесь и далее: *Васильев А. Гандбол.*

В Приснодень нацепляют на себя все, что под руку попадет-ся, не пренебрегая фирменными пакетами из универлавок и консервными банками. Особенно потрясают воображение колпаки на всех зеленявках без изъятия – раз в году каждый сам себе тим-лидер!

Понятное дело, ежегодный маскарад по тому же поводу в главном зале Магистрата, на который загнала меня нынче Судьба, выглядит куда приличнее. Никаких тебе пакетов и банок – сплошь дорогие ткани да натуральные драгоценности, меха и перья, пух и прах до предела и далее. Причем показное богатство с реальным находится в обратной пропорции – пуще всего разодеты гильдейские купцы и купчихи. Так и толпятся всюду, мишурой обвешаны, словно ходячее При-снодреву. Хоть сейчас поджигай, не дожидаясь полуночи.

Где-то посередке парада самомнений расположились цеховые маги и прочие представители свободных профессий. Этим коммерческая жилка велит делать из себя витрину собственного успеха, однако требовательность потенциального заказчика к хорошему вкусу сих ремесленников высшего разряда несколько сдерживает их страсть к показухе. К тому же магички чаще всего косят под городских эльфей, а те все до единой в штанах, так что особо не развернешься. Да и вообще таких уже поменьше будет – денежный успех в этой прослойке редок, пусть порой и повыше купеческого.

За ними магистратские с судейскими, совсем почти при-

стойные, если не считать обязательных цепей с перстнями. Отчего-то чиновников глаз выхватывает в любой толпе – даже маскарадный костюм они умудряются носить с видом одновременно солидным и скучным, привычка к мантии фантазию ограничивает. Зато уж супруги их оттягиваются за всю семью, вровень с купчихами. Смешнее бывает только наоборот, если жена в Магистрате, а муженек у нее в фаворе...

Венчают опрокинутую пирамиду зримых признаков богатства эльфы обоего пола. Эти и вовсе могут ограничиться одним-двумя прибамбасами – стоимостью в полгорода. Или, напротив, позволить себе подчеркнуто дешевое изобилие, если оно подобает избранному костюму. Абсолютно достоверному, если не считать несоответствия природным сословию, расе, а зачастую и полу носителей. У них с этим просто, а меня до сих пор коробит...

В общем, снизу вверх консервативность и показное богатство падают, зато демонстративность и эпатаж только растут. Уж кто-кто, а я могу утверждать это с полной ответственностью – мое семейство, выведенное в свет ради праздника, служит тому лучшим примером. Пусть даже из всех нас лишь Хирра отнеслась к маскараду с подобающей серьезностью.

Сейчас на ней был костюм хисахской танцовщицы, состоящий из семи прозрачных шалей и трех фунтов вычурных серебряных украшений. Вдобавок сквозь все это отливала сине-бирюзовым фальшивая чешуя, наклеенная на бедра,

плечи, лопатки и скулы. Линзы с вертикальными зрачками завершали образ невозможной в принципе полуэльфи-полу-драконидки.

В этом причудливом образе старшей жене не удалось только одно— весь вчерашний день моя высокородная убила на заклятие, которое раздвоит её язык и позволит удивить всех двухголосой речью. Но выходило либо одно, либо другое. С раздвоенным языком она вообще была не в состоянии членораздельно управиться. В конце концов темная эльфья в буквальном смысле плюнула на магию и нацепила на клыки коронки-ревербераторы.

Келла поступила проще, заявившись в полном облачении атаманши «Гекопардовых Орхидей», с мордашкой, расписанной разноцветными полосами в тонах банды. Присутствующие сливки общества нашли этот облик очень милым и оригинальным... за исключением генерального прокурора и маршала штурмполиции. Они не хуже меня знали, что сей костюм полностью соответствует реальному статусу.

Тут уж ничего не поделаешь, и помочь беднякам я никак не мог, даже если бы хотел. Ибо успел отлично усвоить основное правило при обращении с младшей женой: если вы не обеспечите ей интересную жизнь, она обеспечит ее вам. И не факт, что второй вариант перенесет без потерь кто-либо, кроме нее самой.

Что до меня, то я вообще не заморачивался, пришел, в

чем обычно хожу – подобранных в комплект по принципу максимального удобства и качества элементах армейской формы. Для здешних обитателей это было в диковинку и вполне сходило за маскарадный костюм. Да и сам я, Собачий Глаз Пойнтер, Ночной Властитель человеческой крови, если задуматься, персонаж довольно-таки карнавальный. Так что нечего париться...

Тем более, что знакомых, чье мнение по данному поводу можно было бы принять близко к сердцу, ни у одного из нас попросту нет. У Хир-ры – вследствие ее биографии, отмеченной кровожадным диагнозом Волчьей Жажды и вытекающей из онога карьерой в Охотничьем Клубе, игравшем с Судьбой на жизни тех, кому доведется стать Добычей.

Опять же пропасть между древнейшей кровью, последней представительницей которой осталась Келла, и всеми остальными эльфами отнюдь не сократилась за три с лишним тысячи лет после разделения на Дневных и Ночных и последовавшей за тем Войны Сил. Что тоже не располагает к широкому кругу общения.

А я до недавнего времени ни к одному из присутствующих даже на кухню зван не был – ка-давростюардов налаживать в соответствии с основной армейской и единственной мирной специальностью. Отчего, понятно, связями в высшем обществе тоже не обзавелся.

Даже найдись какой-нибудь знакомец у одного из нас троих, нет никакого шанса, что кандидатура эта окажется из-

вестна остальным. Нет таких, и быть не может по определению. Разве что Арбитры, верные блюстители интересов каждого акционера Концерна Тринадцати. Как-никак, к числу последних, как представители Высоких Родов, принадлежит вся наша троица. Да и прочих поводов свести знакомство с эльфийскими законниками за последнее время сыскалось немало.

Так что, увидев деловито раскланивающиеся мужские фигуры в строгих серых тройках, я ничуть не удивился. Они да я сам – единственные опоры постоянства и естественности в этой бредовой мешанине, где соседствуют костюмы всех народов и эпох. Оттого и ответил на приветствие едва ли не с радостью. Приятно видеть хоть что-то незыблемое, даже если это хищность записных сутяг.

Похоже, у пары эльфов я вызвал в чем-то близкие чувства – тем тоже было спокойнее видеть Собачьего Глаза Пойнтера в обычном качестве. Во всяком случае, если судить по вопросу, прозвучавшему после обмена приветствиями.

– Вижу, не изменяете привычному стилю даже в Приснодень? – поинтересовался кто-то из них. Кто именно, я так и не понял. Обратился ко мне один, но голос и интонации явно принадлежали другому.

Впрочем, уверенно расслышать что бы то ни было в окружающем гаме и гвалте было непросто. Поэтому я только ух-

мыльнулся понимающе и пожал плечами, обращаясь сразу к обоим.

– Со мной-то все ясно, – решил я поддеть их по-свойски. – А вы почему не в масках? Должность не позволяет?

Арбитры довольно ехидно переглянулись и совершенно несерьезно хихикнули.

– Это я Светлый, – поясняя, отвесил полупоклон серокожий и черноволосый.

– А я Темный! – развел руками бледный и золотогривый.

Ну дают парни! Краска или заклятья, но поработали оба здорово. Если учесть, что их и в норме-то можно различить только по цвету, в юморе Арбитрам не откажешь.

– И верно, как же еще... Оттягиваться тоже нужно, – вздохнул я, с немалым трудом признавая всеисилие Приснодня и свое одиночество в попытках сохранить естественность. – Хоть раз в году от всего отдохнуть!

– Не могу согласиться, – покачал головой тот из них, кого День Последней Перемены превратил в долгоживущего собрата Победенных Богов. – Интересы Концерта первичны...

– И мы должны неотступно блюсти их, без перерыва на отдых и праздники! – подхватил второй, примеривший на себя личину победителя Войны Сил. – Собственно, вас мы тоже обеспокоили по делу.

Ага. А я-то губы раскатал, расслабился, думая, что эта парочка летучих акул правосудия может появиться на горизон-

те без веской причины, к тому же сулящей одни неприятности. Во всяком случае, весь мой опыт взаимодействия с законом только о неприятностях и говорил— от первых подростковых приводов в участок через навеки памятную армейскую повестку до всех визитов этих же самых Арбитров в замок Стийорр...

Теперь вот на выходе подловили, в самый Приснодень. Воистину, «закон без отдыха не спит, над смертным неотлучно бдит», как поется в марше Штурмполиции. Где они поймают меня в следующий раз? В нужнике? В купальне? В супружеской постели?!

Ладно, о следующем разе задумываться рановато, с этим бы разобраться. Для чего следует хотя бы выслушать казенных сутяг. Желательно поподробнее, чтобы не упустить какую-либо лазейку из ловушки, расставленной на меня Судьбой с их помощью.

— Дело это касается одной молодой особы, — не стал тянуть копченый каучук изначально Светлый, а сегодня Темный Арбитр. Светло-Темный, стало быть. То есть наоборот, Темно-Светлый — по законам символетрии внешний уровень обозначается в начале. Иллюзия прежде истины себя оказывает, и иначе не бывает никогда, хоть и родится истина прежде ее искажений...

Изрядно замаскированная истина в облике иной, ничуть не менее реальной — теперь я еще лучше оценил шутку Арбитров с обменом цветами — учтиво отступила, давая дорогу

какой-то исключительно расфуфыренной иллюзии. Женского пола и высокого эльфийского рода, если судить по едва ли не семифутовому росту. Ни то, ни другое был не в состоянии скрыть наряд изэрийской плясуньи Гильдии Огненного Петуха, состоящий в основном из оранжевых и алых перьев.

Насчет принадлежности этой Инорожденной Дню или Ночи теперь, после сногшибательного фокуса ее покровителей, я бы не рискнул загадывать. Хотя многочисленные участки обнаженного тела, выставленного напоказ весьма откровенным костюмом, были по-светлоэльфийски кремовыми, без оттенка иного тона. Да и круто выющаяся копна волос отдавала не заемным золотом «ведьминого чая», а природной подлинностью того же металла.

Данный набор сразу же неприятно напомнил о первой из смертных сестер Дня, с которой мне довелось свести близкое знакомство. Даже чересчур близкое, на мой вкус – без него можно было бы и вовсе обойтись. Это я про Леах, чтоб ей совсем не вернуться из отлучки, невольно организованной мной самим...

А когда эльф, некстати вызвавшая в памяти Инорожденную стерву, сняла полагающуюся к костюму маску из тех же перьев, сомнений в ее принадлежности Цвету и вовсе не осталось. Какая, к демонам гоблинячим, Ночь?! Истинный День в блеске его, каковой как никто умела явить собой недоброй памяти высокородная ау Риер!

Именно она это и оказалась. Собственной персоной. Точь-

в-точь такая, какой пожаловала в первый раз на порог нашего с Хиррой замка. Без единого изъяна, причиненного нашей совместной инспекцией в Мекан, из которой ей не довелось тогда вернуться.

А сейчас, значит, довелось?!

Вот тебе, гоблин; и Приснодень! Пять дюжин лет в виде дерева, заклётого одним из Первосу-ществ... Так быстро пролетели, что ли? Непохоже – не настолько давно я в эльфы заделался, чтобы счет годам потерять. Хотя и такое бывает, говорят. Как тысячу перевалишь, так в этой прорве полвека теряется бесследно.

Или на болотном острове непорядок какой? С Великим Всем что-то не так?! Это ж, почитай, Мировая Погибель подступила незаметно!!!

Ничем иным не получалось объяснить появление Лесной раньше положенного срока отсидки... то есть отстоя под корой в меканских джунглях. Впрочем, даже миновавшего времени биомагического заключения, похоже, хватило, чтобы изрядно поменять натуру зловредной эльфи. Общую легкомысленность облика совершенно не в тяжеловесном стиле высокородной еще можно списать на карнавал, но вот взгляд...

Мечтательности, непосредственности и мягкости в нем, как я понимаю, от роду не водилось. А сейчас глаза светло-эльфийской дивы сияли, как два новеньких ртутных статигра. Или нет, как хисахские «морские» динары из голубого

золота...

Стоп. У Леах же глаза серые были, если не ошибаюсь? Хоть и недосуг мне с ней было в гляделки играть... Нет, точно, у той сталью отдавали, у этой же – талой водицей горных снегов. И не линзы, блеск живой – уж я-то не спутаю. Тогда как же... то есть что же... то есть *кто* же это?

– Позвольте представить вам янгледи Алир ау Риер ау Рийосурр, уарени Инерс, – отгарабанив сперва наши с женами титулы, как всегда, к месту развеял недоумение Темный, то есть на самом деле Светлый Арбитр.

Значит, Алир, а не Леах. Сестрица, что ли? Близняшка, видно, если сходу не отличишь даже в маскарадном костюме. Вот только почему «янгледи»? Она же сотни на полторы лет старше Хирры, если с сестрой единоутробная...

– Младшая полусестра небезызвестной вам уари Инерс, находившаяся под опекой той до замужества, – прибавил свою весьма не лишнюю часть разъяснений ныне Светлый, а по сути Темный Арбитр.

Что такое «полусестра» и насколько младшая, разберемся позже. Главное, степень родства угадана верно. А детское титулование взрослой по всем признакам Инорожденной получило вполне понятное объяснение. Хотя в свое время я был изрядно удивлен дремучестью законодательных норм совершенно отвязанных во всем прочем первых детей Отца.

Как оказалось, эльфийская дива довольно ограничена в возможных статусах. Она может жить девицей в родитель-

ском доме, быть замужней, разведенной или вдовствующей. А также пребывать под опекой до замужества или совершеннолетия с последующим выбором одного из статусов, включая вдовство. Последнее осуществляется выдачей замуж за умершего по договоренности с его родом. Некоторые обедневшие семьи недурно зарабатывают на приданом-отступном «рисовых вдов».

Старшая ау Риер, помнится, избрала как раз последний вариант. А младшая вот, даже оставив совершеннолетие далеко позади, предпочитает отсиживаться под опекой. Под чьей только, в отсутствие более самостоятельной сестрицы?

Дождавшись завершения представления, более инфантильная представительница рода ау Риер сделала глубокий книксен – на редкость умильно, слегка стеснительно и чуть-чуть неуклюже. Ничего общего с упругими, четкими движениями сестры. И повадками тела разница между ближайшими родственницами не исчерпывалась – те же черты лица наполняла совершенно другая мимика. У Леах брови взлет то и дело грозно опускались к переносице, а у этой... Алир норовили подняться трогательным домиком.

Да и вообще младшая ау Риер производила впечатление милой беспомощности. Насколько вообще может казаться беспомощным создание шести футов восьми дюймов роста и весьма нехилого телосложения. Вся она была какая-то плюшевая, словно огромная мягкая игрушка, впрочем, не в ущерб женственности.

Окончательно признав, что это не злодейка, вернувшаяся чуть ли не из-за Последней Завесы, а всего лишь ее копия, вполне безобидная на вид, я перевел дух. Нет, это не Лесная. Так, Опушечная...

Но оказалось, что успокаиваться рано. Проскользнувший стороной вопрос о нынешнем опекуне великовозрастной янгледи встал во весь свой рост. Точнее, был безжалостно поставлен Арбитрами, чьи цвета окончательно смешались в какое-то серое пятно. Или это уже на меня сумеречное состояние нашло от всех перипетий?!

Так или иначе, именно один из высших чиновников Концерна Тринадцати объявил официальный повод к знакомству с очередной представительницей и так уже досадившего мне светло-эльфийского рода:

– По истечении года странствий высокородная Леах ау Риер, – тут он впал в перечисление титулов отсутствующей стервы, – признается не исполняющей обязанности опекуна и нуждается в замене в сем качестве.

Что ж, вполне справедливо, хоть и «странствует» горе-опекунша на редкость малоподвижно. Но знать это положено не всем. Особенно судейским и кровным родственникам!

– Совет Концерна должен назначить нового опекуна, – который это из Арбитров, и не поймешь. – В соответствии с выбором опекаемой.

Не завидую тому, кому достанется такой подарочек на

Приснодень. Хотя на первый взгляд сестры и не сопоставимы по вредоносности, еще неизвестно, какие демоны водятся в этой тихой заводи.

Задумавшись о судьбе счастливичика, обреченного отныне возиться со здоровущей безответственной девицей, я чуть не пропустил следующую и главную фразу этого монолога:

– Высокородная Алир ау Риер предпочла избрать своим опекуном вас!

Даже в шуме толпы это прозвучало погребальным гонгом.

Оригинальность выбора светлоэльфийской дивы шибанула меня не хуже, чем снаряд из катапульты промеж ушей. Досочувствовался – как выяснилось, самому себе! Теперь, что же, придется вплотную распробовать всю прелесть этой... Опушечной? И главное, в толк не возьму, с чего такая честь!

Или это изошренная месть за сестрицу, которую не без моего участия пристроили отдыхать в виде дерева на пять дюжин лет? Не так уж безобидна плюшевая эльфь, если до такого додумалась...

– Почему... – и не подозревал, что вопрос этот вслух выдаю, пока сам не расслышал. Тот еще хрип удавленный получился, любой висельник позавидует. А жены за спиной и на то способны не оказались – молчали, как пескорыбы на сковородке. Во всяком случае, с их стороны ничего не доносилось, а оглянуться в такой ситуации у меня не хватило решимости. Боялся, что если обернусь – побегу.

У самой потенциальной подопечной, напротив, ника-

кой помехи разговору не наблюдалось. Поскольку ответ на невольно вырвавшийся вопрос выдала именно она, причем на редкость быстро и беззаботно:

– Ты справился, где сестра не смогла. Значит, ты лучше, – и хлопнула ресницами, так доверчиво-доверчиво.

– Что ж ты, никого больше не знаешь? – из последних сил попробовал я вяло воспротивиться.

– Наоборот, – кокетливо улыбнулась Опушечная. – Я всех знаю. Кроме тебя. Потому и выбрала.

Переваривая этот изрядный комплимент то ли себе, то ли – в обратном смысле – всем Ино-рожденным, я окончательно замолк, поэтому вступление в разговор старшей жены воспринял как долгожданную помощь.

– Может ли дом Стийорр ответить отказом? Ох, спасибо. Самому бы с этого начать...

– Разумеется! – с готовностью отозвался Темно-Светлый Арбитр. – Это ваше право!

– О да! Это послужит поводом к самому перспективному судебному процессу со времен отторжения заанарских вотчин! – с явственно деланным энтузиазмом раскрыл причину восторга коллеги Светло-Темный. – С ресурсом расследования минимум лет в семьсот!

Солидарность по Цвету оказалась в нем сильнее профессионального рвения. Или наоборот, жажда пристроить к нам в дом беспризорную девицу важнее, чем повод всю про- явить свои сутяжки способности.

Так или иначе, перспективы отказа мое семейство теперь осознавало яснее ясного. В отличие от перспектив согласия...

– В таком случае не вижу причин препятствовать, – заботливо информировала Хирра всех, а в первую очередь – мужа и Властителя.

Еще раз спасибо. Знать, как реагирует на это она, мне сейчас позарез необходимо. А Келла что думает по этому поводу?

– Я тоже не против, – лениво протянула моя древнейшая. – Раз такое дело...

Чего в словах предводительницы банды «Ге-копардовых Орхидей» было больше – истинного безразличия или скрытой угрозы, – лично я определить не брался. Но ее бойцовые оторвы с улиц славного города Анарисса, несомненно, сделали бы верный вывод. У них к такому тону привычки всяко больше, чем у законного мужа...

Разумеется, инфантильная до предела светло-эльфийская дива подобным опытом обладать не могла. Поэтому, приняв слова младшей жены за чистую монету, Алир кинулась ей на шею с объятиями и поцелуями. Затем попыталась проделать то же самое и со старшей, но смущенно затормозила на полдороге. Закоренелая вражда между Днем и Ночью ее остановила, что ли?

Не удержавшись, я все-таки обернулся – бежать так и так уже некуда. Все, как всегда, за меня решили.

Вопреки ожиданиям, выражение ошарашенного недовольства оказалось как раз на лице у Кел-лы, поправляющей смазанный грим. Хирра, напротив, имела вид скорее растроганый, с оттенком сочувствия. Причем не ко мне, что уже примечательно...

Ограничившись застенчивым реверансом перед извечной противницей Дня, светлая эльфь обернулась ко мне.

– А ты что скажешь? – поинтересовалась она, умильно склонив голову и отставив ножку. Конечно, я же остался единственным, кто не огласил своего решения. Хотя именно мое слово – главное.

Слово это мне уже заботливо нашептывали в оба уха Арбитры. Уяснив формулировку, я кивнул им, поочередно полуобернувшись, и отступил назад, чтобы видеть всю братию. И лишь после этого выдал с полным осознанием того, на что себя обрекаю:

– Клянусь принять и содержать Алир ау Риер ау Снийотта, уарени Инерс, как деву рода и крови Стийорров, до тех пор, пока кто-либо не заявит и не подтвердит права на нее Высокой или Низкой Клятвой! Клянусь в этом до конца ее или моей жизни... С завтрашнего полудня!

Не знаю, чем я руководствовался, выторговывая эту отсрочку, и допустимо ли вообще было изменять текст соклятия подобным образом. Однако Арбитры синхронно кивнули, подтверждая услышанное. Отныне мои слова стали законом, определяющим жизнь нашей семьи невесть на сколько

сотен лет вперед.

Жены и новообретенная подопечная тоже вели себя, как будто все в порядке вещей. Хирра, как у нее водится, еще и улыбнулась одобряюще. Правда, при иллюзии раздвоенного языка и фальшивых клыках смотрелось это... как-то противоположно. Не знай я обычной версии этой ее улыбки – испугался бы.

Сейчас же страшиться надо было исключительно без малого семи футов светлоэльфийско-го девичьего восторга, с ликующим взвизгом прыгающего мне на руки. Особенно если с координацией движений у источника этого ликования дела обстоят весьма так себе. Не рассчитав прыжка, здоровенная эльфь без труда сбила меня с ног.

Так мы и рухнули на пол – я снизу, а Опушечная, обвившая руками мою шею, сверху. В полете она успела пару раз быстренько чмокнуть меня, перемазав оставшимся на губах разноцветным гримом Келлы, но мне очень быстро сделалось не до того.

Жены поспешили на помощь, разгребая получившуюся всего из двоих изрядную кучу малу. Арбитры же сочли момент наиболее подходящим для того, чтобы ретироваться. Понять их было несложно – я и сам с удовольствием оказался бы подальше отсюда. Семейство у нас и без того странно-ватое, а если еще добавить к его странностям необоримую ласку новенькой – никому мало не покажется.

Наконец объединенными усилиями жены отрыли меня

под заносами разноцветных перьев и золотых локонов подопечной. Сама она, весом далеко не перышко, поднялась на ноги без особого труда, что заставило заподозрить некоторую наигранность неловких движений. Хотя похоже, что Опушечная и сама не осознает, когда действительно не в силах управиться с собой, а когда пользуется тем же для достижения желаемого.

Что ж, зато с немалой долей уверенности проясняется ее симботип – Пинт-Оэт, «Нунчаки», с сильной Водой в рабочей функции. Бывают, конечно, и исключения, но чаще всего у близнецов либо одна и та же базовая функция при разных рабочих, либо наоборот, либо так вот – полное дополнение. А если симботип один и тот же, тогда пол разный...

Не худший вариант. Во всяком случае, к явным злодеяниям не расположенный, разве что к тайнам да интригам. Но это еще ничего, интриги у всех эльфов дело обычное. В данном случае следует ожидать лишь изощренной нелепости и нездорового гигантизма таковых. Главное теперь – не упустить из виду их потенциальный источник.

Впрочем, такое из виду не упustiшь, даже если очень постараться. После падения подопечная тут же принялась охорашиваться, самозабвенно возясь со своим нарядом. На провокационное предложение младшей жены выпить за знакомство она и внимания толком не обратила – мотнула головой с виноватой улыбкой и опять ушла в себя. В результате встряхнувшаяся, как кошка, Келла поспешила куда-то

смыться в одиночку. Рядом осталась одна моя высокородная, заботливо помогая мне подняться после легкой контузии светлой эльфью.

Оно и к лучшему. Мне срочно требовалось обсудить с кем-то свои действия, как уже совершенные, так и только предстоящие. Хирра тут лучше всех подойдет, а заодно решим с ней, как дальше быть.

Как водится, старшая жена пришла мне на помощь, сама начав разговор.

– Хорошо, что ты отложил до завтра вступление клятвы в силу, – так и есть, ее одобрение по данному поводу мне не почудилось. – Успеем покои подготовить.

– Где мы поселим-то эту... Опушечную? – Услышанное сразу настроило на деловой лад.

– В утреннем секторе, – сразу же решила моя высокородная, чуть улыбнувшись меткости прозвища. – Где-нибудь между восемью и одиннадцатью часами.

Пусть так. Мы с Хиррой делим закатный сектор, Келла, когда не с нами, обживает полуденный. Полуночный после смерти отца моей высокородной заброшен. А утренний лично мне памятен только баром, где мы с темноэльфийским кузенком и оравой мелких зеленых гоблинов незаметно усидели целый бочонок драгоценного полутвердого муската полуторатысячетней выдержки. Как после этого Хирра не утопила меня в бочке чего-нибудь подешевле, до сих пор не пойму.

Ну, хотя бы подобного урона от новой обительницы

ждать не следует. Насколько я уразумел, бары младшую ау Риер не привлекают. Знать бы еще, в чем состоит ее настоящий интерес...

Вполне возможно, что вредить нам она не намерена ни сном, ни духом. Но лучше уж лишку остеречься, чем после жалеть... Пару лет, почитай, как от собачьего взгляда избавился, а до сих пор редко кому решаюсь в глаза смотреть. Распознай я сразу, что это не Лесная явилась из небыли спросить за свою судьбу, был бы сейчас куда спокойней.

Хорошо, что, заметив за собой такие вещи, исправлять их никогда не поздно. Прямо сейчас могу, начиная как раз со старшей жены. Тем более, что хотелось хоть как-то выпустить наружу благодарность ей за поддержку, чтобы не утонуть в ней вовсе – и так едва из ушей не хлещет.

Не в силах противиться порыву, я поднял руку к лицу моей высокородной, уже не стесняясь никого в шумном, занятом собой зале. Погладил крутой, по хисахской моде, завиток волос на виске, нежно провел кончиками пальцев по скуле, украшенной фальшивыми чешуйками. Сглаживая нашу разницу в росте, темная эльфь заботливо склонила голову, подставляя под ласку ухо.

Да, редко выпадает в повседневной жизни шанс вдоволь насмотреться друг на друга. Все время не до того, и лишь потрясение, опасность, реальная или надуманная, как сейчас (надеюсь!), заставляет приглядеться друг к другу, как в первый раз. Или в последний...

Во всяком случае, сейчас, как оказалось, мой внимательный взгляд на жену был необходим в первую очередь ей самой, чтобы исправить мелкую несообразность в безукоризненном по достоверности маскарадном костюме. Что забавно, касалось это как раз ее глаз, яркими самоцветами линз превращенных ныне в подобие змеиных, драконидских.

– У тебя зрачок покосился, – улыбнувшись, я сказал это совершенно беззаботно, походя. Вот только кажущейся легкостью этой фразы не обманешь ни себя, ни ее. Таким тоном обычно говорят совсем другие слова. И слов этих не четыре, а всего три...

– Ой, спасибо! – Хирра, поняв все сказанное и не сказанное, не стала поправлять линзу, а просто сморгнула. – Так?

Теперь оба ее зрачка были абсолютно правильными вертикальными щелями, как у кошки или настоящей драконидки. А затем, без всякого усилия извне, начали расширяться, пока не стали абсолютно круглыми, словно у той же кошки в полночь. Сжались снова – теперь в горизонтальные щели, и наконец, в четырехлучевые звездочки, медленно завертевшиеся в темной радужке под цветной линзой. Я зачарованно глядел в глаза своей жены, с которой прожил уже без малого пару лет и о способностях которой, как оказалось, не знал еще многого и многого...

– Ты правда не замечал? – улыбнулась эльфь, наблюдая за моей физиономией.

– Ага, – замотал я головой и невпопад добавил: – Особен-

но звездочки...

– Это еще что, – вздохнула моя высокородная, как показалось, даже с некоторой завистью. – У Келлы они восьми-конечные. Когда она на тебя украдкой смотрит...

Ну да, эльфы же, как и дракониды, – дети Отца, да еще старшие, должны были перенять родительскую черту. Как я не догадался! Чуть кулаком в лоб себе не засветил с досады. Но еще пуще было обидно за собственную лень и отсутствие любопытства к жизни жен. Хорош...

Однако сама Судьба не позволила мне утонуть в собственном раскаянии. Завершая наш нелепый разговор, за окнами вспыхнули Присно-древеса – все разом, в единый миг во всем городе, по команде бесплатно раздаваемых амулетов. В зрачках жены, оказавшихся столь загадочными, заплясали тысячи бешеных огней, надежно скрывая ее истинные чувства.

– Что же вы стоите?! – ухватила нас обоих за руки подбежавшая Келла. – Не обойдете При-снодреву кругом, пока оно горит – в зачерствелом году останетесь! Как маленькие прямо...

Противопоставить извечной правоте этих слов было нечего, а противостоять напору моей древнейшей – и вовсе невозможно. Отиравшуюся невдалеке подопечную тем более не пришлось тащить в хоровод силой – сама тут же прицепилась к семейной веренице, будто только того и ждала. Так же, как и ко всей нашей жизни пристала ни с того, ни с сего...

Впрочем, на эти брюзгливые мысли уже не осталось ни времени, ни желания. И заметить не успел, как выскочили наружу, только горячий воздух ударил в лицо, а уши заполнил треск сторающей мишуры. Все лишнее вылетело из головы в один миг, когда древний обычай захватил нас и повел посолонь вокруг полыхающего дерева. Раз, другой, третий!!! Затем вокруг другого пышущего жаром ствола, уже с кем-то еще, а после и в общей цепочке – змейкой между стоячими кострами, с каждым шагом все надежнее переходя из вчера в сегодня, из прошлого в настоящее. Тысячи огненных столбов плотным частоколом отделили закончившийся год от наступившего, пуская бывшее на ветер роем искр...

Наутро от прошедшего года и памяти не осталось. Тем более наступило это утро едва ли не в районе полудня, когда мы с женами соизволили продрать глаза. Хорошо, что на первый день праздничной недели в принципе не может быть запланировано никаких дел...

Демоны дурных совпадений!!! А новая-то обуза– Опушечная, Дневная эльфь, угодившая под опеку нашего безусловно Ночного семейства! Ведь с минуты на минуту на замок сверзится!

Быстрый взгляд на заклятые фигурки злато-кузнецов, искусно кующих секунду за секундой в углу нашей спальни, подтвердил худшие опасения. На выходящем из-под их молотов кольце циферблата явственно обозначилась половина

двенадцатого.

Растолкать жен удалось быстро – достаточно было шепнуть на ухо каждой: «Янгледы ау Риер прибывает!!!» Из постели наша троица сыпану-лась, как салажата по первой побудке, едва ли не на четвереньках разбегаясь по ванным. Одевались тоже на ходу, перебрасываясь через всю спальню найденными предметами одежды, подходящей друг другу. Вид Хирры, прыгающей на одной ноге в попытке быстро натянуть сверкающие лаковой кожей узкие штаны, вряд ли когда-нибудь изгладится из моей памяти.

Все же успели. И доклад Фроххарта, торжественно явившегося объявить о визите, встретили в полной боевой готовности и достаточном разумении. А то так бы и не узнали, что, против обыкновения, гости решили пожаловать не к причалу донжона на воздушном корабле, а понизу, к парадным воротам.

Еще бы! Если, по крайней мере, одна из явившихся намерена остаться здесь надолго, стало быть, прибыла не налегке, с вещами и запасами, а их у высокородной сонаследницы одного из Тринадцати правящих домов – не всякий воздушный корабль поднимет. Да и принимать драгоценный скарб Инорожденной Дня с главного входа сподручнее, чем через парадный зал, по лестницам донжона тащить. Пусть даже вниз, а не вверх...

Мы всем семейством, втроем, встали в ряд в воротах – дворецкий, открывший их, куда-то предусмотрительно дел-

ся. Я в середине, жены по краям. Редкой цепочкой, не способной противостоять мощи назревающего вторжения. Да и то в этой преграде я оставался самым слабым звеном – обеим эльфочкам впору было прихватить меня за руки, чтоб не сбежал под напором надвигающейся громады.

По ту сторону подъемного моста тоже выстроилась троица, только там мужчин было двое, а женщина лишь одна. А позади Арбитров и той, кому предстояло сделаться моей подопечной, чуть ли не к горизонту уходила вереница возов, платформ и фур, возглавляемая парой повозок ядовито-зеленого цвета с ярко-оранжевой надписью: «Стабби, Стэди и Сыновья. Доставка вовремя». Внутри кузовов негромко гомонили гоблины-грузчики – меньшим количеством зеленавок, чем два стандартных контейнера по длинной тонне, солидная фирма по перевозке обойтись не надеялась.

Насчет горизонта я, конечно, преувеличил. Но до ближнего поворота дороги тяжело груженный караван доходил определенно.

Первыми нарушив общую неподвижность, Арбитры синхронно сделали шаг вперед, на мост. В тот же миг мои жены шагнули им навстречу – шаги четверых по настилу слились в странную дробь, словно провожающую меня на казнь. Ровно посередине моста, не дойдя друг до друга нескольких шагов, они встали – моя высокородная напротив Светлого, моя древнейшая лицом к лицу с Темным.

– Дом Стийорр готов исполнить свое слово? – задал ри-

туальный вопрос кто-то из эльфийских сутяг. Расстояние не давало понять, который именно. Но в том, что ответила ему именно Хирра, сомневаться не приходилось.

– Дом Стийорр верен себе и Ночи! – Ее волосы заплескались по ветру, взметнувшись от резкого рывка надменно запрокинутой головы.

Так же не поймешь кем заданный, как и первый, с середины моста прилетел следующий вопрос:

– Дом Ирийорр готов засвидетельствовать свершаемое? – Формулировка отличалась, признавая иные права за наследницей, введенной в права совершеннолетия замужеством.

– Дом Ирийорр верен себе, Повелителю Небес и Хозяйке Недр! – звонко и не менее гордо ответила Келла.

Может, мне показалось, но имена Отца и Матери в ее исполнении заставили отшатнуться на полшага верных сыновей Дня и Ночи, признающих себя Инорожденными в источниках своей силы. Даже моя темноэльфийская дива качнулась не то в испуге, не то в тоскливо-сладкой истоме, потеряв равновесие на долю секунды. Хотя уж она-то должна бы притерпеться в быту к неискаженной силе древнейшей крови...

Наваждение прошло так же внезапно, как нахлынуло, словно легкий утренний ветерок, закрутивший медовые прядки последней из рода Ирийорр, унес все отголоски древних раздоров и непростительных ошибок. Так же одновременно, как прежде, все четверо на мосту развернулись спиной к перилам. Лица обеих жен обратились ко мне, физио-

номии Арбитров – к сопровождаемой ими высокородной ян-гледы. Это движение несло зов, в прочтении которого нельзя было ошибиться, которому нельзя было противостоять...

Мы оба – я и подопечная – миг в миг шагнули навстречу друг другу.

Может, и были в моей жизни дороги длиннее. В том же Мекане полдюжины ярдов от окопа до окопа под тесайрскими файрболлами и градом стрел из залповых катапульти кажутся вечным странствием. А иногда и оказываются началом дороги в вечность, наполненную воем неуспокоенных душ.

Но чтобы несколько шагов от порога собственного замка по собственному подъемному мосту вгоняли в страх до такой же степени – этого я себе представить не мог. Не в демонскую даль, не в неизвестность – к исполнению формального, по сути, ритуала, договора, предзаключенного похода, в суете и бестолочи Приснодневного карнавала...

Нет, не пустая вещь – эльфийские клятвы. Если уж сейчас так пробрало, что же будет, если нарушу обещанное?! Лучше не проверять!

Текст клятвы, вводимой в действие, я оттарабанил, не особо вникая в нее и не отрывая глаз от мостового настила. Лишь договорив последние слова, я поднял взгляд на ту, кому они были предназначены.

Инорожденная Дня стояла потупившись, тихо, словно мышка. Похоже, ей происходящее тоже давалось не так уж легко. Да и одета по сравнению со вчерашним она была не

в пример скромнее. Правда, в противовес моим женам, единодушно явившимся на ритуал в штанах, она сочла происходящее достойным платья. Уэльфей сие считается признанием высшей степени серьезности момента.

На мгновение я испытал что-то вроде благодарности к светлоэльфийской диве... И тут же пожалел об этом. Ибо, сделав шаг навстречу мне, на «нашу» сторону моста, достойная полусестра Леах запнулась о подол и со всего маху навернулась, дословно повторив итог нашего вчерашнего знакомства. То есть нечувствительно сбила меня с ног и с комфортом расположилась сверху. Ничего себе привычки образуются у подопечной!

Покуда жены уже с некоторой сноровкой разгребали нашу с ней кучу малу, Арбитры сочли свою миссию окончательно исполненной, невозмутимо пробубнили фразы, приличествующие прощанию, и под шумок смылись в хвост процессии к предусмотрительно оставленному там экипажу.

Нам же четверым, включая дворецкого, предстояло заняться приемом и размещением барахла, привезенного новой обитательницей замка. Саму ее к этому делу совершенно явно подпускать не стоило. Во избежание...

Фуры втягивались во двор порциями по три-четыре – все разом не влезли бы, как ни старайся.

Текущие от них зеленые ручьи гоблинов-носильщиков сливались в полноводную реку, катящуюся через парадный вход и далее, до указанного дворецким и женами места раз-

мещения новой обитательницы замка. Багаж подопечной в этом потоке плыл величаво, как осенние листья по настоящей реке, так же кружась и задевая любые препятствия.

Состав этого высокородного скарба совершенно неожиданно потряс меня до глубины души. Ну, четыре фуры с гардеробом – это я понимаю. Эльфийская дива все-таки, не мандрагора в горшке. На что Хирра равнодушна к нарядам, и то у нее гардеробная всего в два раза меньше зала городской ратуши.

Но семь возов плюшевых мишек... Не только мишек, конечно – тут были мягкие игрушки всех видов и обоего пола, включая тех, у кого как первую, так и вторую принадлежность определить было невозможно. От совсем крохотных, в ладонь, до самых огромных. На фоне некоторых даже сама обладательница сей коллекции терялась как по размеру, так и по плюшевости.

Раньше я думал, что хуже фонотеки Келлы ничего быть не может. Певчие крикуны, конечно, разлетаются, плюются и гадят на ковры, поют без остановки среди ночи, пока не поймаешь, и могут чувствительно укусить. Но они хотя бы не оказывают такого тяжелого коллективного воздействия – по своей сути крикуны индивидуалисты и не склонны к масштабной атаке.

Мягкие игрушки же подавляли своим обилием. Несложные заклятия позволяли им сопеть, ворковать, похрапывать и мурлыкать, а также вяло шевелиться. Они были теплые,

они благоухали и светились. Некоторые целиком.

Я нервно сглотнул, представив, как эта плюшевая орда расплзается по коридорам замка, погребая под собой мрачное изящество залов и кабинетов. Надо будет проследить, чтобы Алир держала свои покои под надежным запором...

Оглянувшись, я не обнаружил подопечной во дворе. Оно и к лучшему, конечно – вид моей рожи, изрядно перекошенной изумлением, вряд ли мог послужить установлению между нами доверительных отношений. Однако настоятельное требование усмирить нашествие мягких игрушек приходилось отложить, а за его участниками следить с особой тщательностью.

Не откладывая слежку в длинный ящик с погребальными рунами на крышке, я свирепо вперился в фуры. Орава гоблинов как раз выгружала плюшевого дракона с пухлыми стегаными крыльями. Приблизительно в полуторном масштабе, если принять за образец настоящего, например, любимца Келлы.

Означенный дракот, легок на помине, усмотрел в плюшевом гиганте явного соперника и не замедлил ринуться в бой. Спикировав с надвратной башни, он впился в мягкую игрушку зубами и когтями. То, что конкурент чувствительно превосходил храбреца размером, в расчет не бралось.

Гоблины-носильщики порскнули в стороны. Вслед им полетели ключья набивки. Плюшево-драконий ком покатился по двору, сбивая кофры и баулы.

На шум от парадной лестницы вынеслась запропавшая было хозяйка игрушечного монстра. Я едва успел перехватить младшую ау Риер – и то лишь потому, что та была тренирована куда хуже, чем мои жены. Врожденной силы, соответствующей росту, у светлой эльфи хватило бы на меня с запасом. А к дракоту, когда он в таком запале, даже Келла без драконьей флейты близко не подходит. Где она, кстати? Да и Хирре не помешало бы появиться. Без нее я подопечную долго не удержу...

Жены выбежали на мгновенно поднявшийся шум и гвалт полудюжиной секунд позже. Дракот низко рычал и выл, как будто на дворе март, а не начало осени и свежего года, гоблины орали немзыкальными фальцетами, разбегаясь от фурволнами, а поверх всего этого взлетал истошный визг светлоэльфийской дивы.

Верно оценив ситуацию, моя высокородная кинулась мне на подмогу, а моя древнейшая отправилась усювестить своего домашнего любимца. Без особого, впрочем, успеха – уводя подопечную вглубь замка, подалее от печального зрелища кончины ее любимой игрушки, мы услышали взрыв ругани, сменившей трели драконьей флейты, и поистине кошачье шипение эльфи древнейшей крови. Исчерпав разумные аргументы, хозяйка принялась вразумлять дракота в более доступных ему выражениях.

Вскоре Келла присоединилась к нам, на ходу разбирая флейту и сердито стряхивая с плеч клочки плюша и набив-

ки. К этому моменту свет-лоэльфийскую диву удалось кое-как заглушить и дотащить до диванчика в холле, вне прямой видимости входа, за которым продолжал вершить расправу победитель.

Впрочем, все наши усилия по умиротворению рыдающей Алир тут же пошли прахом. Ибо, покончив с противником, зверь драконьей крови гордо явился предъяснить тушку побежденного своей хозяйке и прочим, разделяющим ее общество. Как нельзя вовремя!

Скрежеща когтями по полированному камню, дракот победно волочил от входа останки плюшевого конкурента. За ним следом по полу рассыпались целые горы набивки. Похоже, наполнитель был под заклятием, позволяющим затолкать внутрь плюшевого чудовища столько магопона, что хватило бы на небольшую пропасть. Самую дорогую мебель набивают именно так, почему бы тогда не быть и супермягкой игрушке? Легкие волокна плавали в воздухе, кружась в восходящих потоках... Этого зрелища оказалось более чем достаточно, чтобы заставить притихшую было светлоэльфийскую диву вновь перейти от жалобного всхлипывания к полновесной истерике.

Раньше я думал, что фонтанчики слез на пару футов способны пускать только специально заклятые куклы в уличных вертепах. Или клоуны, которым погонщик на сбрую, удерживающую на пяточке фальшивый нос, привешивает трубочки для воды, чтобы из водяных подушек на зад и в цилиндре

от каждого пинка или удара по башке выплескивалась порция «слез».

Оказалось, живое существо, да еще эльфийской крови, способно на такое ничуть не хуже. Алир взвыла, зажмурилась, запрокинув голову, испустила очередную пару струек, шумно высморкалась в подставленный Хиррой платок и заревела в три ручья по новой. Я смутно надеялся, что запас печальной влаги у нее наконец-то закончится.

Ни хрена! Эльфь высокого рода продолжала щедро расходовать рабочую стихию. Конца-края не предвиделось импровизированному наводнению, невзирая на все утешения моей высокородной и через силу выведенное извинение младшей жены. Вот что делает бегущая Вода в сильном аспекте симвотипа...

Единственным, кто нашел способ справиться с неостановимым потоком, оказался Фроххарт. Окинув поле позора и разгрома ястребиным взором, халфлинг отлучился, казалось, лишь на полминуты, но обратно вернулся уже с сервировочным столиком, в мгновение ока успев соорудить целую батарею внушительных бутербродов с кол-басыром, оливками и салатом. Каждый – из длинного заанарского батона, разрезанного пополам.

Поначалу я с сомнением воспринял как уместность самой идеи, так и количество заготовленных припасов. Этим добром можно было накормить насмерть целое отделение таких, как я. Выпеченный по-тесайрски длинный и узкий бе-

лый хлеб короче полутора футов не бывает, а тут их целая дюжина...

Но глядя, как светлая эльфь, все еще всхлипывая, поглощает уже второй бутерброд трехдюймовыми кусками зараз, я изменил свое мнение. Приправами подопечная тоже не пренебрегала, вперемешку со слезами вовсю размазывая по заплаканной мордашке майонез, кетчуп и демонски жгучую альтийскую аджику. Последнюю, видимо – для остроты переживания.

Все же справиться в одиночку с полувзводной порцией вкуснятины оказался не в силах даже немеряный аппетит долгоживущей сестры Победивших Богов. Тут не на одну такую хватит, так что переживать нечего. Я сглотнул голодную слюну и, готовясь тут же отступить при новом взрыве истерики, осторожненько поинтересовался:

– Можно?

Опущечная в ответ только закивала горестно, что-то мыча набитым ртом.

– Разумеется, хай-сэр. Вы же в доме хозяин, – заботливо перевел дворецкий ее гостеприимную невнятицу.

С этим не поспоришь, даже оголодай я от этой возни и беспокойства чуток меньше. Вкусившись в бутерброд по самое не могу, я с удивлением краем глаза увидел Хирру, присоседившуюся к трапезе подопечной с другой стороны. Похоже, не одного меня на жратву пробило. Теперь только Келла осталась не охвачена всеобщим жором. Исправляя

это упущение, Алир поискала взглядом обидчицу, не особо стремившуюся попадаться ей на глаза. То есть владелицу истинного оскорбителя и надругателя светлоэльфийских див – дракота. Та обнаружилась невдалеке с видом озадаченным и сомневающимся, но уж никак не менее голодным. Широким взмахом, не переставая жевать, подопечная пригласила младшую жену к кормушке. Та поколебалась долю секунды, но дольше ждать себя не заставила.

Еще один бутерброд из чрезмерной для меня доли Ино-рожденная Дня, тяжело вздохнув, бросила отиравшемуся невдалеке дракоту. Виновник всех ее несчастий ухватил добычу посередке – даже для его пасти кусок оказался великоват – и, победно задрав хвост, потащил в угол. Перед тем как с урчанием приняться за уничтожение трофея, хищник драконьей кровью точным движением «убил» его, прокусив «позвоночник» сразу за «черепом».

Ума не приложу, как он решает, с какой стороны у бутербродов, колбас и окороков голова? Но ведь выясняет как-то, словно стратегический светосброс, никогда не промахивающийся по своему собственному эпицентру. На моей памяти зверь, по крайней мере, ни разу не ошибся – после такой операции перечисленные виды добычи сопротивляться и бежать уже не пробовали. Великая загадка магии...

Не запить приоткрывшуюся тайну мироздания было попросту невозможно. Да и сухомяткой не проживешь, будь ты хоть трижды эльф. Хорошо, что предусмотрительный дво-

рецкий позаботился и об этом. Хирра аристократично потягивала сухое белое вино, Келла – свое любимое полусладкое красное. Даже Алир захлебывалась уже не слезами, а каким-то всюю расплескиваемым морсиком. Интересно, что он для меня приготовил?

Вместо ответа на ищущий взгляд заботливый халфлинг извлек с нижней полки столика кувшин со светлым пивом. Именно то, чего мне сейчас не хватало!

На все семейство снизошло нежданное умиротворение.

Отставив стакан с оплывающим по стенкам узором пены, я внезапно усмехнулся. Похоже, происшедшего хватило, чтобы подопечная из откровенно инородного предмета в составе семьи сделалась пусть не полностью своей, но, по крайней мере, не столь раздражающей. Уже не заноза или ссадина, а так, шишка на ровном месте.

Мимо нас вновь потекли гоблины с последними пожитками Алир. При этом кучу ключев плюша и магопона зеленявки почтительно обходили. Что уж говорить о нас и самом дракоте – траектория движения носильщиков прихотливо изгибалась, обегая далеко стороной все поименованные препятствия.

Само собой вышло так, что мы не стали пересекать дорогу и так порядком перепуганной ораве зеленокожих, отправившись к месту назначения кружным путем, противусолонь, навстречу собственному вращению внутренних покоев. Наклонные лучи заходящего солнца рассекли коридор

длинными тенями. Вот ведь – среди этих треволнений, почитай, целый день делся куда-то совершенно незаметно...

Как следует озаботиться вселением новой обитательницы в замок ввиду общей усталости и обалдения ни у кого уже толком не получилось – подвели ее к предназначенным покоям, загодя наскоро ошарашенным заклятием обновления, и пожелали спокойной ночи. Я —довольно невнимательно, Хирра – одновременно напряженно, в духе отношений между Ночью и Днем, и с извиняющейся за всех интонацией, а Келла... ну, не враждебно, конечно, но тоже сдержанно, хотя и с ехидцей. Все-таки именно ее зверь одержал убедительную победу над главной ударной силой плюшевого вторжения.

Сил, чтобы доплестись до своих покоев, не осталось уже ни у кого. Поэтому мы с женами всем скопом забились в ближайшую по ходу поворота внутренней части замка спальню в секторе Келлы. Сотни три футов мы еще кое-как прошли ногами, а потом сели на пол, сбросив на него подушки с ближайшего дивана, и полчаса чинно ехали до самых дверей, находившихся в прямой видимости.

Младшую жену оторвать от этих подушек было уже невозможно, поэтому мы со старшей попросту оттащили ее до постели на самой большой из них, как на волокуше, за кисти по углам и еще немного за уши, чтоб не брала подобного в привычку. Еще почти час провалялись без сна, по очереди

доползая до умывален и стаскивая одежду, и лишь после того забылись в некотором одурении...

Стемнело окончательно, даже дракот затих, напоследок пронесшись по коридорам за собственной тенью в традиционных вечерних догонялках. Сунул было морду в дверь, растолкав створки чешуйчатыми челюстями, но понял, что хозяевам не до него, и тихо ретировался. Казалось, на сегодня конец всякому беспокойству...

Но отдохнуть этой ночью как следует нам, похоже, было не суждено.

Дверь скрипнула. Пожалуй, это была единственная и самая слабая уступка требованиям безопасности, какую я вытерплю в любой из своих спален. Уж больно не люблю всяких растяжек, мин и магических ловушек. С самого Мекана, когда посредством такой вот боевой и охранной магии лишился прежних, от роду данных глаз.

С нашим семейным темпераментом и биографиями довольно и скрипа – на всех троих действует не хуже армейской побудки. Тем более, что звук соответствующий, прямо-таки симфония. Марш «Три Погибели», с цимбалами и тамбуринами.

Понятно, никто не вскинулся, но насторожиться – насторожились. Выучка и у меня, и у обеих жен порядочная: Хирру отец натаскивал, Келлу многопрадед. А меня – Маг-Император Тесайра со всей своей ратью и меканскими топями в придачу. И лично премьер-капрал Айронхендс в учебке

частей магподдержки, который считал, что, конечно, за линию фронта на манер рейнджеров под заклятием «на все руки неумехам» не ходить, однако иметь кое-какие навыки из арсенала тех же заклятых означенным дуροхлопам необходимо, – дабы гроши, потраченные на их обучение, даром не пропали.

В общем, сон как рукой сняло. Сквозь щель двери из коридора вполз, скользя по ковру, луч оранжевого света. А следом, футах в четырех над полом, всплыл и его источник – мягко сияющий плюшевый бамбр почти в мой рост, со свисающими лапами и волочащейся по ковру кистью хвоста.

Говорил я, что надо держать под замком покои подопечной! Вот, дождались – мягкоигрушечное воинство в атаку пошло. Ползучих я хоть своими глазами видал, но чтобы летучие объявились... Это уже ни в какие ворота не лезет. Даже небесного города Итархина.

Парой секунд спустя заблуждение рассеялось. Игрушечный монстр явился смущать наш семейный покой отнюдь не своей волей – прямо за ним обнаружилась хозяйка и предводительница плюшевого войска, обхватив светящегося зверя обеими руками и зябко ежась в абсолютно прозрачной ночнушке.

Что ей посреди ночи-то понадобилось от нас всех? Или только от меня?

Это выяснилось практически мгновенно.

– Можно? – Алир вместе со своим чудовищем уже стояла

у кровати.

Я ошалело кивнул, думая, что светлоэльфийская дива просит позволения присесть на краешек. Но она восприняла разрешение куда как непосредственное и забралась сразу с ногами, на четвереньках подбираясь поближе к нам. Плюшевого бамбра подопечная волочила с собой. За ухо, кажется.

Эльфийская кровать – понятие внушительное. Даже у городских Инорожденных. А уж Властительская... Под стать замку, чтоб лишних слов не тратить. Хотя обычно я излишеств не понимаю, но в данном случае полностью согласен. Достойное лежбище. Не то что втроем, как мы с женошками, а и целым взводом, пожалуй, улечься можно. Так что физически подопечная нас не стеснила. А вот морально...

Прежде всего, под ночнушкой или пеньюаром, отороченным каким-то пухом, ничего не было. К этому мне не привыкать – эльфи любого цвета начисто лишены стеснительности. Но одно дело, когда они походя шляются нагишом, не замечая за собой, а другое – когда в том же виде лезут в чужую супружескую постель.

Заняв стратегически беспроегрешное положение за валом подушек, приютивших наши несчастные головы, Опушечная надежно прикрыла собственные тылы бамбром и завозилась, устраиваясь поудобнее. С ее поворотливостью и непередаваемым изяществом движений это действие неотвратимо разбудило меня и обеих жен до конца.

Закончив устраиваться, светлая эльфь просунула мордаш-

ку между парой подушек, словно кошка, пытающаяся пролезть в полуприкрытую дверь. Непроизвольно мы с Келлой малость раздались в стороны, давая место новоприсутствующей. Хирра, напротив, прижалась ко мне с другого бока, обняла и положила подбородок на плечо. Она теперь всегда готова поддержать и встать на защиту, как когда-то – загнать и добить...

– Я без спального стража не могу, – виновато прошептала подопечная, осознавая некоторую неуместность своего ночного визита. – Боюсь, демон приснится...

Демон – это да. Это серьезно. Особенно сно-ходец, из свиты самого Безымянного Бога. Были у Звездного такие специальные ребята, заточенные под проникновение в грезы светлоэльфийских див. Причем не ради простого смущения-со-вращения, а в совершенно конкретных целях —если не подучить замороженную сунуть полуфутовую шпильку под ребро мужу, брату или отцу, воителю Дня, то обратить ее в бездонный, на всю полторатысячелетнюю жизнь, источник сил и обаяния своего сюзерена.

Из самых смазливых парней подбирался контингент – балаганных актеров, тогда еще допускавшихся на сцену, повес, а то и любителей однополой любви на эльфийский манер. На приманку остановленной навсегда молодости, красоты и успеха у любой избранницы или избранника. По мне, так бабья это награда, да и сама судьба не мужская... Ну да кто богов Ночи с их делами разберет!

Вот только, сколь помнится, одним из условий мирного договора по окончании Войны Сил стал запрет на возведение смертных в аватарское или демонское достоинство. Всех уже прошедших ритуал обречения ожидало магоредуцирование или смерть.

Договор этот обе стороны соблюдали неукоснительно, так что никаких демонов на три тысячи лиг и три тысячи лет в округе не предвиделось. Однако объяснить это явственно подрагивающей от страха Алир я бы, пожалуй, не взялся.

– Какие демоны? Успокойся, маленькая, – полусонно промурлыкала Хирра с моего плеча, протягивая руку, чтобы успокаивающе погладить трусиху по голове. – Нет никаких демонов...

Чую, хорошая мать из нее выйдет со временем. «Маленькая» сразу же перестала трястись во все свои без малого семь нелегких футов и действительно начала было успокаиваться, но тут все испортила Келла:

– Да ну тебя! Нашла чего бояться – демонов! Ты хоть одного-то видела?!

Подопечная разом заостенела в неудобной позе, теряя обманчивую расслабленность и спокойствие. Медленно повернула голову к младшей жене, выпутывая золотые локоны из пальцев моей высокородной. И тихо-тихо, серьезно-серьезно проговорила:

– Видела.

Что-то такое ледящей тенью мелькнуло в ее глазах,

сверкающих в свете гнилушки ночника, что я сразу и безоговорочно поверил– видела. Хирра тоже окончательно вывалилась в явь, подобравшись одним коротким движением – не иначе, почуяла отголосок магии, присущей ее роду. Даже мою древнейшую проняло.

– Как видела? Во сне? – поинтересовалась она у светлой эльфи уже менее нахрапистым тоном.

– Нет! – энергично замотала головой в ответ та. – По жизни!!!

Воспрянувшее недоверие Келлы не успело вылиться в слова. Быстро-быстро, перебивая саму себя и дыша навзрыд, подопечная принялась за самый сбивчивый рассказ, слышанный мной в жизни:

– Он... Он был ледяной и красивый, как кукла... Самая лучшая, работы мастера Нгаладель – у нас с сестрой были, Ле свою стерла в порошок заклятием на празднике совершеннолетия... А она, которая с ним, тоже кукла, но уже сломанная, хотя ходит... Это четыреста лет назад было, – всхлип прервал ее речь. – Дядя... Лис ждал нас в кафе, обещал угостить мороженым, без сюрпризов, честно-честно... Я долго собиралась, плакала, Леах побила няню... Мы не успели... Только подошли... Она горела, как хворост, а он смеялся... Дядя сам был как мороженое – белый-белый, с клубничным сиропом из трещин... Таким красным-красным... А потом разбился на куски!!!

Дыхание ее прервалось. Алир зарылась в подушки,

уткнувшись носом в машинально подставленную мной ладонь – без слез и соплей, только часто-часто дыша и чуть вздрагивая. Отчего-то этой, совсем не демонстративной, как днем, истерике, страшной, как сухая гроза, верилось безоговорочно. Был демон, и смерть, и страх до костей, на всю жизнь оставивший великовозрастную светлоэльфийскую диву испуганной девочкой...

Стало быть, не так уж строго соблюдается Договор Дня и Ночи.

Моя древнейшая тоже виновато протянула кофейную руку к кремовому плечу подопечной. Теперь все мы втроем сочувственно углаживали золотоволосую эльф, пока та не затихла, перестав дрожать и всхлипывать. Наконец она подняла голову и слегка извиняющимся тоном подвела итог главному воспоминанию детства:

– Демон убил дядю Лиса. Ну, это мы с Леах так его звали. Совсем маленькие тогда были, а он всегда с нами играл...

– Понимаю, – отозвался я. Круто отпечаталась в ее судьбе потеря доброго дядюшки...

– Нет. Он был веселый, но не добрый, – тихо и при этом весьма серьезно пояснила Алир, словно угадав мои мысли до последнего слова. – И все равно очень жалко...

Видимо, только этих слов не хватало ей, чтобы сбросить цепенящий холод воспоминания. Разом успокоившись, светлоэльфийская дива повернулась на бочок, сворачиваясь клубком, прижала к себе своего светящегося плюшевого па-

ладина и мгновенно засопела в безмятежном сне.

Нам заснуть по новой было посложнее. Хотелось сплотиться вокруг этого беззащитного клубочка размером чуть менее моего собственного роста в жажде согреть, защитить, прогнать всех демонов – прошлых и будущих. Провести в бессонной страже всю ночь, всю жизнь, всю вечность... Умом я понимал, что недостатки и комичные стороны подопечной никуда не делись, однако противостоять этому стремлению было почти невозможно.

Да и если совсем честно, при всей сногшибательной и вполне осознанной взрослой сексуальности янгледи Алир ау Риер ау Снийотта, уарени Инерс имела весьма серьезные причины, чуть что, проситься к старшим в постель, садиться на коленки и лезть на руки...

Наутро, спустившись из трапезной, потребовалось проболтаться на воздухе добрых пару часов, чтобы хоть слегка прийти в себя. За завтраком очухаться не удалось, поскольку причина ночного, вчерашнего, позавчерашнего, в общем, всего свежеегоднего напряжения никуда не делась. Это я про подопечную так. А как же иначе?!

К столу Алир ау Риер пожаловала в том же прозрачном пеньюаре с пуховой оторочкой ворота, рукавов и подола. Ядовито-розового колера, как на свету оказалось, и с вышитыми алой нитью цветами. Под которым, естественно, ничего более надето так и не было. Ну да ладно, с тотальным от-

сутствием стыдливости у эльфийских див я уже смирился. Да и ничего принципиально нового в увиденном для меня давно уже не было. Даже в размерах.

Трогательно семеня, Опушечная обошла огромный стол, чтобы приветственно чмокнуть каждого из присутствующих. От вчерашних обид не осталось и следа. Поворковав умильным тоном с обеими женушками, светлоэльфийская дива направилась в мою сторону, чтобы в свою очередь погрузить законного опекуна в мягкое облако розового душистого пуха и тепла своего тела.

Да... Диагноз окончательно ясен – сладкая девочка. Ути-пути-сю-сю-сю... В клинической форме. От тугих завитков ярко-золотых кудрей до пушистых тапочек в виде сусликов. Тоже розовых. С зелеными носами.

Слава Судьбе, хотя бы к болтовне новая обитательница замка с утра пораньше склонна не была. Все больше к внимательным взглядам и улыбкам, разгадывать которые лично меня не занимало. Хорошо хоть время от времени эти знаки молчаливого понимания прерывались долгим погружением светлой эльфи в себя. Да еще мечтательными взорами, устремленными в пространство по совершенно непредсказуемым направлениям.

Без этих тайм-аутов вынести безмолвный допрос семьи ее новым членом было бы совсем невозможно. И так едва до конца завтрака дотерпел, а затем сорвался во двор, сославшись на несуществующие дела. Пусть жены сами с ней раз-

бираются.

Время уже к полудню, солнышко всюду припекает. Надо бы Шипучего оседлать да проехаться до ближайшего леса потенистее. Не по замку же в такую погоду шататься, тем более по предместному двору. Может, и женушки с подопечной развеяться захотят, а то тоже, наверное, изнывают со скуки, переделав все мыслимые дела. Главное, не забыть заказать нового спального зверя. Только не драконьей породы, чтобы еще раз не вводить в соблазн дракота...

Совсем уже развернувшись с предместья к стойлам верховых животных, я остановился как вкопанный. А перед тем еще и подпрыгнул, если совсем честно. Однако, будучи застигнут подобным образом, заскачет любой. Много может случиться с человеком, а паче того – с Инорожденным у себя на дворе, и ко многому из этого я всегда готов... Но уж чего я никак не ожидал, так это услышать на собственном пороге трубный глас. Причем не какого-нибудь завалящего офицерского свистка или боцманской дудки речников, а самого что ни на есть боевого рога, запрятого на усиление звука.

Скорее рефлекторно, чем осознанно я подал замковым воротам приказ раскрыться. Нет, чтобы спросить сначала грозным голосом, как предыдущий властитель, покойный папочка Хирры!

Любопытство подвело. Или общее обалдение. И вообще открывать двери – дело Фроххарта. Где его носит, спраши-

вается?

Получить ответ на сей вопрос мне было не суждено. Ибо обнаружившееся за воротами зрелище начисто вытеснило все посторонние мысли. Ничего подобного я не видал со времен картинок к сказкам сестер Грипп – так переименовала сказительниц клановая ребятня, поскольку их произведения обычно давали в руки только тем, кто болел и не мог сотворить с семейной ценностью что-нибудь непотребное.

Но одно дело – самая дорогая и красивая в доме книжка с цветными движущимися картинками, и совсем другое – всамделишный эльфий-ский рыцарь. Не Хтангской династии, конечно, более поздний: в валериановском доспехе и всего с тремя седельными вымпелами на гибких древках вместо семи. Да и на рогаче выезжать стали только после облегчения клинков.

Все равно парень промахнулся на полторы тысячи лет. Снаряжение дедовское. И щит с двойным изломом чисто турнирный, а шлем, наоборот, для пешего боя – открытый, с тремя цветными хвостами и эпиорнисовыми перьями. А меч вообще современный, со стандартным наложением магических функций. Неувязочка, однако...

Но самого гостя из прошлого – то ли эль-фийского рыцарства, то ли моего детства — несоответствия явно не смущали. Подняв увитый лентами рог к губам, он снова протрубил свой сигнал. Я поморщился – от стен предместья звук отражался, еще более усиливаясь.

Всадник замер, ожидая реакции. Только при-клятый к лентам и вымпелам ветерок трудолюбиво развевал полосы ткани и шелк кистей. Как есть книжная картинка.

Правильный вопрос к незваному гостю у меня никак не складывался. То есть суть его была предельно ясна: «Чего надо?» Но нельзя же так в лоб, по-простецки. Тут обхождение требуется... В который раз я пожалел об отсутствии наследственного дворецкого Стийорров. Он всегда находил наилучшую форму для обсуждения щекотливых дел. А тут явно событие подобного свойства. Это как фронтовое чутье на фэйрболл, что летит прямо в задницу.

Не дождавшись членораздельных приветствий, рыцарь было потянул свою дуду обратно в рабочую позицию. Только так ему и удалось вывести меня из ступора. Еще раз услышать ЭТО... нет, лучше уж прослыть косноязычным невежей на все дальнейшие века!

– Э! Стой! Не надо! Хватит!!! – изо всех сил замахал я поднятыми над головой руками, словно матрос-лидер у причальной мачты для воздушных кораблей.

Эльф оказался понятливый и пусть нехотя, но опустил рог. Значит, сам пока еще не оглох от своего громового дудения. И на том Судьбе спасибо...

– Могу ли я видеть хозяина замка?! – выдал всадник в ответ.

На повышенных тонах – все же такое надругательство над слухом даром не проходит. Или незваный гость пожаловал в

замок уже изрядно взвинченным, раз так разорался с самого порога?

– Можешь, можешь, – я успокаивающе опустил руки.

– Когда?! – перебил меня визитер требовательным окриком.

Все-таки точно у него какие-то напряги лично на меня. Вот только опознать в лицо Властителя ау Стийорр эльфийский рыцарь с картинки не сумел. То есть не имел прежде такой возможности – не он, так я запомнил бы этакое чудо в перьях и выпелах...

Значит, не по моей вине недобрый гость разоряется на хозяина, раз доселе не удосужился лично свести знакомство. Утешение невеликое, зато, может быть, удастся поладить дело миром. Однако продолжать вести беседу в примирительном тоне у меня как-то не получилось.

– Да хоть сейчас! – буркнул я эльфу злорадно. – Собственно, уже видишь.

Сказать, что от такого сообщения злонамеренный визитер опешил, было бы изрядным преуменьшением. Даже скакун его на задние ноги присел, восприняв реакцию всадника. Тому же словно молотом в забрало шлема вдарило, разве что звон вокруг не пошел.

– Не знал, какой я крови? – немилосердно добил я высокородного.

К моему немалому удивлению, тот отрицательно замотал головой:

– Почему же? Знал... Только не думал как-то... «Что я по старой дурной привычке сам попрουςь двери отворять?» – кое-как сдержавшись, но все-таки про себя, а не вслух подумал Властитель ау Стийорр, Джек, прозываемый Собачий Глаз Пойнтер... Ненадолго печального опыта с полусестрицей Алир хватило, вот и попался снова на том же.

Покуда я справлялся с собой, эльф тоже очухался и продолжил в прежнем агрессивном ключе:

– Значит, воистину вы... – и далее все мои только что вспомняные титулы, не исключая смутно понятного «уарса Фусс» напоследок. Где тот Фусс, и как вступать в права владения сим феодем? Никогда не интересовался. И не горю желанием узнать —• без того забот хватает...

– Воистину, – исподлобья оглядел я настойчивого гостя с головы до ног.

Дождавшись пр'ояснения ситуации, тот наконец-то соскочил со скакуна, снял шлем и стянул замшевую подшлемную маску. Как и предполагалось, гость оказался Инорожденным Дня– это угадывалось по его нелепой велеречивости. Сюрпризом было другое– абсолютно детская физиономия! Да и ростом он был с Келлу – те же шесть футов. В общем, сопля соплей. Лет сто восемьдесят.

– Тебя-то как зовут, малый? – поинтересовался я в ответ на его задиристое любопытство И тут же понял, какого дал маху. У эльфов мужчина носит имя лишь до совершеннолетия. Оно так и называется – «детское». А затем уже взрослым

именуется по владениям или притязаниям на оные, порядок которых в одном поколении неповторим, так что с распознаванием проблем нет. Проблемы как раз с обладанием владениями...

Эльфенок набычился, пошел разноцветными пятнами, однако снизошел до ответа на мой в корне оскорбительный вопрос.

– Тинк, – бросил он и тут же вскинулся, гордо добавив: – Но в ближайшем будущем – Властитель ау Рийосурр.

Кузен подопечной, стало быть. Явился с родственным визитом, не откладывая в длинный ящик с погребальными рунами на крышке. Везет мне на родственные визиты. И на кузенов. Поневоле порадуешься, что Келла осталась круглой сиротой, хоть и грех так думать.

В конце концов, у нее в родственниках сам Перводракон. А ну как в гости явится, не приведи Судьба... Нет уж, лучше мы к вам. В небесный город Итархин. Обещание все равно невыполнимое – легендарную вотчину Повелителя Небес хрен сыщешь, но так все же как-то спокойнее.

– И в насколько ближайшем? – поддержал я разговор вопросом. Ну не получается у меня с ним помягче!

– Тебе не дожить, – совсем мрачно буркнул мелкий паршивец.

Ай-яй-яй, как невежливо. К тому же малыш явно не в курсе относительно Зерен Истины. С ними у меня нехилые шансы зажитья на свете подольше его самого. Или он имел в ви-

ду, что я и сегодняшнего дня не переживу? Среднему эльфу вполне хватит самоуверенности на такое заявление. А этот ничего выходящего за пределы нормы пока не выказал.

– Ну и что мы с тобой делать будем, Тинкер-белл? – вздохнул я – и ненароком опять угодил в больное. Кто его звал «колокольчиком» – мамаша или заботливые нянюшки? Так или иначе, эльфенок окончательно взъярился.

– Будем биться! – выдохнул он, вращая глазами.

Я вздохнул еще тяжелее. Ну биться так биться, зачем же этак орать? Я ж не дракон какой-нибудь, вроде Горного Змея...

– Это что, вызов по всей форме?! – лениво протянул я, ставя на место зарвавшегося пацана. – По какому только Кодексу – Концерна или Хтангскому?

Зря я понадеялся, что с него хватит одного упоминания серьезных сводов дуэльных правил. Самомнение Инорожденных – такая штука, что его впору скакунам на ипподроме в кормушки подсыпать перед решающим заездом, чтоб резвее бежали. Да и то тут же это снадобье запретят из-за излишней силы и вреда для здоровья. Что наследнику ау Рийо-сурр, похоже, предстоит доказать на деле.

Лишь бы не со смертельным исходом... Заполучить в кровники влиятельный светлоэльфий-ский род из-за гибели этого мальчика-колокольчика в мои планы никак не входило. И без того положение аховое – от Реликвии к Реликвии, проходящей через мои руки, напряженность отношения к

семейству Стийорр отчего-то растет.

Никак не объяснишь этим эльфам, что я никоим образом не собираюсь соперничать с основателем Хтангской династии. Тот ведь и прославился тем, что воедино собрал Реликвии под своей рукой, желая даровать победу Дню в Войне Сил. Все без изъятия применил, включая Первую – Жезл Сверхений, призванный лишь трижды изменить мироздание целиком. Это как раз был первый и пока единственный за всю историю случай. Оттого, наверное, что согласно пророчеству Хогохи Неправедного третий будет как раз под самую Мировую Погибель, едва ли не вследствие сего и грозящую произойти.

Так что не настолько уж безобидны Реликвии, при всей снисходительности древней магии к смертным. Что с того, что я уже перебрал половину из них? Это не повод дальше держаться на короткой ноге с заклятиями высшего порядка. Мне переменять судьбу мира как-то вовсе без надобности...

Покуда я предавался отвлеченным рассуждениям, хмуро уставившись на эльfenка, тот переварил мою осведомленность в дуэльных правилах.

– По Хтангскому!!! – сообщил он звенящим от напряжения голосом. Кто бы сомневался, при его-то страсти к историческому доспеху! – В соответствии с уложением «О поединках... между равными».

Последняя пара слов далась малолетнему бретеру очень трудно. Не пристает к Инорожденным расовая терпимость,

хоть плачь. А я, при всем полноправии в качестве Ночного Властителя, по рождению был и остаюсь человеком. Пусть даже Меч Повторной Жизни дал мне личные магические способности вровень с эльфийскими, а Зерна Истины наделили почти беспредельно долгой жизнью...

Нет, опасные штуки эти Реликвии. Впредь держаться бы от них стороной, а то еще какая-нибудь так отольется, что потом тысячу лет жалеть будешь.

– По Хтангскому так по Хтангскому, – кивнул я, соглашаясь, и уже вполуха выслушал стандартную формулировку вызова. В архаичном уложении куда больше запутанных мест и разночтений, так что и возможностей уладить дело без смертоубийства остается достаточно. А это оставалось основной задачей грядущей дуэли. Хотя осадить зарвавшегося мальчика просто необходимо. Ради своего дальнейшего спокойствия.

Завершался вызов, по обыкновению, объяснением причины к поединку, которая чуть было вовсе не выбила меня из колеи:

– Сим вступаюсь за честь, волю и свободный выбор высокородной Алир ау Риер ау Рийосурр, похищенной и заточенной вами!

– Зачем похищенной?! – удержаться от этого вопроса я не смог.

Эльфенка такое нарушение ритуала тоже изрядно сбило с панталыку.

– Ради нежеланного ей брака, – пискнул он в абсолютной растерянности.

– С кем еще?! – снова переспросил я, ибо услышанное не добавило ясности в ситуацию.

– С вами, – еще более ошарашенно просипел тот и тут же приосанился, запетушившись: – Я сам жажду назвать ее нареченной!

От неожиданно вырвавшегося признания новоявленный жених густо покраснел, засмутился, но тут же оправился. Уже не цыплячьим писком, а вполне приличным ломким баском он пробурчал:

– Защищайтесь, хай-сэр! – и потянул из ножен меч.

Перевести дух и осознать смысл претензий мне удалось не сразу. Вот бред-то! Откуда только он взял такую дурость?! Еще кто кого похитил и заточил, если вспомнить все прелести этой плюшевой интервенции... Прозвучавшее погрузило меня в столь глубокий ступор, что я почти не обратил внимания на острие клинка, замаячившее у меня перед самым носом, – попросту отвел рукой задумчиво, не потянувшись за тесаком.

Оно и к лучшему, потому что иначе дуэль считалась бы начатой. Исход же ее предсказать несложно – Мекан фехтовальные финты выделять не учит. Только убивать с одного удара. И длина клинка высокородному не в помощь, с его-то классической стойкой. Спустить первый удар по тесаку, проскочить под мечом, упав на колени, и снизу, в основание

бедра, или в живот— куда дотянусь...

На счастье, в затуманенном всеми пережитыми нелепостями сознании забрезжил выход из этого тупика:

– Эй, погоди-ка! Выбор оружия-то за мной...

Эльфенок в запале кивнул, соглашаясь. Есть такое положение в каноническом дуэльном кодексе Хтангской династии. А значит, и возможность отделаться от надоедливого недоросля, не навлекая родовую месть ни убийством малолетнего дуэлянта, ни отказом от вызова по всей форме. Похоже, в этом самом кодексе сыщется и форма поединка, вполне безопасная для обоих участников.

Разумеется, я не имел в виду классическую дуэль на песнях. Помнится, на исходе Войны Сил варлорды Дня и Ночи учинили меж собой такую разборку. Орали круглосуточно, музыкального инструмента загубили – не счастье. И в конечном счете без смертоубийства у них там не обошлось. Ну так они были мужики серьезные, не гляди, что эльфы, и вообще без малого аватар с демоном.

Нет, нам такой вариант не подойдет. Во-первых, меня родители, Судьба и все боги разом и слухом обделили, и голосом не слишком порадовали. Орать «ложись» во время аркналета только и хватает. А во-вторых, нужен способ, гарантирующий, что эльфенок выживет при любом раскладе. Да и мне самому неохота отправляться за Последнюю Завесу от какой-то случайности. Правда, тут, кроме всего прочего, важно не перегнуть палку с безопасностью, чтобы избран-

ный вид дуэли не оказался оскорбительнее повода к вызову. Типа поединка на кремовых тортах, который хорош только для нежных барышень, да и то при условии, что найдется, кому с них крем слизывать.

Оскорбительнее... Вот, нашел! Это годится безоговорочно, да и выглядит вполне серьезно, исторические прецеденты подтверждают. Настоящее испытание силы воли, как ни погляди.

– В таком случае я требую поединка на оскорблениях в соответствии с кодексом Хтангской династии! Сугубо личных, не затрагивая род и способности к деторождению! – на последнем-то поле я бы его обыграл вчистую, если не по опыту, то по врожденному цинизму. А тут надо сохранить хотя бы иллюзию серьезной разборки...

Теперь настала очередь моего горе-противника отключиться стоя. Хоть кругом его обойди да над ухом пальцами пощелкай. Только меч, все еще по-дурацки отведенный в сторону, слегка подрагивал.

Наконец эльфенок справился с новостью, убрал оружие в ножны и, шелкнув каблуками, полупоклоном выразил согласие с условиями дуэли. После чего довольно сноровисто избавился от шлема, доспехов и перевязи, лишь перевесив дату на пояс, перехватывающий стеганую подцоспешную куртку. Надо отдать ему должное – сравнительно быстро очухался, и полуминуты не прошло. Видимо, неспособность оперативно отреагировать на смену ситуации присуща далеко не всем

Ино-рожденным.

Сам я тоже сменил позу и вытянулся по стойке «смирно» перед тем, как по армейской привычке козырнуть в ответ, поднеся два пальца к краю бан-даны. Причем с удивлением обнаружил, что мне ответственность момента далось немногим легче – тело изрядно занемело от напряжения.

Теперь все формальности были соблюдены, все преимущества отыграны. Право первого удара принадлежало инициатору поединка. То есть первого слова. Хорошо хоть не первой ночи – я представил себе условия *такой* дуэли и откровенно передернулся. Сколько девок перепортить пришлось бы...

Хотя с хтангского рыцарства станется. Даже отдаленный их последователь заметно приободрился, отнеся мою реакцию на собственный счет, набрал полную грудь воздуха и приступил к своему монологу. Время, потраченное на его подготовку, прошло не зря – тирада вышла внушительная.

Под градом его многословия мне оставалось лишь посмеиваться. Казалось, границы цитат видны невооруженным взглядом, то есть слышны без слуховой раковины, словно стыки дубового рельса под колесами шахтной вагонетки. Проклятия и обличения вились в воздухе цветисто, как вымпелы, разве что в косички не заплетаясь. По всему видать, книжек высокородный прочитал много. Если б еще только правильных...

Наконец на пятой минуте поток литературных оскорбле-

ний иссяк. Или дыхание сбилось у малолетнего ухажера великовозрастной кузины. Весь выговорился, до пустых легких, до звона в башке, меня при этом не только не задев, но даже не позабавив толком.

Все равно такие старания следовало вознаградить. Причем адекватно – фольклором моего детства. Разумеется, со всеми ограничениями условий поединка. Но уличные мальчишки сильны не одной нецензурщиной, в обращении к иным сторонам жизни они тоже изрядно поднаторели.

Прищурившись, я выдал довольно стандартный перебор всех статей противника, от умственных до кишечных. Недолго, всего на пару минут, и без особой грязи, скорее с сострадательной интонацией: дескать, уродилось же такое на свет Дня, что с ним теперь поделаешь-то?

Эльфенка этим вполне невинным сводом пороков телесного, умственного и духовного здоровья откинуло назад, будто хорошим пинком в грудь. Прямо к лестнице, ведущей на стену внешнего контура замка. Пришлось поспешать следом, чтоб совсем с глаз не скрылся.

То, что телесная часть приписанных хворей и уродств вообще не свойственна его расе, Тин-кербелл упустил. Как видно, от общего обалдения и отсутствия какого-либо опыта в реальном препирательстве. Даже перейдя к ответному слову, он продолжал отступать – по ступеньке вверх на каждую фразу. То ли его подбрасывало отдачей от громогласных обличений моих злодейств, мыслимых и немыслимых, то ли он

попросту бессознательно хотел забраться повыше. В общем, держал дистанцию из последних сил.

Лестница под малолетним задирой кончилась слишком внезапно. Очередной прыжок назад и вверх подбросил светлоэльфийского наследника уже над пристенной галереей. Очередной ступеньки там не оказалось, а умение держаться за воздух в число родовых талантов рода Рий-осурр, судя по всему, не входило. Так что, отбол-тав в недолгом полете положенное число нелепых взмахов руками и ногами, противник ощутимо приземлился на пятую точку, порадовав меня едва ли не девчачьим ойканьем и слезой, сорвавшейся с кончика носа при быстром-быстром отползании назад без малейших попыток встать на ноги. Обличающий монолог при этом как-то смялся и затух. Таким образом, слово перешло ко мне, так сказать, естественным порядком.

Для следующего словесного залпа я с удобством расположился как раз на последних ступеньках лестницы, слегка нагнувшись и опершись локтем на колено выставленной вперед ноги. Направленный на эльфенка палец, похоже, гипнотизировал того не хуже диска-амулета с самовертящейся спиралью.

На сей раз я шарахнул по горе-дуэлянту не связным оскорблением, а россыпью подколок, мелких, но эффективных, наподобие фэйрболльной картечи. От каждого попадания тот менял положение, подбирая долговязые конечности и трепыхаясь в попытке воздвигнуться вертикально.

Воодушевленный успехом, я не заметил, что сам прищелкиваю пальцами вослед особо удачным оборотам, как "мальчишка, изображающий пальбу из стреломета. На это Тинк среагировал инстинктивно, почти что правильным уклонением от обстрела. Что ж, подыграем, раз само собой вышло...

Короткими перебежками я преследовал отступающего противника, грамотно укрываясь за выступами стены и станинами оборонных артефактов. На виду появляться стоило лишь для того, чтобы выпалить очередную подколку да прищелкнуть пальцами, отмечая поражение цели.

Цель малость освоилась и принялась отвечать, но слабовато, захлебываясь и явственно теряя контроль над собой. Обмениваясь словесными «стрелами», мы таким образом прошли почти что цельный часовой сектор периметра, как раз между часом и двумя. Столько, собственно, и было на деле – солнце перевалило за шпиль замка и пошло склоняться к горизонту.

Что-то мы заигрались, пора кончать дело, а то мне уже реально стало казаться, что пушенные в меня слова коваными болтами отлетают от зубцов стены над ухом, с отчетливо слышимым звоном выбивая из камня не менее отчетливо видимые искры. Этак еще стигматы заработаю, если эльфенок хоть раз удосужится не промахнуться...

Напоследок расшалившись, я даже исполнил полный перекат с выстрелом из нижней точки. Попадание почти при-

жало наследника ау Рийо-сурр к стене двухчасовой башни. Так что, когда я, выпрямившись, шагнул из-за прикрывавшей меня в конце траектории станины шестидюймового светосброса, он лишь тяжело дышал и затравленно озирался в поисках выхода. Хо́да в башню за контрфорсом малец со своего места просто не видел.

Оно и к лучшему. Здесь и положим предел поединку, нелепому в той же мере, как и повод к нему. Да собственно, как и дама, честь которой взялся защищать светлоэльфийский недоросль!

Стоп. Похоже, я сам завелся. Не от смехотворных для кланового парня оскорблений – от беготни этой дурацкой и досады на уходящее зря время. Охолонуть надо, а то так припечатаю высокородного напоследок, что и вправду не выживет, от одних слов скиснет вконец или руки на себя наложит. Натура-то впечатлительная, сразу видать...

Так и не дождавшись от малолетнего дуэлянта ответа на последний выпад, я понял —пора. Вразвалочку подошел вплотную и тихо-тихо, спокойно-спокойно, без всякого выражения сказал несколько фраз, в которых и оскорбительно-го-то ничего не было. Просто вся правда о том, кто он такой, зачем все это ему сдалось и как это выглядит со стороны.

Инорожденный Дня пошел малиновыми пятнами, которые сложились в волнистые полосы, поползшие по нему, как помехи по хрусталию разлаженного иллюзора. Задышал часто-часто, сглотнул и плачущим голосишком выпалил в от-

вет:

– Да как ты смеешь?! Сукин сын!!! Сам... сам дурак! – здесь до эльфенка дошло, что он дал-таки маху.

– Ага... – милосердно поставил я точку в дуэли, ставшей по-настоящему жестокой. – Допущено генезиальное оскорбление. Что у нас там было в условиях поединка?

Грядущий властитель Рийосурр и уже несостоявшийся избавитель, а также потенциальный жених Алир только носом шмыгнул обреченно. Но высокородная кость словом сильна, так что положенную формулировку малолетний рыцарь выдал без напоминания, сам:

– Признаю свое поражение согласно Кодексу перед Предвечными Королями, перед победителем – высокородным ау Стийорр, и перед всеми Инорожденными... – говорить следующее ему не хотелось до предела, но положение обязывало. – В подтверждение чего готов исполнить любое желание победителя... не нарушающее клятв моего рода и присяги Предвечным Королям.

Желание... будет ему и желание. Попозже малость. А пока уже неплохо. Все претензии аккуратно сложились и убралась на положенное им место. Какое – уточнять не буду, чтоб еще больше не травмировать и без того подавленного мальчика. Особенно перед тем, что ему сейчас предстоит. Кивнув в знак согласия, я напустил на себя максимально строгий вид и требовательно спросил:

– А еще?

– Нанесшая оскорбление сторона должна понести соответствующее тому наказание по законам оскорбленного рода, – совсем понуро проговорил Тинкербелл.

– По законам, значит... – мрачно выделил я эти слова и резко оборвал: – Снимай штаны!

Малолетний дуэлянт возмущенно вскинулся, заливаясь краской по мере того, как мой ремень вытягивался из петель комбинезона.

– Если эльф – так сразу штаны снимать?! – из последних моральных сил попытался он протестовать в силу своего понимания событий.

– Снимай, снимай, – развеял я его сексуальные иллюзии, сложив ремень вдвое и похлопывая им по ладони. – Не сомневайся. Это ж по законам моего рода будет, а не твоего!

Эльфенок обреченно отвернулся, возясь с застежками небесно-голубых кюлотов в серебряном позументе. Его нежно-розовые ягодицы могли бы смутить кого угодно – кроме меканского ветерана, намеренного преподать высокородному недорослю урок клановой морали. Пусть постигает законы города, которым ничтоже сумняшеся правит его раса...

Разница в росте оказалась критичной и здесь. Чтобы перекинуть через колено непонятливо барахтающегося паренька, пришлось поставить ногу на край крепостной стены между зубцами. Так что после первого, примерочного шлепка ремнем ошарашенное ойканье эльфенка кануло в тысячеардовую пропасть, к подножию шпиля, на котором выстроен

замок. Может быть, мне показалось, но эхо вернулось только тогда, когда наказуемый вполне освоился и вовсю вопил: «Мамочка! Ай-ай-ай! Я больше не буду!!!» И как все сразу соображают, что надо орать, чтобы полегчало...

Отвесив достаточно, я отпустил шмыгающего носом мальчика, напоследок строго добавив:

– Чтоб триста лет я тебя не видел и не слышал! А то сегодняшнее Присноднем покажется!!! – и уже отходя малость, пояснил: – Таково желание победителя, согласно Кодексу!

Тот лишь кивнул, утирая сопли кружевным рукавом, и без особого приглашения отправился собирать доспехи, чтобы нагрузить ими скакуна. Может, еще и выйдет из парня толк. Во всяком случае, затыкаться вовремя он научился с ходу, не требуя повторного урока.

Напоследок, правда, эльфенок опять не удержался – протрубил-таки в рог, отчаливая со двора. Из мелкой вредности или скрытого протеста – сказано же было: «Чтоб не слышал»! Я чуть не вскинулся поймать его и досыпать еще, но вовремя сдержался. Неизвестно же, с чего он тут дудел. Может, так и полагается на прощание...

Едва я малость отошел от визита борца за свободный выбор эльфийских див и начал подумывать про обед, как кто-то опять принялся ломиться в дверь, правда, на сей раз возглашая о своем появлении не звуком трубы, а как положено – колоколом. Ворота у нас заклеты так реагировать на присутствие перед их створками любого представителя разум-

ной расы. Хотя после утреннего визита в разумности иных из них я был готов усомниться. Ну, если это опять женихи Алир, я церемониться не буду! Выдам за первого же, без сомнений и сожалений.

Но это оказались не женихи. Даже совсем наоборот – священнослужители. В количестве, заведомо превышающем необходимое для свадебного обряда. И что меня все на матримониальную тему сносит! Совсем эльфенок голову заморочил, нельзя же так...

Во главе делегации на низеньком безрожке в оранжевой попоне восседал незнакомый толстяк. Из-под скромного плаща проглядывало облачение, до боли напомнившее мне раззолоченную ризу архиерея. Неужто в Храме власть сменилась? Уж больно непохож этот деятель на памятного мне бородача. Даже если того побрить и раскормить раза в полтора, пришлось бы еще во столько же раз и складывать – старик ростом здоровее был.

В некотором ошеломлении я дал команду на открытие ворот прямо с хрустального шара местного терминала. Вереница безрожек втянулась между створками. Слишком поспешно, на мой вкус. Да и непонятно, почему жрец такого ранга пожаловал не в носилках или экипаже, при полной свите на полдороги, а в сопровождении дюжины без одного служек в таких же неброских плащах.

Любопытство выгнало меня на балкончик над предместьем. Посетители как раз заканчивали выпутываться из

стремян, и было видно, что для них это дело явно непривычное. Зато мое явление они заметили сразу и с немалым энтузиазмом. Уж не знаю, что могло вызвать такой бурный всплеск эмоций, но визитеры немедленно замахали руками и принялись кланяться, указывая своему предводителю в сторону балкона.

Такое внимание стоило ответного участия. Приглашающим жестом я указал в глубь замка и сказал единственное, что пришло на ум:

– Заходите, отцы.

После чего и сам поспешным шагом отправился встречать делегацию земных претворителей воли Победивших Богов. Как раз успел к моменту, когда жречество у подножия лестницы скидывало плащи на руки невозмутимому Фроххарту. Того уже почти не было видно под ворохом сукна. Золотая риза высшего храмового иерарха засверкала во всей красе. По крайней мере, насчет смены власти у долгополых я не ошибся...

Первые же слова нового архиерея несколько развеяли туман непонимания относительно вида и поспешности незваных гостей, но при этом заинтриговали еще больше:

– Мы прибыли тайно! Простите великодушно за то, что не предупредили!

Что ж, хотя бы не с претензией по поводу моего предшествующего вольного обращения с реликвиями. Тогда не только не извинялись бы, но и вовсе не набрались бы сме-

лости сунуться в наш замок. Разве что во главе небольшого войска, на которое храмовая стража никак не тянет. Да и не всякой армейской части по зубам Владение Стий-орр. Быть может, справилась бы пара батальонов Заклятых Рейнджеров при поддержке полудюжины магов и достаточном парке осадных кадав-ров – при отсутствии гарнизона и активного сопротивления, даже только с моей стороны. Ибо защитным системам, даже эльфийским, своего ума не вложишь. Только и способны, что отражать удары и уничтожать скопления противника в зоне досягаемости...

Однако на этом неожиданности не закончились. Совершенно несообразно с достоинством архижреца и комплекцией толстячок, просительно сложив лапки на груди поверх золотого оплечья, проблеял:

– Вы наша последняя надежда! Совсем непонятно...

Так бы и стоял я в прихожей, заинтригованный по самое никуда, но тут на подмогу пришел мой незаменимый дворецкий, уже успевший распахать куда-то плащи с капюшонами – без сомнения, со всей аккуратностью и приличествующим уважением к сану их носителей.

– Осмелюсь предложить господину и святейшествам продолжить обсуждение столь важных дел за обедом, – изрек Фроххарт с поклоном. – Стол накрыт в главной трапезной.

И когда халфлинг успел распорядиться кухней? Не иначе, пока я вместо него ворота открывал. Магически ускоренное приготовление блюд – вещь исключительно полезная, хотя

и находятся гурманы, морщащие носы при виде фаст-фуда. Но на мой вкус – никакой разницы.

– Очень, очень своевременно! – на глазах оживился совсем было поникший архижрец. – Признаться, в дороге мы изрядно издержались... то есть, простите, изголодались.

Как же – целый час, наверное, ехали. При такой комплекции смертельное дело жиры растрясать. Совершенно непозволительное. Ну да мне не жалко, не своему здоровью во вред обжираться. Сам-то все еще помню, как живот от голода подводит...

К обеду пожаловала и женская половина дома. Хирра скромно и величественно, с оттенком наследственной враждебности, вышла в черном брючном костюме официального кроя, отличающемся от мужского лишь точной пригонкой по фигуре. Келла же со свойственным ей пофигизмом заявила в футболке и широких шортах, а свою медовую копну собрала в два хвоста над ушами. Пай-девочка, да и только. Сегодня у нее не предвиделось инспекционного рейда в город, так что обличье атаманши «Орхидей» осталось невостребованным. Оно и к лучшему – сегодняшних посетителей лишний раз пугать не стоит. Жрецы и без того явно в полной кондиции.

За обеих жен оттянулась подопечная. К обеду Алир спустилась в не менее эффектном одеянии, чем к завтраку. Судя по всему, утреннее неглиже предлагалось счесть за проявление милой непосредственности, домашним вариантом чисто

для своих. Обеденный же наряд явно был основательно продуман. Весь на одну тему. Не зря я сразу же обозвал новую обитательницу замка «Опушечной» – в самую точку попал.

Общий принцип – прикрыть поменьше, показать побольше – никуда не делся. Честно сказать, не поклялся бы, что на сей раз на ней вообще был хоть лоскуток ткани. Правда, и обратное утверждать не взялся бы. В затейливом узоре стеблей, листьев и цветов, оплетающих Алир с головы до пят, настоящие растения совершенно свободно чередовались с их подобием из цветных нитей, драгоценных металлов, наложенных прямо на кожу красок и иллюзий. Видимо, позавчерашняя хисахская танцовщица в исполнении Хирры поразила ее в самое сердце. Ну так то карнавал, а то домашний обед с посланцами Храма, да еще тайными!

Умильно приседая с полупоклоном перед каждым священнослужителем, подопечная безошибочно подошла под благословение только к архиерею, хотя руку в осеняющем жесте к золотым локонам, перевитым цветами, тянули многие. Облеченный высшим саном толстячок не оказался исключением. Еще и в лоб звонко чмокнул напоследок, совершенно расплывшись от довольства. Пожалуй, заявись она совсем голышом и заберись на стол с ногами, прямо в главное блюдо, иерарха не шокировало бы и это. Любимое дитя Победивших, что с такой возьмешь...

Ладно, главное, что хоть жрецы малость успокоились. А то с такого волнения, в каком они сюда пожаловали, кусок

может не впрок пойти. Теперь же обеду было уделено достойное внимание. Все-таки Фроххарт мастер. Не в смысле поварского искусства – с соответствующими заклятиями и я не хуже пир отгрохаю, однообразнее, правда, на порядок и с явственным ветчинным акцентом. А в смысле – стюард... или метрдотель, не знаю, как это называется точно. В общем, тот, кто меню составляет. Сомелье, что ли?

Сановные отцы причмокивали, закатывали глаза к потолку и прямо на глазах приходили в добродушное состояние. Из интереса я попробовал то, что вызвало у них особенные восторги. Ну конечно же, курятина! Хотя на взгляд и не скажешь. Похоже, со времен прежнего хозяина Храма вкусы его подчиненных не изменились. Или даже со времен прежних повелителей замка Стийорр, которым Фроххарт служил дворецким в прошлое свое пришествие. Хотя... в ту пору жрецов традиционного противника тут наверняка не принимали!

Сейчас же всеобщее благодущие, не различая сторон давно закончившейся Войны Сил, расплзлось по трапезной теплыми волнами, разве что вихрями по углам не крутятся наподобие тополиного пуха. Из такого цизальтинская малышня скатывает игрушечных "белых мышат-тополино, оживляемых несложным заклятием да капелькой собственной крови. Красноглазые мышки живут столько, сколько помнит и любит их маленький хозяин или хозяйка, и рассыпаются от любого недоброго слова...

Но в данный момент такого слова здесь не приходилось ждать ни от кого. Даже у моей высокородной после третьей перемены блюд как-то притупилась наследственная предубежденность против жрецов Дня. Да и я худо-бедно отошел от предыдущего нашествия с его сугубо ругательной спецификой. Халфлинг-дворецкий просто гений, что подсуетился с этим обедом – на сытое брюхо серьезные дела обсуждать не в пример способнее.

Ничего обидного не сорвется попусту с языка, натруженного должным образом, да и друг в друга с голоду не вгрызешься лишний раз.

Похоже, архижрец ощутил аккурат то же самое и в тот же самый момент, поскольку, запив очередной кус изощренно приготовленной птицы добрым глогком красного вина, разведенного на храмовый лад смородиновым соком, он старательно утер жирные губы салфеткой, откашлялся и произнес:

– Благословен дом, где найдется хозяин хлебосольный и гостю усердно внимающий!

Это, видимо, надо счесть за благодарность и намек на переход к основному разговору. У храмовых все на святокнижный манер, не разберешь, где верная цитата, где подделка под нее. Святые отцы любую свою мысль могут облечь в витиеватые словеса. Некоторые временами сами путаются, где их высокая потребность, а где низменная божья нужда...

Но нынешнего гостя все-таки отличала некоторая доля ре-

алистичности. Ибо следующая его фраза никакими книгами, тем более святыми, не пахла в принципе.

– А все горе на свете – от пидоров!!! – изрек он и в подкрепление своим словам даже ладонью по столу прихлопнул.

Ну, не все, конечно. Девки, например, залетают не ко времени как раз от правильных мужиков или хотя бы от сопляков той же ориентации. Но в целом мысль верная. И очень человеческая какая-то. От жреца эльфийских богов, с Инорож-денными же по преимуществу и имеющего дело, сие прозвучало слегка неожиданно. Тем более, что и сам толстячок не выглядел особо мужественным, несмотря на должную долю маслянистости в глазах при каждом взгляде на ту же Алир.

– Может, от них же и Мировая Погибель случится.

Как выяснилось, в своем обличении любителей мужской однополой любви архижрец еще не дошел до конца. Правда, с Мировой Погибелью – это уже явный перебор. До такого преувеличения даже покойник Нохлис в предвыборных речах не доходил, хотя как раз от него если не всему свету конец, то небольшая местная погибель в пределах Ана-рисса произойти могла запросто.

– Вы только не думайте, что я это попусту. – Очевидно, тень сомнения в глазах слушателей обозначилась слишком явственно для облеченного саном рассказчика. – Собственно, потому и к вам пожаловали, что с вашим опытом вы единственный, кто может справиться...

Интересно, с чем? С Мировой Погибелью? Или с ее первопричиной в интерпретации верховного священнослужителя?!

– В конце концов, никто из ныне живущих более вас с Реликвиями дела не имел! – выпалил архиерей в заключение своей тирады.

Теперь еще и Реликвии... Они-то здесь к чему?! Воедино этот сумбур у меня как-то не складывался. И не только у меня – жены пришли в форменное остолбенение. Только подопечную и дворецкого оно миновало – одну по причине ничем не замутненного лучезарного любопытства, другого в силу профессиональной невозмутимости и выдержки.

Видя такую реакцию, толстячок счел необходимым пуститься в подробности. По его рассказу выходило, что одна из Реликвий, ежегодно выносимых в храм в поминальные дни – не более чем подделка! Для надувательства паломников она годилась, но в серьезном ритуале не стоила ртутного статира. Особенно в столь важном, как регулярная юстировка баланса Стихий, изрядно расшатанных в ходе Войны Сил, когда что День, что Ночь желали установить свою власть во всем мире, в том числе и буквально, навеки закрепив в правах соответствующее время суток... Без столь ответственного и сверхмощного ритуала Мировая Погибель – дело решенное в считанные годы, а Реликвия эта, Длань Справедливости, к нему необходима, как ключ к замку от погреба, который только и может дать доступ к колоссальным силам,

способным своевременно поправить пошатнувшееся здоровье мира.

Срок для этой самой юстировки подошел уже давно – почитай, последний раз ее проводили где-то в начале Второй Меканской войны. Собственно, тогда же Реликвия и была утрачена. Точнее, похищена и увезена в Огрогоры. Что конечно, уже лучше, чем ежели бы она пропала безвозвратно, но требует определенных усилий по розыску и водворению на место. Каковую обязанность доблестные служители Победивших Богов собираются возложить как раз на Собачьего Глаза Пойнтера, в силу собственной малоподвижности, а также моего неопенимого опыта в обращении со сверхмощными магическими артефактами в экстремальных и просто походно-полевых условиях.

Эхе-хе... Никогда не знаешь, где и как настигнет ответственность за безобразия, которое вроде бы сошло с рук! Сделаться ведущим в мире специалистом по доставке и применению Реликвий в мои планы никак не входило. Тем более практикующим... Ума не приложу, к чему ограм этот артефакт в их горах, фьордах или тундре! Моржей пугать, что ли?!

– А как-нибудь иначе... пробовали? – опасно поинтересовался я. – Дипломатическим путем...

– Увы, нет, – печально развел руками архижрец. – Огр-Тинг тянет. Дескать, не смеет так распорядиться единственной гарантией выживания народа. А права на государствен-

ное вмешательство согласно договору у нас нет. Да и увольте, война не поможет – в горах щелей столько, что если они ее припрячут, можно искать до самой Мировой Погибели. Все оставшиеся годы... Так что – только частным порядком.

Понятно... Но все-таки почему с этой проблемой приперлись именно ко мне?! В глазах жен, на которых я оглянулся в поисках поддержки, читался тот же вопрос. У Хирры с оттенком наследственной отстраненности – дескать, это ваши Дневные делишки, так и разбирались бы с ними в своем светлом кругу. А у Келлы и вовсе с некоторым пренебрежением – мол, что за горе-маги, которые не удержали столь ценный компонент ритуала, а теперь не могут при крайней необходимости сваять артефакт-отмычку!

Только подопечная не по-хорошему напряглась, всерьез переживая страх от угрозы, будто направленной на нее одну прежде всего мира...

А у меня, помимо всего того же, что у прочих, в голове крутился еще один совершенно дурацкий вопрос – при чем тут эти... тьфу, лишний раз поминать не хочу, кто именно... В общем, среди крутых огрских мужиков их уж точно не водится!

Не зная, каким еще аргументом переломить наше нежелание ввязываться, архижрец помялся, покрутил салфетку в руках, впустую приоткрыл и снова закрыл рот, решаясь...

– Длань Справедливости похитили отнюдь не огры! – наконец выложил он все кости на стол, поняв, что без откры-

венности не обойтись. – Они лишь отобрали ее у истинного вора – зеркального демона, в обход договора возведенного в сие достоинство Безымянным Богом и Лунной Богиней.

Двойкой демон сильнейших богов Ночи! Час от часу не легче. А памятуя двуполость Повелителя Звезд и его способ возведения смертных во внеморальное достоинство, становится ясно, какое отношение имеют к Мировой Погибели эти самые, неупоминаемые...

– С тех пор триста лет никто не видел похитителя. Скрылся в горах, затерялся, – мелко трясая щеками, толстяк торопился смягчить впечатление. – Но огры считают-Реликвию единственной защитой от его возврата.

– Почему? – задал я законный вопрос. К тому же мне не давала покоя еще одна нестыковка: – И отчего он не применил Реликвию сам?!

– Длань – ключ к стихии Огня. А демон ледяной, он просто не может ею воспользоваться, – при этих словах Инорожденная Дня в ужасе прижала ладонь ко рту. Да и мне это кое-что напомнило.

Значит, вот как сошлось – Мировая Погибель, моя судьба не пропускать на своем пути ни одной Реликвии, и детские страхи новой обительницы замка Стийорр... Неужто взаправду не отвертеться от похода в Огрогоры?! Некстати вспомнилась полуденная мысль о верховой прогулке. Вот и напроорочил себе прогулочку, как Хогоха Неправедный – собственную смерть...

– Что еще? – обреченно выдохнул я. Пусть уж до последнего выкладывает.

– Только одно известно, – архижрец смущенно отвел глаза, старательно пытаясь не глядеть на светлую эльфь. – При жизни он был любовником высокородного ау Риер ау Скиотта, уарса Инерс, дяди присутствующей здесь...

– Это же он... Тот самый! – душераздирающе вскрикнула Алир, не дав ему договорить. Ледяной синий огонь ужаса заплескался в ее глазах. Свет-лоэльфийская дива заметалась в своем кресле, словно желая забиться в щель между подушками, цветы и украшения полетели с нее во все стороны. Наконец, опрокинув сиденье, подопечная вылетела прочь и метнулась к успокаивающе протянутым рукам моей высокородной. На миг две эльфи, темная и светлая, сплелись в единении, невиданном со времен раздора меж их богами.

Но сил Ночи не хватило, чтобы убаюкать страхи Дня. Теряя себя перед всеокрушающим, с детства неотступным ужасом, Алир цепенела, на глазах утрачивая признаки жизни. С остановившимися, наполненными страданием глазами она зябко сжималась, кажется, даже не дыша, точно умерла уже, похоронена, истлела в прах и растаяла вместе со всем миром во всеобщей гибели.

Вот оно как... Раньше я и понять не мог, что это такое – Мировая Погибель. Как это так, когда всему конец, без выхода, без надежды, без единого проблеска. А тут какая-то забубённая эльфь в одиночку показала мне весь ужас всеоб-

щего завершения. Не поверить в это было уже невозможно, словно умер вместе с ней... Нет, хуже – убил, сам, собственноручно затянул в могилу от света, радости, жизни. Будто я и есть тот самый первый в мире вековечный умрун, которым служки в Храме Победивших Богов пугали друг друга невесть сколько дней, месяцев и лет назад!

Может, потом я сам себя буду проклинать в компании с более здравомыслящими супругами, но сейчас творящееся было просто невыносимо.

– Да... ну... раз так...– Слова не желали складываться ни во что разумное, будто тоже истлевая под напором подступающего небытия. Переборов себя непередаваемым усилием, я собрал их по кускам, словно окаменевший костяк вымершего чудовища доразумных времен, и сложил-таки во что-то жизнеподобное. – Ладно, в общем... Поеду, – вытолкнул я из себя и сам чуть не сложился вчетверо, ожидая реакции жен. Теперь они будут в полном праве попрекать меня за несусветную глупость. За податливость на девочкины мокрые глазки. Сами-то, хвала Судьбе и всем богам, ни разу такими приемчиками не пользовались, считая ниже своего достоинства брать мужа на слезу. Лучше уж попытались бы хоть разок – тогда сегодня у меня имелась бы к этому какая-никакая привычка. Не повелся бы на простейшую женскую уловку.

Или нет. От такого ни один мужчина не застрахован, как ни посмотри. Это ж каким злыднем пустодушным быть на-

до. Или какой лживой тварью и несусветной дурой должна оказаться плачущая, чтобы вызвать не всесокрушающую жалость – презрение. Даже Леах при искреннем раскаянии не окончательно теряла шанс на сочувствие...

К немалому моему удивлению, немедленной реакции не последовало. Хирра все так же не могла оторваться от подопечной, а Келла... на лице моей древнейшей отражалась любопытнейшая смена выражений – от прежнего скептического недоверия через недоумение к лукавому воодушевлению. Младшая жена явно сумела преобразовать для себя ситуацию в повод поразвлечься. Ей бы все приключения...

Значит, если я не хочу получить все, что мне реально при читается за дурную слабину, придется взять на «прогулку» в огрские горы хотя бы ее. Только чую, этим помехи храмовой миссии не ограничатся: где одна, там и другая. Одна надежда, что мою высокородную удастся удержать дома ради присмотра за подопечной. На одного Фрох-харта я ее оставить не решусь, при всех талантах дворецкого...

Рано радовался. До той как раз дошло, что резона помирать заживо больше нет. Без малого семифутовая заплаканная растрепанная распрямилась, расправляясь из позы зародыша, как бобовый росток под кухонным ускорителем времени для фаст-фуда. Из глаз у нее продолжало литься в три ручья, но теперь это были слезы радости.

– Ой, правда?! – ко мне на шею она не кинулась только оттого, что выпутаться из объятий старшей жены, когда та

обеспокоена, не так-то легко. – И этого... противного... прогонишь совсем?!

Недурное иносказание для предстоящей мне с высокой вероятностью процедуры изгнания двойного, хорошо выдержанного демона из огр-ских гор... Все-таки инфантилизм младшей ау Риер – в своем роде исключительное достижение. Сравнимое разве что с ее же эмоциональностью, разнообразной и обильной, как гейзеры долины Ирва.

Архижрец, разумеется, не мог столь же бурно выражать удовлетворение от такого стремительного улаживания своей миссии, но уже без всякого стеснения расплылся в облегченной улыбке Его спутники, почтительно примолкшие до сего момента, теперь ошутимо загалдели, забренчали бокалами, смешивая вино и сок, чтобы отметить успех.

Нам бы и чего покрепче не помешало бы...

Фроххарт с изрядно запотевшим графином возник у моего правого плеча едва ли не раньше, чем эта мысль – в голове. Халфлинги что, и без заклятий могут угадывать чужие желания? Или это уже личный талант дворецкого, развитый нехилым опытом до трудно представимых пределов?!

Трансальтинский горный шнапс заплескался по алмазным стопочкам. Моя высокородная встретила это почти с тем же энтузиазмом, что и я, а моя древнейшая — скорее снисходительно. Подопечная же привычно игнорировала алкоголь, стремительно приходя в норму без всяких стимуляторов. Священнослужители обратили к своему шефу вопроситель-

ные взгляды, но тот лишь благодушно махнул рукой – мол, по такому случаю можно.

Что-то рановато все распроздновались. Опрокинув стопку, я привычно поморщился и поискал взглядом традиционный в таких случаях ломтик сала. Нашел, конечно, оприходовал, но благодушествовать не торопился и после того.

– Как понимаю, Длани Справедливости годятся все слова Огня? – решил я напоследок поинтересоваться кое-какими частностями, полезными в предстоящей экспедиции. Не то чтобы я сомневался в ответе – скорее сделал это для формы, уже не надеясь вернуть разговор на деловой лад.

– Да-да-да! – с готовностью застрекотал архижрец, быстро-быстро кивая головой, словно все еще не мог прийти в себя от моего согласия на эту авантюру. – Разумеется, кроме «Омнифульго-ре»...

Конечно, «Всесожжение» в исполнении сверхмощного магического артефакта – это уже чересчур. На полную Мировую Погибель не потянет, само собой, но менее чем второй горой Дройн не обойдется. Помнится, и первая-то явилась следствием именно данного заклятия в исполнении этой же Реликвии. Полных три тысячи лет уж, как не гаснет, – магическая «искра» попала на хорошие залежи угля. Впрочем, прожарить землю вглубь до пласта и растопить эту глубинную печь тоже немалая сила потребна. Так что поостерегусь впредь словами бросаться...

Видимо, после этого ценного предупреждения сочтя свою

миссию окончательно исполненной, сановный толстяк суетливо засобирался прямо из-за гостеприимного стола. Едва губы утереть успел после финального кусочка куриной грудки в панировочных сухарях, да уделил минуту, чтобы разъяснить причину своей торопливости:

– Уж простите великодушно – поездка тайная, до заката мы должны обратно на месте быть.

О да, помню: «Истекает пора честных дел!» Как будто то, что они тут творили, пока солнце за горизонт не скатилось, было так уж честно... Ну да Победившие Боги им суд и мера. Хотя покровителем дел сутяжных искони были близнецы Аройх и Даройх, повелители младших лун. А они, как ни крути, Боги Побежденные...

Так что задерживаться до ночи, когда властвуют проигравшие Войну Сил братья и сестра правящего пантеона, у тех, кто служит победителям, действительно нет оснований. Тут им за все отлиться может, и хорошо, если дело обойдется всего лишь провалом этой их балаганной секретности. Может и похуже что стрястись, вроде стаи бродячих драконьих выродков или ватаги тех же мертвяков, недобитых Фиалом Света в силу удаленности от города...

– Не смею задерживать. – Пусть сухогато прощание, зато очень подходит к моему привычному армейскому шелчку каблуками.

Жрецам, впрочем, и этого вполне хватило. Чай, не с солярным ходом вокруг городских стен пожаловали, под гонги

да колокола, вот пускай и обходятся без особых церемоний.

Вслед за своим предводителем они сытыми мячиками выкатились из-за стола и, на ходу раскланиваясь, поскакали к выходу. На сей раз порция любезностей досталась не только Алир – моя древнейшая, да и моя высокородная на равных удостоились торопливых благодарностей и комплиментов. Разве что с благословениями к Хирре не подходили, памятуя о приверженности Ночи ее рода. Впрочем, темная эльфь, изрядно ошарашенная выходкой нашей подопечной, пребывала в благостном расположении духа и без раздражения принимала знаки внимания от служителей заклятых врагов ее семейства. Слегка рассеянно – это да, но без предубеждения и демонстративного поджимания губ, как в начале обеда.

Вот что творит стихия Воды с людьми... то есть с И порожденными! Совсем размякла, хоть у самой тот же аспект в симботипе базовый, только не дробной весенней капелью, а тонким ручейком – когда теплым лесным, а когда и жгуче-ледяным, талым. А тут одной бури в стакане хватило, чтобы самой чуть в слезный ливень не удариться...

Внизу Фроххарт деловито раздавал плащи добравшимся до прихожей гостям. Спорю, он уже и без-рожек запряг, выведя их из стойл на предмостный дворик. Вот уж кому что День, что Ночь, что иные времена суток не помеха честной службе. Впору позавидовать – все, что только нужно, готов всегда справить к месту и вовремя. Зато и лишней работы на него никто не наваливает... не в пример хозяину!

Так или иначе, теперь за недосмотр предков, упустивших Реликвию из обычно цепких храмовых ручонки, предстоит отдуваться не ему и не скрытно покидающим замок жрецам, а лично мне. Да еще заодно с двумя, а то, чую, и всеми тремя эльфийскими дивами, от которых, конечно, толку и помощи немало, но и беспокойства не меньше. От двух из трех, во всяком случае. От третьей-то прямо наоборот – одно беспокойство, а какой с нее толк, я попросту в разум взять не могу.

Пока что, по крайней мере.

Тем не менее как-то само собой получилось, что именно я и Алир не спустились со всеми в холл. Жены, не откладывая в длинный ящик с рунами на крышке, уже обсуждали с дворецким перспективы отбытия, а мы, не сговариваясь, с разных сторон прошли по внутренней галерее к окнам, выходящим на северо-запад, немногим в сторону от цели предстоящего нам путешествия.

Только мне, стало быть, выпала напоследок краткая иллюзия передышки, свободы от обязательств. Да еще вечно беззаботную светлоэльфий-скую диву ничуть не беспокоили грядущие странствия. Хотя, как я понял, за всю свою почти полутысячелетнюю жизнь она ни разу не покидала город дальше, чем на однодневный пикник.

Уже приведя себя в более-менее приличный вид, подопечная следом за мной шагнула на внешнюю галерею, в закат, сквозь косые тени оконных переплетов. Облокотилась на парапет, выгнувшись и слегка потянувшись, и уставилась пря-

миком на потускневшую за день, затертую в обращении медную монету солнца. При этом все же немного прищурилась и сжала зрачки в горизонтальные щели – с недавних пор я начал замечать такие вещи.

Рогачиха рогачихой тонкорунной, а туда же. И ведь не прогонишь, не цыкнешь, чтоб знала свое место. Себе дороже обойдется бороться с последствиями, оттирая с души собственную тоску от не заслуженной другим обиды... Вот такой подарочек принес в семью Приснодед на радостях, что почтили его праздник по высшему разряду, в шумной толпе, а не в тесном семейном кругу, как то происходило обычно.

– И что теперь с тобой делать?! – не сдержал я горестного вздоха. Само собой вырвалось, как рефрен всего предшествующего.

– Что хочешь! – безмятежно, будто все идет, как должно, ответила светлая эльфь. – Хочешь – держи при себе до смерти, хочешь – замуж отдай. А хочешь – вовсе убей.

– Это как?! – тут уж и пытаться удержать вопрос не стоило. – Я же клялся...

– Принять, содержать и отдать под более сильную клятву, – с готовностью подтвердила подопечная. – Про то, чтобы в живых оставлять, там ничего не было.

Вот тебе и на... Как же я упустил-то? У самого из головы вылетело в карнавальной неразберихе, или Арбитры не полный текст клятвы дали? Да нет, у них с этим строго – не посмели бы Да и жены вряд ли смогли бы не заметить...

Значит, все в порядке вещей?!

– Ты же в полных родительских правах, – спокойненько, как само собой разумеющееся, пояснила Алир, подтверждая эту невеселую догадку. И под конец добила совсем: – А вдобавок еще и сам на мне жениться можешь без обряда расторжения родства.

Последние слова наконец-то отрезвили меня. Ну уж нет! Этого от меня никакому отродью семейства Риер не дожидаться, что бы ни нес кузен тот сопливый! Особенно этой... Опушечной – после того, что ее сестрица Лесная учинила. Я себе не враг, да и женам ненаглядным такого родства в подарочек не подброшу. Чем они-то перед Судьбой провинились, чтобы долгие столетия терпеть подобное бедствие?!

Хотя и убивать беззаботную распустеху, конечно... слишком уж. Честно сказать, заслужить такое она попросту не способна, что ни твори впредь в том же духе. Раз уж даже ее куда более опасная родственница не дождалась от меня этого в свое время, с куда большими основаниями...

В младшей же ау Риер невозможно было найти и тени злонамеренности старшей. А что к светлоэльфийской диве, как Хогохой Неправедным приклятые, притягиваются всякие нелепости нехилого масштаба вплоть до демонов и Мировой Погибели – так не ее в том вина.

Сама по себе Алир оказалась совершенно безобидной.

Записки с сумасшедшего дома

*... Чуть курнул – и сразу бледный вид,
Чуть немного выпил – так тошнит,
Чуть пошел работать – сразу труп,
Мы бодем за один и тот же клуб.*

С чего все сопредельные страны так опасаются нашего воздушного флота, в толк не возьму. Но с Огрией, пусть и весьма номинально суверенной, договор на тему охраны воздушного пространства оказался подписан не менее дремучий, чем до недавнего времени с Хисахом. Разве что глашатая с факелом, идущего перед летучим кораблем, не предусматривалось. Просто все имущество, на которое пада-

ла тень воздухоплавсредства, предлагалось уничтожить, почву снимать на фут в глубину, а жителей подвергать обряду очищения. Причем все вышеперечисленное, включая компенсацию утрат и страданий что телесных, что душевных – за счет судовладельца.

Понятно, что после такого желающих слетать в Огрогоры проветриться как-то не находилось. Даже нам в годовой доход встало бы, при всей ренте одного из Высоких Родов. Умно кто-то из огров в незапамятные времена постарался отвратить скупердяйный Концерн Тринадцати от грядущих посягательств на небо своей родины...

Однако с флайботами ограничения хоть как-то понятны и привычны. Но вот понять, отчего с последнего перевала перед долиной Оград придется расстаться и с возможностью передвигаться верхом или в экипаже, не получалось в принципе. Это уже какое-то изощренное издевательство получается – совершенно не в огрском духе. Первые дети Матери куда как прямолинейнее в своих деяниях и мыслях.

Так что добираться придется верхами – не карету же в горы тащить! Да и то верные скакуны смогут послужить нам лишь до входа в священный оплот огрского народа. Хорошо, что на перевале обещалась гостиница не гостиница, но уж точно какое-то наемное жилье, где можно переночевать и оставить гекопардов.

Возможности отсутствия там мест для верховых животных я даже не допускал. Раз гекопардам дальше дороги все

одно нет, так и так нас дождутся – не в стойлах, так в номерах! Хотя все помещение под них сниму, заодно обезопасив себя от визитеров следом!

Раздражение от затянувшегося верхового путешествия давало себя знать. До северных гор добираться всяко не ближе, чем до Герисса, а тащить скакунов на воздушном крейсере Стийор-ров дальше Гатукана я сам зарекался. Привычные к беготне по стенам и потолкам, гекопарды мгновенно облазили весь корабль, суя носы и хвосты в самые неподходящие для того места вроде несущих дисков и ходового котла алхимреактора, не говоря уже о светосбросных башнях и турелях колесных стрелометов. Шипучий ночью приноровился дрыхнуть, свернувшись вокруг эмиттера главного искропривода, и с утра слегка мерцал и трещал разрядами, как сердитый кот. А в полуденную жару вся компания шестилапых перебралась в тенок под днище, меланхолично дремать на ботгом-мачте, мешая управлению парусами. Еле зазвали зверей к вечеру на палубу, чтобы сложить нижние снасти при посадке...

Если с ехидным норовом своего верхового зверя и упрямством Белой, любимицы старшей жены, я был хоть как-то знаком, то повадки новеньких гекопардов, взятых для младшей жены и подопечной, оказались истинным сюрпризом. Черри-брэн-ди – вишневая масть в оранжевых треугольничках, совсем как этикетка соответствующего напитка тайрисской выделки – своим любопытством могла довести до

неистовства любого, кроме своей не менее любознательной хозяйки. Зато розовый – каким же еще ему быть! – в зеленую крапинку Морсик не уступал своей обладательнице назойливо-ласковой приставучестью.

Так что в совокупности наши верховые звери сделали бы честь любому балагану, являя собой чуть ли не весь набор ампула персонажей классической труппы. Даром что гекопарды на сцене не выступают. Да и кто вообще пустит туда представителей мужского пола?

Разыгравшись, зверье не сразу осознало, что шутки кончились, даже ощутив под лапами острые камни огрского нагорья вместо гладкой деревянной палубы. Под седлами и выюками и то порывались поиграть друг с другом в чехарду. Пришлось Хирре призвать скакунов к порядку с помощью родовых умений, чтобы те немного успокоились хотя бы к отлету воздушного крейсера.

Днище корабля, уплывающее в нависшие над самой головой горные облака, гекопарды проводили уже вполне вменяемыми грустными взглядами. Отчего-то и нам самим было ненамного веселее начинать путь к перевалу.

Выше границы альгийских лугов вступила в свои права ранняя осень, внизу только намечающаяся. Здесь же хрусткий иней на камнях не исчез к середине дня, словно уже подступила самая грань зимы. Это неприятно напоминало, что любая задержка может заставить нас зимовать за этим перевалом, в огрских домах – если то, что строят огры, вообще

можно назвать домами. Понятно, что никто из присутствующих сего никак не жаждал.

Попарно – двое спереди, двое чуть поотстав, – мы втянулись в неширокую расселину, сквозь которую дорога обещала вывести к обещанному жилью. Отчего-то это напомнило мне совсем другое ущелье, где в свое время Келла нашла себе домашнего любимца.

Впрочем, здесь, в Огрогорье, никаких крупных хищников не предполагалось. Ни местных, ни привозных – после хисахского опыта, оказавшегося вполне успешным, младшая жена безропотно согласилась оставить дракота дома под «хрустальным» заклятием. Тем более, что на сей раз мы планировали отсутствовать не пару дюжин лет, а самое худшее одну зиму – если снег упадет раньше положенного и запрет нас за перевалом.

Под эти мысли расселина как-то незаметно закончилась, выводя нас на покатый склон, за которым не было уже ничего, кроме неба. Более высокие отроги граничного хребта вздымались далеко по сторонам, а впереди виднелась лишь верхушка одинокой скалы. Потихоньку поднимаясь, мы выбрались на сравнительно плоское место, с которого этот ориентир открывался во всем своем великолепии... хотя скорее уж этому зрелищу подходило определение «во всем безобразии».

Точнее, бесформенности и нелепости – постройка, облепившая подножие скалы и пронизавшая ее расщелины, была

не столько уродлива, сколько совершенно хаотична и лишена всякого единства стиля. Флигели, пристройки, галереи, веранды, террасы, крытые и открытые переходы, лестницы с яруса на ярус переплетались и нависали друг над другом, прихотливым клубком оплетая монолитный камень скальных зубцов. Каменные, кирпичные, фахверковые и деревянные стены, черепичная, тесовая и соломенная кровля, дранка и плетеные циновки – все было перемешано в совершенно непредсказуемую мозаику, разрываемую то зеркальным тонированным стеклом, то витражом, то панелью из бутылочных донышек, а то и вовсе рамой, попросту, по-деревенски, затянутой рогачиным пузырем.

Определить, какая из сторон строения является фасадом, оказалось бы затруднительно, если б не вывеска, с которой как раз в этот момент возился какой-то невысокий седоватый человек в кожаных штанах и меховой жилетке поверх свитера грубой вязки. Опасно балансируя на малярной стремянке, он отодрал широченную доску с вырезными краями, спустил ее вниз и принялся приспособлять на то же место другую.

На мой взгляд, старая вывеска была даже покрепче и поярче новой. Зато на порядком потертой доске буквы смотрелись не в пример более разборчиво. Без всяких излишеств и кричащих цветов в духе минувшего Приснодняя.

Остановившись поодаль у изрядных размеров почтового сундука на кряжистом столбике, мы почтительно наблюдали

за священнодействием. Во всяком случае, я только наблюдал, а вот Келла посчитала необходимым вмешаться.

– Левый угол выше! Поправьте! – прокричала младшая жена запросто, не делая никакой попытки представиться.

– Спасибо, хай-мэм, – невозмутимо отозвался человек, не оборачиваясь. – Так?

– Еще немного, – милостиво соизволила дать указание бесцеремонная эльфочка. – Вот... Хорошо!

Адресат ее советов сноровисто приколотил вывеску парой гвоздей и степенно спустился со стремянки. Теперь надпись стала полностью видна, оказавшись не менее удивительной, чем само озаглавленное ею строение. Черные буквы с заглавной красной на желтом фоне сложились в нечто совсем несообразное – Отель «У утопшего водолаза».

Какие в горах водолазы, затруднялся представить даже я. Горные, не иначе... раз есть озеро с водопадом, почему бы при нем не обретаться профессиональным ныряльщиком? Горные речки от ледников у самых вершин намывают много чего, способного осесть в холодных глубинах. Золото, самородные магические кристаллы, да мало ли!

Человек, складывающий стремянку, заметил наше обалдение и поспешил торжественно разъяснить загадку.

– Там! – произнес он неестественно низким и глухим голосом, указывая наверх зажатым в руке молотком. – Вон там это произошло. На той вершине.

Острые скалы, служившей основанием сему нелепому оте-

лю, никак не могло содержать в себе горное озеро. На нем и чашку воды поставить было некуда. Но данная несообразность прояснилась из дальнейшего монолога местного гида.

– Он упал сюда, хай-джентри, вывалившись из низких туч, и разбитое стекло его маски было обращено к небу, с которого он пришел. Это убило бы любого, но он был уже мертв, когда скала переломала его кости. Здесь, среди гор, где ручей не способен погубить даже жалкую травяную крысу, он утонул! Сотни длинных тонн воды пролились следом, и океанские рыбы бились на камнях, разевая зубастые рты!!!

Картина, явленная моему воображению, по своей абсурдности вполне соответствовала нынешнему виду скалы и застройке на ней. Видно, с тех самых времен дело и не задалось...

Теперь все понятно. Не иначе дыхательное заклятие кончилось по пути из ближайшего отсюда океана, вот и утоп бедняга. Так что никаких чудес – обыденная смерть, просто в необычном месте, посредством редкого сочетания стихий.

– Чего изволите, хай-джентри? – уже нормальным голосом спросил человек, утирая рукавом вспотевшую от натуги физиономию и засовывая молоток за пояс. – Обед, комнаты, ванну с дороги?

На последнее, применительно к названию отеля, я бы не решился, а первые два предложения очень к месту. Дело к вечеру, завтрак был давно, а спускаться с перевала на ночь глядя, даже в тихую погоду – последнее дело. Так что обед и

комнаты никак не помешают. Примерно так я и выразился, напоследок еще спросив:

– Стойла и корм для скакунов найдутся?

– Найдутся! Все найдется, – усмехнулся в ответ трактирщик или кто он там. – Знали бы – не спрашивали...

– Что знали? – тут же вступила со своим любопытством Келла.

– Чего не спрашивали бы? – опасливо поинтересовалась следом Алир.

Только Хирра ничего не спросила, но почему-то мужчина обратился по большей части именно к ней.

– Разрешите представиться, хай-джентри: Свен Яндексон по прозвищу Все-Найдется! – ответил он с почтительным полупоклоном. И уже потише, словно стесняясь, прибавил: – Раньше или позже...

В ответ старшая жена осыпала его многообразием наших титулов, что уже вошло у нее в привычку при всяких незапланированных знакомствах, и под конец прибавила:

– Будьте любезны распорядиться послать за нашим багажом.

– Простите, хай-мэм, распорядиться особо нечем, – развел Свен руками, едва не упустив стремянку. – Один я здесь, так что не взыщите за заминку, пока сам справлюсь...

Отставив лестницу, на все руки трактирщик распахнул дверь приглашающим жестом. Опровергая его слова о полном одиночестве, из глубины дома донеслось какое-то цо-

канье, и на порог выскочил крупный пушистый зверек— по колено хозяину в холке, фута три длиной, еще столько же — роскошный хвост, да с фут просторные, украшенные кисточками уши.

Вот уж кого менее всего думал увидеть в огр-ских горах. Фоксквиррел — не здешний обитатель, в тайрисской тайге водится. Ловят его на любопытство, ради пышной шубки, а в богатые семьи продают живьем на забаву детям. Зверек привязчив и, в отличие от настоящей лисы, довольно чистоплотен. Во всяком случае, вылизываться и охорашиваться способен едва ли не круглые сутки.

Рыжий мех в серых пятнышках и сейчас отчаянно искрился, любопытные глаза на острой мордочке блестели огромными черными маслинами, а усы вокруг подвижного черного носа горделиво топорщились. Зверек откровенно красовался перед гостями, показываясь со всех сторон, пока не разглядел, кого принесла Судьба на порог его дома. Соскочившие с гекопардов эльфийские дивы поразили неполноразумного модника в самое сердце. Забыв о всяком достоинстве, фокс-квиррел со всех лап кинулся к моему семейству.

Похоже, домашний любимец Свена влюбился в обеих жен и подопечную с первого взгляда. Он терся об их ноги, трогательно закинув голову и заискивающе лоя взгляды, беспардонно запрыгивал на почтовый сундук и перила крыльца, призывно выгибая спинку высокой дугой, а под конец, обнаглев, уже впрямую просился на ручки. Разумеется, вско-

ре он был углажен в три пары рук – даже Хирра рассеянно снизошла до щекотания серо-рыжего загривка. Без особого применения родового таланта, поскольку здесь этого не требовалось – фоксквиррел и так был на все готов ради внимания красивых эльфей. Любимый хозяин оказался бессовестно забыт, меня же самого зверек откровенно игнорировал.

Оно и к лучшему. Для него самого в первую очередь. Не терплю, когда под ноги подворачиваются праздношатающиеся бестолковые тушки – могу и пинком подсобить с дороги убраться. Только стоит это проделать, и обиженного писка не миновать, не от самого зверька, так от безудержно тетешкающей его Алир или, хуже того, от самого Яндекссона... А нам здесь гекопардов оставлять.

Трактирщик, легок на помине, оттащив в холл первую пару горных рюкзаков, как раз вернулся за второй и последней.

– Шпиннэ, не приставай к гостям! – шутливо, больше для порядка, прикрикнул он на домашнего любимца, заметив, как зверек вьется под ногами у хохочущих эльфей. Тут уже и я не сдержал усмешки. Остроумия Свену не занимать, раз назвал своего фоксквиррела именем купца из трансальтийской сказки про снежную дочь Судьбы и Приснодеда, отданную на воспитание в простую семью. Сей персонаж тоже, помнится, отличался редкостным равнодушием к женскому полу и сопутствующим тому непостоянством...

Семейство в сопровождении галантного Шпиннэ сразу проследовало в холл, а я на пару с Яндекссоном отвел ге-

копардов за дом, в теплые крытые стойла, где им предстояло дожидаться нас долгие дни, недели, а может, и месяцы. До самой весны, под' вой зимних буранов, хруст наледи под ярким горным солнцем да грохот отдаленных лавин...

От мрачных мыслей не помогло отвлечься даже довольно трудоемкое расседлывание скакунов. На серьезные замки с магическим кодом помимо обычного ключа были заведены не только привязные ремни, но и подпруги седел, предназначенные, чтобы удерживать седока на крутых виражах, а то и вниз головой. Отключать систему безопасности на каждой пряжке оказалось довольно муторно. Тем более, что нервный Морсик то и дело дергался, переступая с лапы на лапу, а любопытная хулиганка Черри норовила принять в процессе живейшее участие, засунув морду едва ли не под самое брюхо, прихватывая пастью свободно болтающиеся ремни и толкая носом под руку. Старые гекопарды были привычнее ко всему и переносили операцию по избавлению от седел куда более флегматично.

Из стойл в холл мы возвращались уже не по прежней дороге, а под крышей, по изрядно запутанным переходам. Стены сближались и расходились, меняя материал, пол под ногами то повышался, то понижался. Один раз пришлось протискиваться по зябкому коридору чуть шире плеч, прорубленному прямо в скале.

Лишь его один не загромождали шкафы, сундуки и коробки. Все прочие проходы, галереи и коридоры были отча-

янно забиты всяческим барахлом в поистине удивительных сочетаниях. Резные трансальпийские сундуки соседствовали с изящными плетенками нашей, анархической работы, с суконными баулами вроде исполинских кисетов, обшитых понизу грубо выделанной ро-гачиной кожей, а сверху прикрытых замшевой дождевой полостью с узорами Союза Племен, и с низенькими цветастыми комодиками, сооруженными где-то в Гериссе на хисахский манер.

С пугающей равномерностью все это разнообразие перемежалось солидными безликими шкафами конторского образца и буфетами, заставляющими вспомнить о домашнем быте чиновников тех же контор. Сходство с присутственной мебелью усиливали кодовые замки на дверцах, вроде сейфовых – с тремя вращающимися кольцами, каждое из которых усеяно рунами. Их можно было перепутать только с круглыми тренировочными мишенями наподобие охотничьих, также в изобилии развешанными повсюду.

Похоже, здесь для каждого найдется свой уголок. Последний домашний приют, так сказать. Чтобы любой мог преклонить голову в знакомой обстановке перед решительным шагом в чуждую и неприветливую Огрию, от которой вокруг наблюдался только изрядный простор большинства помещений. Уютно, конечно, и по-своему неплохо устроено. Только очень уж захламлено, на мой вкус. Боюсь, что по возвращении мы собственных гекопардов не отыщем в этой супербарахолке...

Наконец мы со Свенем выбрались из загроможденного до предела лабиринта коридоров к главному входу. Прямо напротив такового холл был украшен камийом даже не огрско-го, а какого-то уже совершенно непредставимо грандиозно-го размера. Достаточно сказать, что межэтажная площадка парадной лестницы, охватывающей гигантское сооружение с двух сторон, располагалась на каминной полке, при этом не занимая ее полностью.

Тем временем семейство поднялось по паре лестниц в верхний холл. Пылающий внизу камин эльфей не привлек – не так уж и холодно было пока снаружи. Мы присоединились к ним, миновав теплый камень лестниц, картину на площадке, изображающую летящего дракона и трех зевак, и собрались в не особо большой комнатке прямо над вывеской. Резной верхний край ее виднелся в окне, забранном на тайриский лад частым переплетом.

У окна располагался столик, окруженный пухлыми замшевыми креслами. Жены и подопечная с комфортом расположились там, не рискуя утонуть, я осторожно присел на краешек, а трактирщик подошел к очередному шкафу казенного образца, украшавшему и это помещение, и полминуты возился с кодовым замком, подбирая комбинацию, пару раз сбиваясь и начиная все снова. Ума не приложу, зачем так бегаться здесь, в захолустье, вдалеке от города с его дорассветными охотниками до всего чужого? Огр при случае дверцы такого шкафа щелчком вынесет! Да и что прятать-то пона-

добилось с такими предосторожностями?!

Наконец дверцы шкафа распахнулись, явив его внутреннее устройство. Точнее, полное отсутствие такового – просто проем, выходящий в другую комнату, забраный полками, на которых теснились различные бутылки и прочая посуда.

Из особо пузатой, чуть ли не в галлон, бутылки Свен наполнил четыре здоровенных кружки, насыпал в каждую пряностей из полдюжины разных пакетиков и поставил взбалтываться под крышки барной «трясогузки». Вдобавок ко всему еще и разогрев запустил, зажегши в сетчатых чашках под донцами кружек горошины сгущенного огневого тумана, вроде фэйрболльной шрапнели. От быстрой тряски огоньки мгновенно разгорелись и заплясали в своих сетках, словно жуки-фонарики над болотом. Наложившись на собственный ритм «трясогузки», этот огненный танец сплелся в совершенно завораживающую огненную паутину – так быстро метались огоньки. Глаз не отвести. Даже жалко стало, когда все закончилось и Яндекссон, осторожно прихватив горячие кружки попарно за деревянные рукояти, подал питье на стол.

– За счет заведения, хай-джентри! Огрская медовуха с пряностями.

Рука сама собой потянулась за угощением. Не оттого, что дармовое, а из любопытства: если с огрской национальной кухней любой в Анариссе знаком по шурум-буруму, то до их выпивки добираться раньше как-то не приходилось. Пахло на редкость завлекательно. И то, что хозяин не налил себе,

не внушало опасений – ему же еще работать. Хотя при такой частоте клиентов не сопьешься...

Хирра с Келлой тоже с готовностью ухватили кружки. А вот Алир даже не сделала попытки потянуться за своей. – Я не пью... Простите, – умильно потупилась светлоэльфийская дива.

– Да какие тут градусы, хай-мэм!!! – замахал на нее руками трактирщик. – Одна видимость! И то все выпарилось при подогреве...

Аргумент на подопечную подействовал или вкусный запах из кружки пересилил предубеждение, но только сперва осторожно, а потом со все большим энтузиазмом она принялась поглощать содержимое посудыны.

Оно того стоило. На редкость легкая и вкусная штука, которая как-то по определению не вязалась с ограми. Скорее уж с тайрисским пасеками, с которых тут вел происхождение не только этот напиток, но и кличка фоксквиррела, да и сам этот зверь. Чую, несмотря на вполне местное имя, трактирщик немалое время провел на таежных рубежах у самых альтйских гор.

Что заставило его поменять одни горы на другие, а затем обратно, я задумываться не стал, но осведомленность свою во вкусах народов мира выразил в ироничном вопросе:

– Так уж и огрская? Что-то вкус больно аль-тйский...

– Вас не проведешь, хай-сэр, – усмехнулся Свен. – Огрский только мед. А рецепт с самого Нагорья.

– А гвоздика, имбирь и корица – из Хиса-ха! – подытожила наш разбор Келла, со времени нашей последней поездки пристрастившаяся к тамошней кухне.

В ответ Яндекссон только развел руками, сгрел со стола опустевшие кружки и повернулся к шкафу, чтобы убрать их до мытья на нижнюю полку. Разомлев от удовольствия, я проследил взглядом за исчезающей посудой...

И внезапно сообразил, что сквозной шкаф должен бы выходить на лестницу, по которой мы сюда поднимались, и глухую стену за ней. А в нем явственно виднелись кухонный стол и окно, в котором светило склоняющееся к закату солнце. Такое же, как в том окне, у которого стоял стол. Да и снаружи комнаты никаких дверей что-то не было заметно.

Обернувшись, трактирщик застал меня ошалело вертящим головой от одного окна к другому.

– Подальше положишь – поближе возьмешь, хай-сэр! – пояснил он с негромким смешком, сходу распознав причину моего изумления. – У меня все шкафы-буфеты-гардеробы и прочие сундуки телепосылком связаны, чтоб по гостинице лишнее не таскать.

– Это что же, у вас все они в один соединены? – вдруг задала вопрос Алир, пока я переваривал услышанное.

– Точно так, хай-мэм, – обрадовался Свен понятливости высокородной клиентки. – Раз и навсегда, открытым каналом. Этакий гипершкаф и выходит...

– А не опасно? – вступила в разговор Хирра, явно остере-

гаясь того же, что пришло на ум и мне самому.

– Нет, хай-мэм, – трактирщик словно ждал вопроса. – Чтобы кто – попало не лазил куда не надо, адресные кольца только на командных шкафах, а все адреса у меня. Клиентам доступны только их собственные и общие ссылки.

Ну, положим, грамотный специалист-маготех-ник такую систему расколет запросто... Да где ж здесь такого взять, кроме меня? А я возиться с этим... гипершкафом не собираюсь по определению. Пусть Яндекссон наслаждается своим творением – видно же, как он гордится остроумным применением дешевого и надежного на небольшой дистанции телепосыла.

Демонстрируя возможности любимого детища, трактирщик с заговорщицким взглядом захлопнул дверцы шкафа и молодецким жестом крутанул наборное кольцо. С видом балаганного мага распахнул створки...

За ними ничего не оказалось. Ни другого помещения, ни полок, ни вешалок. Только серо-фиолетовый туман. Причем увиденное оказалось сюрпризом и для самого Свена.

– Сбоит иногда... – пожал он плечами с явным смущением и захлопнул дверцы. – Набирать надо тщательнее. Но вы не бойтесь, хай-джентри, если что пропадет – возьму!

Ну да, возместит он... Вздумай кто из нас положить в за-сбоившую таким образом гостиничную тумбочку пусть даже не Реликвию, а обычный магический жезл с заведенным на него пакетом дорогостоящих заклятий – возмещать стои-

мость утраты трактирщику придется до самой Мировой Погибели. Я уж не говорю про фамильные драгоценности!

Похоже, тот и сам все это понимал, но отказаться от замечательной магической игрушки был не в состоянии. Из чего и проистекало отчетливо заметное чувство неловкости.

Видимо, чтобы окончательно доконать создателя гипершкафа, на дверцу выполз таракан. Трехдюймовый, с того же размера усищами, да вдобавок ярко-желтый в алый горошек, словно «божий рогачик» или лидер тяжелобомбардировочной эскадры, обязанный прокладывать курс остальным воздушным кораблям соединения! К первому таракану присоединилась пара соплеменников калибром поменьше, уже не столь психоделической расцветки. Не иначе, ведомые первого звена тараканьей ТБЭ.

Окончательно смешавшись, Яндекссон замахнулся на незваных гостей явно привычным жестом.

– Эти еще лезут не пойми откуда! – пробурчал он. – При чем нет чтоб обычные – все такие вот... Простите, хай-джентри.

Впрочем, в этот момент у меня появилась причина для беспокойства помасштабнее трех тараканов, с достоинством удалившихся в ближайшую щель.

От оконного стекла явственно потянуло холодком. По частому переплету мелькнула быстрая тень – не такая, как от облака или птицы. Даже дракон, тесайрский дактиль или боевой нетопырь иначе оказывают себя при пролете. Все одно

крылатые твари... а тут словно змея по небу проползла стремительным извивом. Только рама глухо стукнула и шатнулась в оконном проеме под бесплотным ударом.

Вслед за мной повернули головы к окну и все остальные.

Снаружи не было ни гор, ни неба. Лишь стремительно клубящаяся белизна, словно все вокруг затопило кипящим молоком. Стекла в мгновение ока едва ли не целиком затянул морозный узор, изукрашивший их ледяными подобиями небывалых в горном климате меканских пальм.

Лавина?! Непохоже... Ни звука, да и снесло бы нас давно, будь это сход многотонной массы снега с какого-нибудь из окрестных пиков. К тому же, окажись такое возможно, гостиница здесь просто не стояла бы. Тогда что же это?

В окно снова с оттяжкой, словно плетью, ударил снеговой заряд. Это от него, точнее, от его предшественника пронеслась непривычная длинная и гибкая тень. Словно хисахская танцовщица взмахнула полупрозрачным газовым покрывалом.

Буран это оказался, обычный горный буран. Вовремя мы под крышу забрались, и хорошо, что успели завести в теплые стойла гекопардов. Неожиданно, конечно, да и рановато что-то, но вполне в порядке вещей. И как только подкралась непогода столь внезапно – ни облачка же не было на десятки миль вокруг! Когда с воздушного крейсера Стийорров высаживались, сверху было хорошо видно.

Расслабившись, я отвернулся было, но тут же натолкнул-

ся на обеспокоенный взгляд Яндекссона. Трактирщик уставился за окно с нескрываемой тревогой, словно ожидая куда худшего, чем раннее похолодание, от которого с легкостью защитит что главный суперкамин, что прочие его собратья, разбросанные по номерам. В крайнем случае, подкроватную жаровню с вытяжкой можно углями засыпать...

Неужели дело серьезнее, чем показалось? Лавина не лавина, но что-то сравнимое с ней по вредоносности... такая беда в Огрогорье водится только одна. И как раз против нее-то я и направлен бороться – не силой, так хитростью.

Силой тут и не навоюешь. Вон какая мощь в буранном напоре – стекла в раме дребезжат, да и весь отель скрипит и подрагивает под натиском снежной стихии. Даже с Дланью Справедливости наизготовку я бы всерьез задумался, как справиться с таким. Даром что сия Реликвия заточена под работу со стихией, противоположной Камню, – а что есть лед, как не вода, затвердевшая до каменного состояния?

– ОН это... – внезапно охрипшим голосом подтвердил мою догадку Свен.

Значит, точно ледяной демон в гости пожаловал. Собственной персоной. Как знал, что мы явились по его душу, скованную ритуалом обречения. Неплохо работает у стервеца заднее чутье – еще бы, при его-то склонности к однополной любви'

Алир тихонько пискнула и прижалась к Хир-ре, по уже образовавшейся привычке ища защиты именно у нее. Кел-

ла, напротив, любопытно приникла к окну, пытаюсь высмотреть в снежной круговерти наперсника Победенных Богов, пятую сотню лет скрывающегося среди ледников Огрогорья. Яндекссон наблюдал за ее попытками с опасливым трепетом, а я – с куда более прозаической тревогой: так и нос застудить недолго, либо приморозить к стеклу кончик языка, как всегда в важные моменты чуть высунутый изо рта младшей жены. Этой особенностью древнейшая кровь не уступала пятой расе разумных, вторым детям Отца. Вот ведь драконья порода...

– Может ли демон забраться внутрь? – обеспокоенно поинтересовалась моя высокородная у хозяина заведения, не переставая успокаивающе поглаживать подопечную по золотым локонам.

– Никак, хай-леди, если сам не впустишь, – заверил мою старшую жену обстоятельный трактирщик. – Огонь от печных труб Ледяного далеко держит, а двери-окна, пока на запоре, для него вроде как не видны.

Особенность эта у нежити и впрямь приметная – восприятие у возведенных в демонское достоинство меняется изрядно. За новые виды зрения, слуха и чутья, за магическую и телесную мощь с бессмертием зачастую приходится платить некоторыми простыми способностями, вроде восприятия различий между цельными и составными предметами, движения не по самой простой траектории или возможности пересекать текучую воду, горящий огонь и прочие заве-

сы стихий, противолежащих той, что образует демона.

Остается надеяться, что окна-двери в гостинице накрепко затворены, а стекла и филенки в них целы. Впрочем, судя по осведомленности хозяина заведения, нечего опасаться, что нежити оставлена какая-то лазейка.

Так же внезапно, как налетел, буран улегся, явив взорам пронзительно-синее горное небо, дальние пики и гладкую снежную равнину, подступившую к самому подоконнику. В самом буквальном смысле слова— искрящийся снег растянулся прямо от середины нижнего ряда стекол, подползая языками к переплету, отделяющему следующий ряд. Это на втором-то этаже здания, рассчитанного на одиннадцатифутовый огрский рост!!!

Одно утешало – при всей замечательной видимости никакого демона вокруг не обнаруживалось. Даже наоборот – если б не снег, можно было бы забыть о всяком присутствии ледяной нежити на много миль окрест. Ни следа облаков, клубящихся над самой головой, и прочих признаков непогоды, возвещающей постепенный подход зимы. Солнышко так жжет, что глазам больно, хоть надевай в помещении предусмотрительно захваченные темные очки...

Свен потянулся задернуть занавески, но вдруг замер не дыша. Мы перевели взгляды с него на нестерпимо сверкающие морозные узоры на стеклах и остолбенели так же основательно.

Напротив, вплотную к окну, стояли голые ноги, отчетливо

видимые сквозь незамерзшие островки стекла. Из-за огромного размера – больше даже самого большого огрского – они были видны лишь чуть ниже колена Узкая изящная ступня в пару с лишним футов, тонкие лодыжки и стройные икры соответствующего размера. Чуть тяжеловаты для женщины, но слишком легки для парня, даже эльфа...

Еще ноги были светло-синие. И вроде как полупрозрачные!

Ну вот, накликали – пожаловал-таки демон, самым недвусмысленным образом. То есть как раз на редкость двусмысленным, даже если не брать в расчет двойственность его натуры и удвоение магических возможностей прижизненным обречением сразу двум сильнейшим из Победенных Богов...

Ноги развернулись и отошли прочь от окна, потихоньку открывая все, что расположено выше колен. Совершенно обычное тело без всяких шипов и панциря – вроде человеческого или скорее эльфийского, только футов пятнадцати ростом и яркого, насыщенного светло-синего цвета. Вдобавок на истинно по-эльфийски бесстыжем демоне не было ни единой нитки одежды. Так он и шествовал голышом по сахарно-хрусткому даже на вид снегу, не оставляя следа и не производя ни звука. Выглядело это на редкость дико – однако вполне логично.

А чего я ждал? Что ледяная нежить будет от собственного холода в тулупе хорониться? Да еще бороду отрастит,

навроде Приснодеда, чтоб рожу не морозить— это при известных-то склонностях...

Отойдя на пару дюжин ярдов, далеко за почтовый сундук — единственное, что нарушало целостность снежного поля, — демон счел, что настала пора показаться во всей красе. Остановился, потягиваясь, и картинно развернулся, небрежно откинув за плечо волосы, стелющиеся по воздуху без всякого ветра.

При виде сюрприза, преподнесенного нежитью, лично мне захотелось протереть глаза: наш демон оказался демонницей!

А, нет, все-таки демоном...

Телосложение пятнадцатифутовой фигуры и черты лица не позволили бы отнести их владельца ни к одному из полов, если бы не четко различимые признаки обоих. Первичный — все-таки мужской, но уж вторичные — однозначно женские, причем такие, словно сила тяготения по отношению к ним не действует и не действовала никогда. И не так уж они велики, вполне пропорциональны росту. В отличие от признаков расовых. Похоже, ставший демоном смертный хотел доказать всему миру, что был и остается эльфом. В связи с чем в это утверждение как-то не верилось.

Зато все остальное выглядело весьма убедительно, включая синее сияние в провалах глаз, ноздрях и хищной прорези узкогубого рта. К тому же, в отличие от одежды, украшениями обоеполый не пренебрегал. Ртутное сверкание металла

и дрожащие блики незнакомых самоцветов оттеняли налившую полупрозрачную синеву кожи и нежную голубизну альфийски длинных волос. Стильно смотрится, сволочь...

Как ни воротило с души, но пришлось рассматривать демона во всех подробностях, чтобы не пропустить Длань Справедливости, способную с легкостью затеряться среди прочих цацек, которые тот на себя навесил. Хотя вроде бы та должна сама собой принимать размер, соответствующий владельцу, и никак не может сойти за особо замысловатую подвеску. Перчатка все-таки, пусть и магическая, меньше руки оказаться не способна.

Даже за пару минут самый придирчивый взгляд так и не обнаружил на обнаженном теле нежити минимум "полуторафтовой (в данном случае) Реликвии. Никакой Длани Справедливости при демоне не оказалось. Так что хотя бы в этой части храмовая вводная верна.

И все равно, с Реликвией или без, обоеполый оставался самой опасной тварью из всех, с кем мне приходилось сталкиваться. Тесайрский Воин-Жрец и то послабее будет, хотя намного разнообразнее в своих возможностях. Мощь нежити ограничена ее природой, но в пределах таковой попросту непредставима. Никому из живых не посоветую испытывать ее без сообразной защиты или надежного пути к бегству.

Хорошо, что все мы здесь невидимы и неслышимы для демона, по крайней мере, если сами не пожелаем обозначить свое присутствие. А на такое сумасбродство никто из

присутствующих не способен – ни привычный к соседству с нежитью Яндекссон, ни напуганная ею на всю жизнь Алир, ни магически грамотные Хирра с Келлой, ни тем более я. Разве что...

Шпиннэ. Что-то давненько не видно приставучего фоксквиррела. С самого возвращения в холл на глаза не показывался. А при его любопытстве и тяге ко всему новому, не сдерживаемым полным разумом, можно ожидать любой дурасти. Еще спалит глупый зверек нашу ухоронку, не дай Судьба!!!

Не успел я повернуться к Свену с вопросом, надежно ли упрятан его любимец, как тот сам показался на глаза. Вполне безопасно для нас всех, но крайне неудачно для себя самого. Мелькнув серо-рыжей молнией, фоксквиррел выскочил на снег из полузанесенного почтового сундука! Уж не знаю, как ему это удалось – загодя там спрятался или пролез через гипершкаф. От ушлого тетки ухаря-купца из трансальтийской сказки можно ждать и не того...

Похоже, трактирщик дал имя своему любимцу не по одной склонности к прекрасному во всех проявлениях. Увы, на этот раз любопытство и тяга к красоте подвели зверька, притянув к существу не в пример опасней, чем эльфийские дивы. Утратив всякое соображение, фоксквиррел замороженно побрел к демону, увязая в глубоком снегу. Не справился с заносом, провалился и дальше передвигался смешными прыжками, словно мышкуя.

Вот только добычей на этот раз был он сам. Голубой демон заметил крохотную искорку Жизни на бескрайнем снежном пологe и заинтересованно повернулся к зверьку. Хищная усмешка исказила безупречный рот, на миг превратив его в дугу, сияющую, словно разряд «герисской банки».

Не вняв этому предупреждению, Шпиннэ продолжал стремиться навстречу опасности. Допрыгав почти до самых ног нежити, он уселся в снегу столбиком, умильно сложив перед собой лапки и задрал хвост совсем по-беличьи. Мордочку зверек тоже со всей силы вытянул вверх и тихонько затыкал, пытаясь обратить на себя внимание. Такого фоксквиррел не позволял себе даже с моими женами и подопечной...

Усилия бедолаги Шпиннэ достигли цели. Вдоволь помучив его деланным безразличием, пятнадцатифутовый пер-эльф сделал вид, что наконец-то заметил несдержанного поклонника и «заинтересованно» склонил голову. Обрадованный зверек встал на задние лапки, а передними забавно замахал в воздухе.

Подобное преклонение заслуживало достойной награды. Демон нагнулся, подставил ладонь, и фоксквиррел с готовностью запрыгнул на нее. По одному этому можно было оценить размеры нежити – у той же Хирры зверек едва умещался на всем предплечье.

Другая рука миньона Побежденных Богов медленно-медленно протянулась к мордочке злосчастливого Шпиннэ и вро-

де бы осторожно пощекотала того по горлу. Фоксквиррел замер в блаженстве... или полностью утратив волю от взгляда и прикосновения ледяного красавчика.

Продолжая завораживающе-медленное движение, демон приблизил точеное лицо к острой мордочке и подул зверьку в нос. На долю секунды дыхание того стало видимым, клубясь облачком серебристых искр – а затем прервалось раз и навсегда. Так что короткий поцелуй-укус в самый кончик носа Шпиннэ, похоже, уже не ощутил. Демон выпил жизнь зверька в мгновение ока, наловчившись за столетия своей не-жизни... Каким бы каламбуром это ни звучало.

Опустошенный фоксквиррел покачнулся на полторафутровой ладони и, кувыркаясь, полетел вниз – как игрушка, не меняя позы, мгновенно окостенев и утратив всякое подобие живому. Демон холодно и звонко расхохотался, будто ртутные бубенцы зазвенели в замороженном воздухе. Изящным движением провернулся на месте, взмахом руки подняв снежный вихрь... И пропал в нем, растворился без следа, отведя нам глаза ловкой игрой со стихиями.

Ничего иного ждать от могущественной нежити и не стоило. Демон, он демон и есть. Не скажу, чтобы раньше видел каких-нибудь демонов или аватаров где-либо, кроме как на страницах наставления по нематериальной части, но этот конкретный представитель класса высших магических существ мало отличался от учебных образцов, явленных специальными иллюзиями.

Из головы как-то совсем вылетело, что, по крайней мере, одна из моих спутниц имеет куда больший и отнюдь не иллюзорный опыт встреч с боевыми миньонами богов. В отличие от меня, Алир вела знакомство с демонами издавна. Причем именно с этим самым представителем их породы...

Нынешнее напоминание о самой первой и единственной доселе встрече оказалось слишком зримым – нежное душевное устройство светло-эльфийской дивы не вынесло увиденного. Сама, как перепуганный зверек, слепо заметавшись по комнате, подопечная в поисках убежища опрометью бросилась в шкаф! Только створки хлопнули со всей силы и отскочили вновь, приоткрываясь...

За ними все так же клубился серо-фиолетовый сбой соединения. Алир ушла по глухой ссылке, унеслась в никуда, пропала пропадом!

Все застыли в полном ошеломлении. Хирра – с оттенком сожаления, виня себя за то, что не уследила, а Келла – просто в глубочайшем удивлении, не замутненным никакими посторонними переживаниями.

– Думаю, надо поискать ее в отеле... – неуверенно предположил Свен, будучи потрясен никак не менее нашего и чувствуя некую долю ответственности за случившееся.

Думает он... Тут не думать, тут прыгать надо!

Слова у меня редко расходятся с делом, и тормозить на поворотах я все никак не научусь. Поэтому, не теряя времени, я кинулся в шкаф следом за пропавшей, не дожидаясь,

пока настройка сменится случайным образом. Даже сказать напоследок ничего не успел, полуобернувшись к остальным. Изумленные лица жен и трактирщика мелькнули напоследок и пропали за туманом портала.

В противовес прошлому опыту переход был не мгновенным, а продолжительным, словно полет по странному коридору, составленному из многократно повторенных стенок шкафа. Да и само движение напоминало затянувшийся прыжок в стоячую теплую воду вроде той, что бывает в пруду или в дождевой бочке, какая стояла в клановом дворе. Ну и намудрил же Яндекссон...

Никакой воды, понятное дело, не было, но ощущение оказалось настолько сходным, что вдохнуть повторно я заставил себя, лишь «вынырнув» в обычное пространство внутри какого-то шкафа. Платяного, по всей видимости, поскольку, кроме меня, внутри наличествовали какие-то пальто и шубы. Больше никого и ничего в этом гардеробе не обнаружилось.

На месте подопечной я бы тоже не стал сидеть в пропахшем лавандой шкафу. Так что, надеюсь, она найдется снаружи без всяких осложнений.

Расталкивая мохнатые бока шуб, я распахнул дверцы – и остолбенел. Гардероб открылся не в какую-нибудь комнату или чулан, а в самый настоящий лес! Густую хвойную тайгу вроде тай-рисской, да еще изрядно засыпанную снегом,

словно в самый разгар тамошней суровой зимы. Вдобавок, после пусть склоняющегося к закату, но все-таки дня за окнами отеля, здесь и сейчас была безлунная ночь!

Разглядеть что-то в непроглядной тьме было бы совершенно невозможно, если б не еще одно обстоятельство, едва ли не диковиннее прочих: посреди леса возвышался городской фонарь странного вида – во-первых, железный, во-вторых, освещающий окрестности не гнилушкой, а совершенно дикой горелкой типа хисахского храмового маяка. Ума не приложу, кто мог потратиться на столь нелепо-дорогостоящий осветительный прибор, пожалев денег на простенькое заклятие!

Нечего и говорить, что никакой Алир здесь не было. Ни самой, ни каких-либо следов – уж в глубоком снегу отпечатки ног не особо легонькой эльфи остались бы с гарантией.

Да... Ситуация повернулась совершенно неожиданной стороной. Похоже, неполадки с гипершкафом не в пример серьезнее, чем уверял Свен. Адресация телепосыльных чар сбита куда основательнее, если помимо пространственной ошибки дает еще и временную. Сколько я вообще провел в этом странном прыжке? Еще хорошо, если только до вечера просидел в междушкафье...

Задумываться над тем, какое количество времени займет и куда может привести следующий шаг, как-то не хотелось. В голову настойчиво лезла всякая чепуха вроде того, что следующим гостям Яндекссон будет вещать уже про меня:

«Там! Там он вошел в гипершкаф и унесся по бесконечным ссылкам в таинственное никуда!»

Ну уж нет! Вернуться стоит хотя бы ради того, чтобы никому и никогда не довелось слушать подобную бредятину. Причем не в одиночку, а с виновницей переполоха и всего этого неожиданного путешествия по ссылкам. Иначе какой из меня тогда опекун?!

Решительно развернувшись, я шагнул обратно в шкаф, отводя шубы обеими руками. Новый переход по ссылке дался куда легче: «вода» уже не давила, и дышать кое-как получалось. По крайней мере, до прибытия на место – новое местилище оказалось тесновато и вдобавок набито какими-то бумагами и шуршащими пакетами.

Кое-как ворочаясь, я выпростал руки и толкнул дверцу перед собой. Совершенно неожиданно она открылась не вбок или хотя бы вниз, как откидной столик, а вверх, подобно крышке механической мышеловки. Да и на защелку какую-то стала очень похожа. Сравнение меня не обрадовало.

Впрочем, это снаружи я поостерегся бы лезть в такой ящик. А уже находясь внутри, что и делать, как не вылезать? Хотя бы чтоб осмотреться, а то из тесной коробки с бумагой ничего особо не видно, кроме белизны повсюду.

Выталкивая конверты и пакеты, я ухватился за края ящика и, распрямив ноги, выкатился наружу физиономией прямо в снег и далее кувырком под горку. Недалеко, к счастью, укатился – за пяток ярдов от почтового сундука, который

красовался перед фасадом отеля «У утопшего водолаза».

На сердце изрядно полегчало. После визита демоны знают куда я и не надеялся так легко выбраться обратно. Без Алир пока что... Ну да главное – сам цел, а подопечная найдется. Не так, значит, иначе, раз уж дуриком, по горячим следам, не удалось...

Увязая в снегу, я затопал к окну второго этажа, откуда мы наблюдали за явлением ледяного демона, размахивая руками и крича во весь голос: «Эй! Я здесь! Э-эй!»

Из дома никто не отозвался, и ни одной тени не мелькнуло за мутными стеклами. Это не могло не насторожить, и последние ярды я брел уже тихо, опустив руки и осторожно вглядываясь в темноту за окном. Подобравшись вплотную, я нагнулся и прикрыл глаза от света, пытаясь разобрать, что там, внутри.

Ничего не видно. Делать нечего, постучусь...

Сначала легонько, костяшками пальцев в стекло, потом уже всерьез, кулаком по переплету, а там и вовсе рукоятью тесака в раму – пару минут я молотил без малейшего результата. В отеле ничего не шелохнулось, ни единого звука не раздалось в ответ. Даже эхо, казалось, вязло в глухой темноте за окном. "

Набираясь решимости, я оглянулся. Ямки моих и только моих следов темнели на снегу, залитые неожиданно густой, черной тенью. Было светло, но не по-дневному, а как-то странно, как сразу же после захода солнца, которого и вправ-

ду не было видно. Над перевалом низко нависало странно мерцающее, ярко-лиловое небо.

Ладно, краски в горах порой могут быть и не такие – воздух здесь другой, так что и цвета сдвигаются, и миражи случаются самые несусветные. Удивляло, скорее, другое – ни намек на мертвого фоксквиррела или хотя бы отпечатки его лап. Демон-то следов не оставлял, это сразу было видно, но куда делся несчастный Шпиннэ?!

Ощущение жгучего одиночества и давящей на уши пустоты нахлынуло мгновенно и неодолимо. Как-то сразу стало понятно, что никого живого здесь нет... Не по вине демона, а изначально, по странному устройству этого во всем остальном идеального подобия знакомого мне места.

Словно желая отогнать эту догадку, я со всего маху врезал рукояткой тесака в стекло. Осколки посыпались внутрь без звона, словно затянутые неведомой силой. Разбитое окно зияло зубастой пастью...

Да хватит самого себя запугивать!!!

Обколов стеклянные острия обухом, я порылся в подсумке на поясе, обнаружил мяч-тестер и послал его внутрь комнаты, выставив настройки на самовозвращение в руку. Засияв оранжевым светом готовности, магический прибор уплыл вглубь, лениво отскочил от одной стены к другой, ударился о третью и, замкнув траекторию, вернулся ко мне.

В его неярком свете я не увидел внутри помещения ничего страшного. Та же самая комната, только пустая и без

следа пребывания кого-либо из нас. По-быстрому считанные с мяча-тестера показания тоже не возбуждали особых подозрений. Пусто, и все тут...

Не тратя больше времени на излишние страхи, я полез внутрь, перекинув ноги через подоконник и осыпая пол снегом. Снаружи все равно становилось холодновато, оставаться там без нужды не хотелось. Морозец без труда проникал сквозь куртку и свитер, да и теплого белья под рейнджер-ский горный комбинезон я не озаботился надеть.

Внутри по сравнению с открытым пространством сразу сделалось тепло. Вроде бы от разбитого окна должен быть сквозняк – однако ничего подобного. Воздух здесь был стоячий, неживой, и тепло нежилое. Как от перегнившего мусора, только без вони.

Оттого ли, или по иной причине, но по отелю я решил передвигаться, проверяя дорогу все тем же мячом-тестером в режиме арканоида. Только с оранжевого переключал его на простой желтый свет и яркости прибавил. Задействовать местную систему освещения как-то не хотелось, как и вообще добавлять жизни любой здешней магии.

Что за бред!!! Никакой же опасности нет – что ж я чуть ли не на стенку лезу?!

Причем на обычные дурные предчувствия это ощущение совершенно не походило. Те, наоборот, забастовку объявили, как иэрийские матросы из-за гнилой солонины. Зато то и дело накатывает какой-то нездоровый, гнилой страх, какого

в жизни никогда не знал. Даже на фронте – там все понятно: стрела так стрела, фэйрболл так фэйрболл, ка-давр так кадавр, да и прочая боевая магия дело обыденное. Мертвяки, и те в порядке вещей, не больше и не меньше прочего способны навредить.

Тот страх, который оборотная сторона осторожности, мне хорошо знаком. А вот этакий, беспричинный и безысходный, никогда не приходилось испытывать. И что с ним делать, ума не приложу. Только обрывать внутренним окриком, если совсем вырвется из-под контроля...

На десятой минуте опасливого продвижения по внутренностям отеля стало ясно, что страхи мои оправданы хотя бы отчасти. Подобного количества коридоров просто не могло поместиться в оригинальном «Водолазе». И уж тем более в нем ни к чему были межэтажные подъемники, да еще очень странно украшенные – не столько богато, сколько изощренно. Будто кто-то задался целью положить на каждый работы по цене больше, чем материала...

Похоже, от места, покинутого через гипершкаф, здесь я оказался не ближе, а едва ли не дальше, чем в зимнем лесу с идиотским фонарем. Во всяком случае, ощущение чуждости было сходное, а кое-где и посильнее, чем там. Особенно у стран-нообразных светильников, в которые вместо нормальных гнилушек были вкручены колбы с какой-то нестерпимо сияющей паутиной.

Когда они загорелись сами собой, я аж присел от неужи-

данности. Ошарашил мячом-тестером все стены и сами светильники, при этом раскокал одну колбу, которая взорвалась с резким хлопком, пустив к потолку струйку едкого дыма.

Ничего. Никакой магии, просто переизбыток искро-полевой формы стихии Огня. Прямой, как палка, точнее, как фламмер – с таким же ровным ритмом смены направления течения искры, создаваемым, похоже, простеньким механическим устройством где-то далеко отсюда.

При свете, даже при таком необычном, шляться по коридорам стало как-то веселее. По крайней мере, до тех пор, пока я не натолкнулся на двусторонний топор, крепко всаженный в косяк наполовину прорубленной двери. Заглядывать внутрь как-то не особо хотелось...

Понять, что я обхожу изуродованную дверь, прижимаясь к противоположной стенке, удалось, только натолкнувшись плечом на очередной светильник. Противный дребезг заставил дернуться, но одновременно отрезвил. Опять дурной страх подкатил незаметно, чуть было себя не заставил забыть!

Чтобы пересилить никчемный испуг, надо было сделать хоть что-то. Отлепившись от стены, я шагнул к пролomu, нагнулся под наклонно торчашую рукоять топора и подобрал с пола лежащий под ним листок бумаги.

Ничего особо ужасного не произошло. Топор не вырвался из косяка, чтобы врубиться в мою беззащитную спину, его владелец тоже не соизволил пожаловать за своим иму-

ществом. Да и ничего иного не случилось из того, что я себе напридумывал, покуда бесконечно долгую секунду разгибался под овеществленным знаком своего симботипа. Даже затылком о рукоять "не долбанулся, хотя был к тому близок, как никогда.

Поднятая с пола бумаженция пристала к потной ладони и изрядно смялась – пришлось порядком потрудиться, чтобы прочесть написанное на ней. На счастье, фирменные бланки отелей вроде этого печатают не на худшей бумаге, и листу, украшенному затейливым вензелем, не особо досталось даже от моих рук. Хорошо также, что шрифт записки оказался печатным – вроде типографского, только чуть более неровный. Однако никак не удавалось взять в толк, зачем многократно набирать на печатном станке и оттискивать на бумаге одну и ту же фразу, какой место лишь в дневнике заучившегося студиязуса, истомленного экзаменами.

В самом деле, кем еще может быть этот самый Джонни, для которого слишком много работы и никакого отдыха?!

После идиотской печатной записки шагать по бесконечным коридорам отеля стало как-то веселее. От всех очередных встречных страшилок ожидалась теперь такая же бессмысленно-глупая. развязка. Так что и полузатопленная стоялой зеленой водой купальня, из единственной ванны в которой свисали какие-то черные лохмы, и мерцающая дробным мелкополосным сиянием плоская световая панель на громоздком черном ящике в одном из номеров уже не столь-

ко испугали, сколько позабавили.

Словно поняв это, чужой отель сменил тактику. С галереи, на которую вывел коридор, открывался вид на танцзал, заполненный парами, кружащимися под неслышимую музыку. Танцоры человеческой на вид крови были разряжены экстравагантнее, чем эльфы, и едва ли не более дорого, чем торговое сословие родного Анарисса. Во всяком случае, мне такого видать не приходилось ни наяву, ни в книжках.

Кроме того, все они были полупрозрачными и временами проходили сквозь остатки поломанных и разбросанных повсюду предметов обстановки. Не демоны, конечно, но призраки уж наверняка. Только их мне и не хватало для полного счастья!

Удрав от одной нежити, попасть в лапы к другой, пусть менее опасной, но тоже малоприятной, никак не входило в мои планы. Пятясь, чтобы привидения меня не заметили, я втянулся обратно в коридор и привалился к стене, на которой красовалась латунная табличка с затейливой гравировкой. Если судить по ней, то название и владелец отеля за неполный час сменились уже в третий раз!

Как-то сразу стало ясно, что Алир здесь искать нечего – даже десятая доля всех здешних пугал довела бы впечатлительную эльфю до нервного столбняка. Так что мне тоже пора перестать тешить свое любопытство и стремление идти наперекор любым опасностям, истинным или мнимым. Пора выбираться из отеля, кому бы тот ни принадлежал – Яндекс-

сону, Фостеру или Уллману, нанимателю неведомого Джонни...

Особых проблем с этим не предвиделось. Дойти до ближайшего командного шкафа, и вперед, в лабиринт ссылок!

Расхождение планов с реальностью началось у первой же площадки подъемников, один из которых раскрыл створки прямо передо мной. Реф-лекторно глянув внутрь, я отпрыгнул с середины коридора едва ли не к дверям на лестничную клетку напротив. Нежить пыталась отрезать мне путь обратно!!!

В коробе подъемника обнаружилась самая странная компания призраков, какую мне приходилось видеть. Все – человеческой крови, разряженные самым диковинным образом, особенно маленькая девочка на переднем плане. Однако ее няня и еще какой-то пожилой мужчина выглядели не менее нелепо, а остальных я не успел рассмотреть толком, хотя они тоже казались одетыми в карнавальные костюмы, словно сбежали с уже трое суток как минувшего Приснодья.

Может, мне показалось, но все эти привидения в упор меня не видели! А это, при всей полезности, уже не лезло ни в какие ворота. Чтобы люди не видели призраков, еще может быть, но чтобы наоборот – никогда! Все заклятия, призванные отвлечь нежелательное внимание потузавесных, не стоят и ртутного статира...

Но времени проверить данный удивительный факт не оказалось. Подъемник внезапно провалился вниз, так и не за-

крыв створки – ни те, что на коробе, ни стационарные на площадке. Едва ли не против воли я глянул ему вослед и тут же отшатнулся: коробка подъемника летела, все ускоряясь, вниз по шахте немыслимой глубины, вроде того отраженного колодца-башни, что открывался в развалинах заброшенного дома рядом с особняком ГранМадам и Хозяина Нищих.

Когда я заглянул в проем повторно, снизу так же быстро поднимался вал клубящегося огня. Тут уж я не отшатнулся – отскочил и присел под стеной в готовности тут же драпануть. Но не пришлось: створки подъемника наконец захлопнулись, отсекая призрачное или настоящее – демоны разберут – пламя.

Последнее, что удалось рассмотреть в шахте, уже подсвеченной снизу алым жаром, – странного вида железный ящик, весь заросший нехорошего вида плесенью, вроде меканского гриба-мозгляка, что селится в управляющих цепях подбитых и брошенных на нейтральной полосе кадавров. Отчего они иногда встают чудовищными мертвяками, но чаще просто скребутся и возятся в своем маготехническом посмертии, словно настоящие неуспокоенные.

Это все я восстанавливал в сознании, потихоньку удирая на четвереньках из того коридора и дальше, не разгибаясь, под вбитым в косяк топором, мимо записки, которую кто-то или что-то старательно уложило на место. Только за ней сообразил подняться на ноги и слегка сбавил темп, зато пришлось поминутно оглядываться. До самой комнаты над хол-

лом, в которой остановился перевести дух.

На редкость нехорошим местом оказался этот вроде бы отель, частью приходящийся на заведение Яндекссона, а частью на совсем странные строения, каким во всем мире места нет и не было никогда...

Стоп. А ведь заклятия чудовищной дороговизны, призванные открывать врата в иные миры, величайшие маги прошлого и настоящего городили как раз на основе телепосыльных чар! Чаще всего безрезультатно, а если уж с каким-нибудь полезным выходом, то исключительно на основе коридоров из противонаправленных или вложенных один в другой порталов. Вроде поставленных друг против друга зеркал.

Стало быть, творение Свена Все-Найдется оказалось не в пример более дешевым, хотя и ничуть не более предсказуемым аналогом мощнейших и ценнейших алхимустановок. Нечаянным решением задачи, над которой бились поколения магов. Вот куда пропадали вещички из гипершкафа...

Вот откуда лезли экзотические тараканы!!!

Степень опасности места, в которое меня занесло по дурости, прояснилась более чем достаточно. Лезть в здешние шкафы мне что-то решительно расхотелось. Лучше уж прогуляюсь обратно к почтовому сундуку... Все больше вероятность, что выкинет в более-менее знакомые места, а не демоны знают куда. Вообще, бездумно кидаться следом за впавшей в панику светлой эльфью было не лучшей идеей, но те-

перь поздно сожалеть. Искать ее надо и выбираться обратно, по возможности не забираясь в такие вот узлы схождения невесть каких миров и событий.

Осознав обстановку и приняв решение, действовать стало намного проще. С подоконника я вылез наружу, не оглядываясь, что было довольно тяжело. Зато добраться до сундука удалось и вовсе без труда, хотя поди пойми, отчего я шел обратно, тщательно наступая точно в ямки собственных следов...

Наплевав на рассыпанную по снегу почву, я вскарабкался на край сундука, заполз внутрь, согнувшись в три погибели, и провалился в очередной полет по ссылке. Надеюсь, гипершкаф отправит меня следом за подопечной. Можно было бы сразу догадаться, что она и носа отсюда не высунет, опасаясь повторить судьбу фоксквиррела!

Теперь при перемещении не только дышать было легче, но и без особого труда получалось разглядеть вокруг некое подобие коридора. Трек перехода оказался словно составлен из бесчисленных внутренних стенок сундука, почти неотличимых друг от друга, но потихоньку становящихся досками какого-то другого шкафа. Менялся размер, число планок, да и цвет.

Новый пункт назначения оказался сделан из широких и плоских дощечек, выкрашенных белой глянцевой краской. Не особенно новых – местами чешуйки краски отстали и облупились, да и блеск давно сделался тусклым и неровным.

На высоте моей груди шкаф пересекала толстая круглая палка, на которой болталось несколько вешалок.

По этим приметам мое нынешнее местопребывание представляло собой гардероб, причем детский, если судить по размеру и высоте расположения простенькой цветастой одежды. Что-то частенько меня выносит всякими необычными способами на разные странные детские. Из ме-канской «зоны неисходимости и смутного приема» – в игровые покои моей высокородной, из гипершкафа – сюда:..

По крайней мере, детская, скрывавшаяся за дверцей-жалюзи гардероба, определенно не была темноэльфийской. Белая краска и игривые расцветки не в духе этой ветви Ино-рожденных, да и размер одежки, скорее, человеческий.

Осторожно, чтобы не напугать неведомого малыша или малышку, я приоткрыл створку шкафа. Рассохшееся дерево предательски скрипнуло, заставив на миг затаить дыхание. Ничего, обошлось. Продолжая приоткрывать дверцу, я выглянул наружу.

Никого. Во всяком случае, на первый взгляд. Впрочем, никаких знакомых примет тоже – по стилю детская чем-то неуловимо напоминала самые чужеродные части отеля. Отличаясь, конечно, как и у нас небогатое жилье отличается от роскошного постоянного двора, но определенно находясь в рамках того же подхода к реальности, что и там. Тщательная выделка из бросового материала и множество нелепых бессмысленных приспособлений – к примеру, плоские све-

товые панели на торцах каких-то ящиков, одного на столе и еще одного на тумбочке.

Сейчас, впрочем, не светились ни они, ни искровые светильники с металлическими нитями вместо гнилушек в колбах. В помещении царила полутьма, недобро разбавляемая багрово-лилова-тым светом, льющимся из-за штор. Красного в нем было намешано не в пример гуще, чем синего – значительно больше, чем в небе над отелем.

Уже не опасаясь спугнуть обитателя чудной с виду детской, я выбрался из гардероба. Удачно так, под взмах занавески, приподнятой порывом ветра, так что если б кто и находился в комнате, то списал бы скрип и движение дверцы на сквозняк. В случае, если бы не заметил меня самого, что весьма затруднительно. Как когда-то в хрустальном шаре среди темноэльфийских покоев, так и здесь я смотрелся довольно дико – в горном рейнджерском комбинезоне, с под сумками на поясе и плечевых ремнях, полными всяческой маготехники, и отчаянно встревоженным выражением на роже. Да еще с тесаком у бедра и офицерским восьмиствольным стрелометом в наплечной кобуре. Как есть анарисский оккупант с тесайрского агитплаката «Защити свою семью!» среди детской мебели и разбросанных игрушек – мячей, плюшевых мишек и каких-то странных цветных тележек без приспособлений для запряжки тягла.

Угадать, какого пола ребенок обитает в этой странной детской, по всем этим вещам никак не удавалось. Если мальчик,

то очень уж чувствительный и игривый, насколько можно было судить по обилию мягких игрушек и пестроте тряпок, а если девочка, то, наоборот, слишком задиристая и склонная к опасным играм, наподобие любой темной эльфи. На это указывало количество игрушечных тележек и диковатого вида спортивного инвентаря вроде крикетной биты почему-то круглого сечения.

Озираясь, я старался ухватывать приметы чужого мира, накрепко впечатывая в память стопки книг и тетрадей, разбросанную одежду и поистине бесчисленные плюшевые игрушки, раз за разом напоминавшие о главной цели моих поисков. То есть об Алир...

Стоп! Вон та разлапистая перчатка, вроде бы тоже имеющая отношение к местной разновидности крикета, лежала на стопке учебников, когда я смотрел на нее в прошлый раз!!! А теперь валяется на кровати...

Может, их здесь две? Поспешно я осмотрелся заново, но не обнаружил никакой дублерши порядком истрепанной перчатки со свисающей шнуровкой. Наоборот, еще несколько вещей поменяли свое местоположение, покуда я на них не смотрел. Со стола на ту же кровать сами собой перепрыгнули две толстых тетради в ярких обложках, а плюшевый медведь напротив двери определенно сдвинулся и развернулся носом в угол!

Пока я следил за ним, каждую секунду ожидая предательского броска в мою сторону, одна из тетрадок вновь пропа-

ла с кровати. Зато проявился пустой разноцветный пакетик из-под каких-то сладостей, в какие их пакуют для рекламы в крупных универсалах. Откуда?!

За всем этим надо было внимательно понаблюдать, по возможности ничего не теряя из виду.

Пятясь, я осторожно отступил в угол, противоположный тому, что занимал медведь. Ему я по-прежнему не доверял.

Через пяток минут стало ясно, что вещи именно исчезают в одном месте и возникают в другом, будто незримый хозяин или хозяйка перекладывает их, на время наделяя своей невидимостью. Сравнение оказалось самой надежной догадкой – так оно, похоже, и было!

По коже у меня невольно прокатился морозец. Получалось, что все это время я был на виду у неведомого ребенка, не имея возможности наблюдать за ним в ответ... Хотя нет, если бы меня видели, жизнь в детской не продолжалась бы столь беззаботно. Стало быть, я в той же степени незрим?

Проверять это, перенося вещи с места на место или пытаюсь привлечь к себе внимание иным способом, я не стал. Даже несмотря на то, что обитатель комнаты успел угомониться и больше не устраивал импровизированный полтергейст.

Кто его знает, может, со стороны мои действия выглядели бы точно так же, бесследно и необъяснимо... А может быть, и нет. Во всяком случае, даже передвигаться из «безопасного» угла обратно к гардеробу я старался как можно более осторожно. Впрочем, приоткрытые окно и дверь на-

дежно скрывали эти маневры: каждое мое перемещение по комнате сопровождалось порывом ветра.

Внезапная догадка настигла меня на полдороге к спасительному шкафу: похоже, я сам и был этим сквозняком, сообразно базовой стихии сим-вотипа. Только так и мог я проявиться в чуждом мире – отголоском сил, слагающих самую суть существа...

Здесь, среди невидимых и неосязаемых для меня хозяев, призраком был я сам!!!

Вот отчего нигде не видать ни единой живой души, вот почему свет в окна льется какой-то странный, вокруг отеля пропал снег, а ближние хребты скрылись в мерцающем тумане... Еще не факт, что они вообще присутствуют в здешнем варианте. Куда же меня занесло, спрашивается, раз между нами обозначилась такая нестыковка? И как отсюда выбраться, чтобы не сделаться бестелесным чужаком в своем собственном мире?!

Одно ясно – выбираться обратно надо поскорее. Если бы подопечная сюда добрела, то тут бы и застряла, в таком-то раздолье плюшевого населения. Шагу нельзя ступить, чтоб на кого-нибудь не наткнуться.

Последним на пути назад под ноги подвернулся плюшевый зверек с длинными ушами, такой нелепый, что даже среди игрушечных монстров Алир не удалось бы найти похожего. Не знаю, зачем, но вопреки всем предыдущим предосторожностям я подобрал игрушку и сунул в карман. Будет

чем успокоить перепуганную эльфь, когда наконец удастся ее обнаружить...

Сочтя дальнейшее пребывание в запредельно чужой детской излишним, я забрался обратно в гардероб, из которого так и не сумел появиться пугалом для неведомого ребенка. Но не нырнул сразу в полупрозрачный туман, клубящийся на месте задней стенки, а уселся, подогнув ноги и привалившись спиной к боковине.

Похоже, многократные полеты из шкафа в шкаф порядком меняли восприятие не только миров, но и самого этого странного рода телепосыльных чар. Теперь из сумрака портала доносились какие-то звуки, неразличимые за отдаленностью. Сквозь дымку можно было разглядеть приведшую сюда ссылку, и не ее одну. Как оказалось, прочь от гардероба вело сразу несколько треков разной степени призрачности. Какой из них выбрать? И как?!

Пора заканчивать с бессистемными прыжками по ссылкам. Необходимо как-то составить план лабиринта, чтобы не передвигаться по нему вслепую, как червяк по червоточине. Отчего-то простейший способ— обойти весь гипершкаф, занося узлы и связывающие их треки в офицерский хрустальный шар, с недавнего времени обретающийся при мне в пояском чехле вместо второй фляги— не казался мне особо перспективным. Послать бы вместо себя еще кого-нибудь...

А это мысль! Достаточно настроить пребывающий при мне столь же неотлучно мяч-тестер на нулевую плавучесть в

воздухе, отражение от любого материального объекта, какими, несомненно, являются створки шкафов, и запоминание координат таких столкновений. Плюс автовозврат в случае вылета за пределы системы или начала повторного обхода.

Сделать задуманное оказалось едва ли не проще, чем перечислить все необходимые функции. Пальцы сами собой набили кодировку и отправили невесомый мяч в полет. Освещая призрачный коридор оранжевым свечением готовности, тестер унесся прочь.

Назад он вернулся слишком быстро, и не один. Сразу пара оранжевых шаров метнулась навстречу друг другу по противоположащим трекам, пересекающим основной подход к моему местоположению. Что примечательно, ни один из них не появился из того коридора, в который я отправил прибор. Из того самого он вылетел следом и, стукнув о жалюзи прямо перед моей физиономией, отскочил в какую-то совершенно неразличимую ссылку.

Это было еще ничего. А дальше началось такое... Кажется, сотни мячей-тестеров носятся одновременно во всех направлениях, отскакивая от иллюзорных стен коридоров-ссылок и вполне реальных дверей шкафов, буфетов и полок за ними. При этом оранжевые шары, похоже, еще и разгонялись, превращаясь в росчерки наподобие тлеющих в полете малокалиберных файрболлов.

Поняв, что еще немного, и поймать отправленный в раз-

ведку прибор окажется попросту невозможно, я выставил руку на пути наиболее частого пролета рыжих вспышек. Первые три пронизали мою ладонь без малейшего вреда для нее или себя, и лишь на следующий раз пальцы сомкнулись на чем-то материальном. Довольно условно, впрочем – чувствовалось, что сожми я руку посильнее, и мяч протечет сквозь нее, продавится светящимся оранжевым желе.

Внезапно ладонь толкнуло еще одним ударом, следующим... Прибор заметно потяжелел, а число светящихся ро-счерков вокруг поуменьшилось.

Один за другим призрачные мячи с налета сливались с наиболее реальным из них, зажатым в моей руке. Наконец последний, особенно назойливый и быстрый оранжевый блик настиг своих более покладистых собратьев, и огненное мельтешение вокруг меня прекратилось.

Окончательной материальности мяч так и не приобрел – похоже, какая-то часть его копий вылетела за пределы гипершкафа или затерялась в глухих, никуда не ведущих ссылках. Впрочем, слить в хрустальный шар данные с оставшейся части прибора это не помешало. Тонкая огненная струйка сама собой потянулась вглубь хрусталя сквозь активные точки, когда я запустил интерфейс треккера.

Постепенно внутри шара нарисовалась пространственная модель схемы гипершкафа. То, что не влезало в объем, выделялось цветом, а линии сами собой стремились занять наиболее эффективное положение в соответствии с законами

топологии.

Увы, не всегда это было возможно. Зачастую наиболее простые пути вели в обход долгими и запутанными маршрутами, а некоторые разомкнутые треки достраивались призрачным мерцанием умножающихся в неизвестные пространства схем-копий. Похоже, именно так открывалась дорога во все те странные места, в которых мне пришлось побывать за последнее время...

Интересно, куда занесла меня нелегкая в этой путанице истинных и мнимых путей? Пробежавшись пальцами по активным точкам, я заставил собственное местонахождение обозначиться алым огоньком...

Так и знал!!!

Крохотное жаркое пятнышко засияло далеко в стороне от основных трактов реальных ссылок, почти на самом краю одного из мнимых лабиринтов. Мало того, что мир чужой, так теперь еще и мое собственное бытие приближается к состоянию призрака уже не относительно, а абсолютно!!!

Проверяя худшие предположения, я ввел запрос на граничные условия перехода с трека на трек. Ага... Как я и думал, с более вероятного на менее вероятный перескочить ничего не стоит, а вот обратно – демона с два! Требовалась подкачка энергии в точно определенный момент, да еще с весьма нетривиальным сочетанием стихий. Иначе забросит вообще Безымянный Бог знает куда, на новую траекторию, неявно связанную с предыдущими...

Положим, с этим справиться не так уж сложно. Зерна Истины, с их почти неисчерпаемым потенциалом преобразования даровой энергии в управляемую, всегда при мне, а уж откалибровать воздействие имеющимся карманным арсеналом маготехники не составит почти никакого труда. Дело в другом: такой переход необратимо меняет состояние мнимого трека вплоть до полного его исчезновения.

По-хорошему, конечно, так и так надо бы рубить за собой все эти свисающие хвосты глухих ссылок, чтоб еще раз не сверзиться случайно при очередном проходе. Да и непорядок это – оставлять неприбранную неполадку, раз можешь поправить. То, что на сей раз для этого приходится залезть не в брюхо очередного трупа, а, почитай, в самые мозги его, то есть в шины передачи данных стационарной системы изрядной мощности – не так важно. Тут топологию сети подправляю, там ссылки поточнее переведу, несколько стандартных решений из профессионального опыта к делу приспособлю. Заработает, как надо, и порядка прибавится. Разница-то невелика...

Все хорошо, только есть риск отсечь в каком-нибудь мнимом лабиринте Алир, которую ее способности попадать куда не надо уж наверняка завели в самую глушь. Надо прежде ее найти – или самому скатиться в потенциальную яму полупризрачного существования, чтобы с гарантией приступить к сворачиванию паразитной сети глухих ссылок с самого низа. Что из этого легче, сходу и не решишь...

Пожалуй, без нужды лезть в глубины условного небытия не стоит. Каждый шаг в этом направлении лишь умножает мнимые лабиринты, проваливаться в которые можно до бесконечности. Не факт, что меня вытянет обратно даже вся мощь неотлучно находящейся при мне Реликвии, а уж шансов окончательно потерять подопечную в этой призрачной паутине куда больше, чем найти.

Значит, надо искать ее как-то иначе... Снова, что ли, запустить мяч-тестер по коридорам? Или попробовать обработать уже имеющиеся данные...

С полчаса, наверное, я корпел над хрустальным шаром, норовя выудить из имеющейся картины намек на присутствие светлоэльфийской дивы. Искал по всем стихиям и их сочетаниям, получая то полную пустоту, то до пары дюжин фантомов, соответствующих живому существу. Если учесть, что часть откликов поисковой системы приходилась на мое собственное местоположение, результатам этим можно было доверять. Только какой из светлячков выбрать, куда отправиться по ненадежным ссылкам гипершкафа? Мне-то надо наверняка!

Не хватало какой-то малости, крохотного намека. Вот если бы...

Магия соответствия!!! Если удастся найти при себе какую-нибудь вещицу, принадлежавшую подопечной, она укажет на ау Риер-младшую с абсолютной точностью.

Я лихорадочно обшарил карманы, подсумки на поясе и

планшет. Ничего. Ни единой мелочи, ни крохотной частички наряда, случайно приставшей при регулярных объятиях и столь же систематических падениях на меня равно ласкучей и неуклюжей эльфи. Хоть бы бусинка, хоть бы перышко...

Не могло же совсем ничего не прицепиться – последний раз Алир чмокнула меня в щеку буквально за пятнадцать минут до того, как сгинуть в шкафу!

Стоп. До меня дошло. Погасив шар, я поднес его к лицу, подсвечивая с другой стороны фонар-ником. Порядком смазанный отпечаток розовой помады и сейчас красовался у меня на левой скуле – стереть было недосуг, а приключения в гипершкафу не затронули реального состояния тела.

Осторожно-осторожно прокатив мяч-тестер по следу губ подопечной, я тут же снова запалил хрусталь в руках и торопливо перегнал на него образ светлой эльфи, задав уточняющий параметр поиска. Не прошло и пары секунд, как среди огоньков-фантомов два засияли особенно ярко – мой собственный и еще один.

Со мной все ясно – помечен светлоэльфий-ской дивой надежнее, чем магическим жезлом, который она отказывается получать по крайнему инфантилизму. А вот второй светляк, как раз напротив моего и, по счастью, повыше в иерархии мнимых треков, несомненно, обозначал местоположение виновницы всех треволнений. На мою удачу, она накрепко засела в узле схождения довольно большого количества ссылок, не делая попыток сдвинуться с места.

Рассчитать маршрут безопасного, в смысле потери отсекаемых лабиринтов, передвижения туда оказалось вообще сложным делом. Спустя пару минут я уже проскочил пару призрачных коридоров, с удовольствием наблюдая через шар, как позади гаснут сегменты мнимых лабиринтов, делая схему гипершкафа не в пример аккуратнее и точнее прежнего.

По дороге, правда, не обошлось без еще одного казуса. Уже на выходе из самых запутанных треков в более-менее близкую к базовой структуру гипершкафа за распахнутыми для контроля створками очередного терминала обнаружился новый свидетель моего явления из ниоткуда.

Поначалу показалось, что с той стороны шкафа висит зеркало, потому что увидел я самого себя – только порядком траченного временем, словно Зерна Судьбы не справились со своим делом. Неужто попытка выбраться «против течения» из сумасшедшей поделки Яндекссона так основательно меня потрепала?

Да нет, это был я, но все же другой. И одет иначе, и движений моих двойник, в отличие от зеркального, не повторял – вылупился на меня обалдело и глаза протер, чего я, по занятости рук маготехникой, никак не мог проделать. Соответственно и смотрел на меня этот другой я не из шкафа, а из обычного дверного проема. Сравнительно обычного, потому что истлевшего до такой древности эльфийского владения прежде мне видеть не приходилось. Да и навскидку определить, Дню или Ночи принадлежит странный интерьер,

я не мог. Одно ясно— эльфы строили, больше некому, при такой-то легкости и вычурности.

Потратить на эту загадку больше времени было невозможно, потому что почти одновременно мы с моим двойником попятнулись и осторожно прикрыли за собой ветхие створки дверей и дверец. Уже уносясь прочь по очередной ссылке, я расслышал, как я-тогдашний со стуком распахнул створки шкафа и заорал что-то неразличимое вослед мне-нынешнему. Что именно, разобрать было уже невозможно, да и не хотелось особо выслушивать того типа, в которого я превратился в этом варианте.

Меня подопечная ждет не дождется. Не в прямом смысле, конечно — откуда Алир знать, что я без особого понятия ринулся следом за ней? Но это не повод перестать спешить на помощь бестолковой эльфи, затерянной в пространстве ссылок.

Наконец до места, где она оставалась все это время без малейшей попытки двинуться куда-то еще, остался всего один трек— очередной темный коридор со стенками, постепенно превращающимися из внутренностей одного шкафа в интерьер другого. Из темноты, открывшейся, когда я шагнул внутрь, донеслись какие-то жалобные хнычущие звуки. С нарастающим удивлением я узнал в этих причитаниях детскую песенку. Дрожащий женский голос, всхлипывая, старательно выводил куплет за куплетом:

...Молли училась сто лет колдовству,
Корни варила, сушила траву,
Тратила годы напрасно;
Как ни противно ее естеству,
Жизнь провела, как во сне наяву,
Кончилось это ужасно...

Ничего себе выбор репертуара! Серьезно, видимо, прижало исполнительницу, раз ищет себе утешения в таком вот образчике традиционных детских страшилок.

Услышанное лишь заставило меня быстрее кинуться вперед. Недолгий полет по ссылке совершенно неожиданно завершился не в пустом, а напротив, в весьма плотно набитом пространстве. С грохотом я врезался в какие-то банки, коробки и прочие жестянки весьма разнообразной формы. Роднило их одно – сыпучее, шуршащее и шелестящее содержимое. А еще все это разнообразие исторгало целые облака острых, жгучих и пряных запахов. Глаза защипало, в ноздрях отчаянно зачесалось и, распахнув створки терминала, оказавшегося, несомненно, буфетом, я неудержимо расчихался.

Всхлипы и пение испуганно затихли. Их источник, впрочем, так и не обнаружился – кроме коробок со специями, в приютившем меня отделении буфета ничего и никого не было. Выбравшись на четвереньках наружу, я утер слезящиеся глаза и принялся озираться в поисках Алир.

На первый взгляд здоровенная, явно рассчитанная на присутствие огров кухня была совершенно пуста. То есть хла-

ма-то в ней было предостаточно, но никаких эльфей среди бесчисленных котлов и кастрюль титанического размера не наблюдалось.

Озадаченно заглядывая едва ли не под каждую крышку, я побрел вокруг длиннющей то ли плиты, то ли мраморной столешницы на массивном каменном основании. Безлюдная кухня выглядела не просто заброшенной, но вдобавок еще и разгромленной, будто то ли повара, то ли их хозяева, то ли, напротив, очень голодные и неаккуратные бродяги устроили на ней небольшую гражданскую войну, используя в качестве оружия местные припасы.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении обнаружилась и воткнутая в здоровенный окорок слегка изогнутая драгунская сабля. Среди рассыпанной муки, раскрошенных караваев и разлитых соусов смотрелась она на редкость абсурдно – как любое оружие в насквозь цивильном, да еще и грязном помещении.

Загажено везде было исключительно – в дальний угол кухни, где, судя по всему, был кондитерский отдел, я и сунуться-то побоялся. Особенно разглядев титаническую, едва ли не больше эль-фийского сексодрома, тележку для парадного торта под лесенкой, ведущей наверх, на галерею с невысокой аркой выхода. Развалины последнего кондитерского титана еще возвышались на своем ложе, окруженные болотом раздавленных и расплесканных тортов помельче.

Осторожно обогнув дальний край плитостола, я маши-

нально заглянул еще в одну, самую здоровенную во всей кухне кастрюлю. И едва успел отшатнуться – у посуды дно отсутствовало, а из темноты уходящего вглубь туннеля явственно тянуло холодком трека, определенно ведущего в весьма призрачный лабиринт. На это у меня уже чутье образовалось, да и хрустальный шар, осторожно поднесенный к дыре, подтвердил догадку.

А чего еще можно было ждать? То, что светлую эльфь занесло в самый узел схождения нескольких лабиринтов различной степени реальности, предполагалось заранее. Собственно, и кухня-то эта хорошо, если хоть малой частью принадлежит Свену и его постоялому двору. Куда в большей степени – иным местам, временам, а скорее всего, и мирам. Совершенно другим отелям, замкам, дворцам... Так что надо смотреть в оба, чтобы не провалиться невесть куда. И виновницу этого безобразия тоже искать осторожно – еще сверзится куда не надо как раз накануне счастливого избавления.

Словно в ответ на это соображение в противоположном углу, как раз там, где я сам явился в сей кухонный кавардак, что-то скрипнуло. Может, показалось, но как раз у того буфета, из которого я выбрался наружу.

Со всей осторожностью я рванул обратно, старательно огибая лари и корзины. Задержался только у одной, из которой торчало какое-то пестрое тряпье с золотым шитьем и позументами, совершенно в духе семейства ау Риер. Но это оказалась всего-навсего пара ливрей, пошитых на совсем

уж мелких придворных неизвестного властителя. Пажей каких-нибудь... На редкость кричащей расцветки тряпье, с вышитой на месте герба какой-то птицей в кольце, смахивающей на крикуна.

Разочарованно отбросив изрядно запачканные шмотки, я продолжил путь к буфету. По мере приближения казалось, что за витражными створками верхнего отделения кто-то отчаянно затаился, боясь выдать свое присутствие даже взглядом. Конечно, где же еще прятаться, как не там! Нижнюю-то полку, с пряностями, лично я для укрытия не выбрал бы.

Решительно, не ожидая явления из буфета ни призраков, ни хищных грибов, я распахнул дверцы. Открывшееся зрелище при всей гротескности не могло не обрадовать: среди банок варенья, коробок, пакетов и кульков прочих сладостей на самой верхней полке, согнувшись в три погибели и крепко сжав обеими руками полусгрызенный уже круг альтийского чак-чака, сидела зареванная светлоэльфийская дива.

Разглядев меня толком, Алир опустила кус хрустящей сласти, которым машинально прикрыла лицо, когда открылись створки буфета, робко улыбнулась и спустила ноги с полки, собираясь вылезти.

– Ой... Это ты! – Перепуганно-плаксивое выражение на ее рожице стремительно сменилось радостным облегчением.

Предчувствуя, чем закончится очередная инициатива подопечной, я отступил было в сторону, давая ей дорогу, но явно недооценил неуклюжесть эльфи. Зацепившись каблу-

ком за край открытой полки-столика, она суматошно замала руками в воздухе и, описав красивую дугу, торжественно сверзилась на меня. К счастью, около шкафа было сравнительно чисто, а падение смягчили мешки с кофейными зернами, мукой и еще чем-то хрустким... Наверное, с сахаром. Распихивая их, я сравнительно быстро и без особых потерь выбрался из-под трепыхающейся Алир, отряхиваясь и тихонько стервенея...

С ее вечными падениями на меня надо заканчивать. А то это уже превращается в несмешную шутку из шоу клоунов, которых дрессировщик то и дело незаметно дергает за путы, заставляя лететь кувырком. В следующий раз буду увертываться порасторопнее, и пусть распустеха шлепнется со всего маху – авось пары раз ей хватит, чтобы отучиться чуть что пикировать на меня, как тесайр-ский двуглавый штурмовик. Только тот в полете еще верещит мерзко на два голоса, в обе глотки.

Меж тем Алир безмятежно выпросталась из мешков и встала передо мной на четвереньки. При виде ее лучезарной улыбки злые мысли как-то сами собой пропали пропадом. Долго обижаться на носительницу сильной Воды во второй функции нельзя, все одно рабочая стихия смоем любое раздражение быстро и без следа.

– Так здорово, что ты пришел! – с умильной улыбкой продолжила подопечная заглаживать свои прегрешения. – Я совсем уже отчаялась... Тут так странно. Страшно не очень,

зато тоскливо ужасно... И бесцельно все, будто что ни делай – ничего не получится...

Описание лабиринтов и мест, в которые они вели, было по-своему точным. Тут, на этой кухне, картина тоже на редкость безрадостная, а уж в окна, за которыми мерцает тусклый розоватый свет, выглядывать и вовсе не хотелось. Похоже, чем глубже в небытие, тем краснее небо.

Смутившись отчего-то, я не нашел ничего лучшего, как извлечь из кармана порядком помятого длинноухого плюшевого зверька и неловко сунуть его светлоэльфийской диве, превышающей меня в длину на добрых полтора фута. побыстрее, пока ее опять не затянуло в тоску и страхи, под самое алое небо невозможных миров...

Подарку эльфь обрадовалась как маленькая – вцепилась обеими руками и принялась тетешкать, разглаживая короткую плюшевую шерстку и расправляя невозможные уши. От реальных бед и тревог она оказалась оторвана надежно и бесповоротно.

Чем Инорожденные сильны и слабы одновременно, это тем, что любому своему занятию отдаются со всей возможной полнотой и рвением, вне зависимости от его осмысленности для стороннего наблюдателя. Что в данном случае и к лучшему.

Не я выбрал для великовозрастной подопечной стремление к вековым детским забавам, даже не она сама – демон постарался. Изувечил обеих сестер чрезмерным стра-

хом, каждую на свой лад – старшую превратил в стерву, оголтелую выше всяких эльфийских пределов, а младшую в не менее грандиозного масштаба сюсюкающую размазню!

Увы, сейчас это было мне только на руку. Не трата лишнего времени на то, чтобы успокоить или порядком разъяснить, куда нас занесло и как будем выбираться, я просто добился от Алир беспрекословного выполнения всех моих указаний. Краткого намека, что в противном случае она останется одна и очень скоро повстречает демона или еще кого похуже, вполне хватило, чтобы слегка отвлечь подопечную от игрушки и вложить в нее правила предстоящего передвижения.

Таковых было немного – держаться за меня покрепче, ничего не бояться и делать все, что скажу. Начиная с крайне нежеланного для нее возвращения в пропахшее пряностями нижнее отделение буфета... По сравнению с этой задачей все остальное представлялось уже не столь тяжким.

Правда, совместное восхождение из глубин условного небытия оказалось труднее, и не только потому, что переходить по ссылкам приходилось в обнимку. В знакомых вроде бы узлах мнимых лабиринтов за дверцами терминалов обнаруживались совершенно непривычные места, причем по большей части того же смехотворного свойства, что и гротескная кухня, на которой обнаружилась подопечная.

Похоже, личность передвигающегося по ссылкам изрядно" влияла на сбрендивший гипершкаф. Так что маршрутом путешествия мы и взаправду оказались обязаны душевным

качествам донельзя инфантильной, неумно эмоциональной и слегка комичной светлоэльфийской дивы.

На редкость неприятная догадка прошла стороной, холодком зацепив сознание: получается, что все те страховидности, через которые пришлось пройти в фантомном отеле, притянула моя натура? Крепко же засели во мне Мекан и страхи городского дна. Не первый уж год сытой властительской жизни выбить не может...

Раз за разом из-за наших девиаций приходилось останавливаться и вносить поправки в картину лабиринтов в хрустальном шаре, а один раз даже заново запустить мяч-тестер, чтобы скорректировать сбоящую схему.

Алир фейерверк мечущихся по ссылкам фантомных копий маготехнического прибора изрядно позабавил. Эльфийская дива смеялась во весь голос, хлопала в ладоши, озаряемая оранжевыми вспышками снующих туда-сюда мячей, и взвизгивала, когда призрачные искры пронизывали ее насквозь.

Оно и к лучшему, что простодушная эльфь отвлеклась от сути происходящего. Задача по возвращению в то «здесь и сейчас», которое было нам единственно необходимо, решалась не так просто, как казалось сначала. Пришлось ввести в новую схему гипершкафа оба наших образа, и только тогда магический шар сумел стабилизировать маршрут возврата.

Тестер в процессе сверки утратил реальность наполовину, растеряв по глухим ссылкам недопустимо большое чис-

ло копий, так что попытка осталась одна – со следующей магический прибор уже будет невозможно поймать. Он и без того норовил просочиться меж пальцами и втечь в заклятый хрусталь.

Ничего, если все сошлось верно, до выхода от предстоящего нам очередного фонаря осталось два перехода по ссылкам со все более возрастающей реальностью. Растолкав Алир, от скуки задремавшую у меня на плече, я разъяснил ей положение и приготовился к старту. Ну... Судьбы нам в парус...

Раз! Фонарь в который раз лезет в глаза своим нелепо-натуральным светом. На снегу появились отпечатки ног, копыт и почему-то санных полозьев...

Два! В хрустальном шаре один за другим гаснут мнимые лабиринты. Схема реального гипершкафа уплотняется, стремительно становясь неотличимой от классического ядра управляющей цепи кадавра...

Три! Образ в хрустале моргнул и засиял ровным оранжевым светом. Путешествие в никуда сквозь нигде и никогда закончено.

Дверцы шкафа перед нами были такими обычными, такими знакомыми... Хотя посмотреть на них изнутри мы оба еще ни разу не удосужились.

Открыть створки никто из нас не решался. Уж больно крупная ставка ждала снаружи – возвращение домой из странного небытия или провал попытки, повторить которую

будет весьма нелегко...

Повернув голову к подопечной, я молча кивнул на дверь. В ответ она сделала страшные глаза и так же немо замотала головой, отказываясь от предложенной чести.

Делать нечего... Неожиданно для самого себя я поднял руку и постучал по дверце. По ту сторону стремительно началась и закончилась какая-то тихая зловещая возня, после чего два напряженных женских голоса задали на редкость обыденный вопрос:

– Кто там?!

Принадлежали голоса Хирре и Келле. Не тратя лишних слов на ответ, Алир радостно взвизгнула и выскочила из шкафа, едва не выбив створки. Следом полез я сам, пытаюсь сохранить солидность и не слишком поспешно выбираться наружу. Застряв в нормативно отлаженном гипершкафу, конечно, теперь уже не грозило, но проверять это самостоятельно не было никакого желания.

На счастье, старшая жена не успела пустить в ход свой магический жезл, а младшая – шестиствольный стреломет старшей. Как они удержались от соблазна применить то и другое, когда в ответ на законный вопрос на них кинулось из шкафа пыльное чучело, лично я не понимаю. Однако в данный момент обе вполне миролюбиво обнимались с подопечной, пережившей поистине чудесное спасение.

Завидовать ей особо не стоило, поскольку следом уже все трое кинулись на меня с той же самой целью. Хоть с ног не

сбили на сей раз, и то благо.

За спинами беснующихся от радости эльфий виднелась поникшая фигура Яндекссона. Добрый малый то ли все никак не мог пережить ужасной гибели любимца, то ли чувствовал себя виноватым в нештатном поведении гипершкафа, доставившего всем немало беспокойства.

Успокоив и перецеловав жен – заодно и свет-лоэльфийской диве, к вящему ее удовольствию, ненароком досталось, – я выбрался из их объятий и подошел к Свену.

– Ну что, хозяин?

Ожидая худшего, тот сгорбился еще сильнее, но тут же был совершенно огорошен следующими моими словами:

– Принимай работу!

Неожиданность заставила трактирщика выпрямиться с удивлением в глазах. Не давая ему расслабиться, я извлек магический шар и снова вывел схему треков, связывающих все емкости в отеле.

– Вот, повозиться пришлось, конечно... Зато теперь все адреса сходятся, пропаж и провалов больше не будет. Захочешь расширить сеть, подключай новые шкафы вот к этому, этому и этому узлам... Понял?

Яндекссон с готовностью закивал, заметно оживая прямо на глазах, и принялся водить пальцем по хрусталию, вникая в схему своего творения, которое никогда не видел изнутри. В отличие от меня...

Надо будет материализовать ему схему на каком-нибудь

носителе попросту, иначе все равно забудет. И загрузить его еще одним полезным делом, чтобы отвлечь от демонова визита и его последствий. Похоже, судьба злосчастливого водолаза никому из нас больше не угрожает— кого дурной телепосыл не унес, тот уже не утонет. Так что здешней ванны можно не бояться. По крайней мере, у нас с подопечной после экспедиции по шкафам, буфетам и гардеробам появилась неотложная потребность почиститься, а что до Хир-ры с Келлой, то они никогда не упустят возможности искупаться за компанию. К тому же после бурной церемонии встречи ванна не помешает и обеим женам.

Вконец зачарованный новым устройством гипершкафа, трактирщик с готовностью закивал на требование разогреть воды. Правда, хрустальный шар из рук он выпустил только после объяснения, что тот нужен мне для снятия копии схемы. Так что, покауда готовилась баня, пришлось сдерживать данное самому себе слово и перегнать светящуюся паутину ссылок в подходящий по размерам кусок янтаря, очень кстати сыскавшегося на каминной полке в холле.

Превратившиеся в нити пузырьков треки пронизали толщу янтаря и радужные крылья осинового дракончика, невесть сколько веков назад заключенного в смолу. Символично получилось — неизвестно, что на самом деле гнездится в коко-не треков, все еще способных открыться в иные миры. Что может вылупиться из задумки, соединившей вместе мощ-ность канала телепосыльных чар со стройностью организа-

ции управляющих цепей кадавра...

От размышлений меня отвлек автор первичного варианта нового слова в маготехнике, вошедший с докладом о готовности ванны. Пожалуй, лучше ему не знать обо всем этом. Догадается — его удача. Ане поймет, куда на самом деле открыл дорогу с моей помощью — и не надо. Непомерная это ноша для человека — проталкивать новое в закоряченный мир. Не всякий возьмется...

Баня в отеле тоже оказалась устроена на альпийский манер — здоровенная дубовая бочка или скорее шайка в десяток футов окружностью и всего в пару глубиной, заполненная горячей водой. Мы всем семейством поместились в ней без всякого труда и, по-эльфийски, без особого стеснения. Алир умоталась настолько, что даже не делала попыток особенно приставать к кому-нибудь, безропотно подвергаясь стирке. Кипятка и холодной воды про запас было в достатке в бадах поменьше, а прочие мыльные принадлежности мы догадались прихватить с собой, не особо надеясь в этом отношении на огров.

Вскоре все разнежилось в теплой воде с пеной и под мерцание гнилушек даже не заметили, как за окнами окончательно стемнело. День сошел на нет, без особого толку, но и без того вреда, который мог принести. Все равно сегодня отбыть в Оград уже не получилось бы — снег у входа придется разгребать не один час. Завтра с утра и возьмемся, если только демона опять не принесет...

Туман с рассвета обещал потепление и как-то сразу давал понять, что повторного визита ледяной нежити ожидать не следует. Свен, пришедший звать к завтраку, подтвердил догадку, объяснив, что демон заявляется в гости не каждый год, а чтобы два раза подряд – и вовсе никогда не бывало. Так что из проблем осталась только необходимость как-то выбраться наружу и расчистить выход. Снег хоть и подтаял, осев на целый этаж, но все еще надежно закрывал дверь.

Догрызая поджаристые охотничьи колбаски с горошком на сале, я вроде бы придумал способ справиться с задачей. Высаживаться из окон с риском слететь на проступающие из-под снега камни отчаянно не хотелось – чай, не аэромо-бильщик какой со спасательным заклятием наготове, могу и поломаться изрядно, несмотря на глубокий снег. При этом успешно опробованный вчера путь наружу наличествует в прямой видимости и сравнительно безопасной доступности. Через гипершкаф, по хорошо запомнившемуся маршруту...

Похоже, что первым делом Яндекссон увязал заклятием именно почтовый сундук, чтобы в такие вот заносы не ходить во двор, проверяя, не пришло ли что-нибудь. Ибо дальний, мощный телепосыл близко к жилью лучше не подводить. У нас вон и то отдельный зал для приема почты и гостей расположен в изрядном отдалении от жилых покоев. Хотя после вчерашнего я был готов усомниться, какой телепосыл опаснее – расстроенный ближний или точный дальний. Тут не

знаешь уже, чего больше остерегаться.

Во всяком случае, дела собственных рук мне еще бояться не приходилось. Если себе не веришь, какой же ты тогда профессионал? Так что, отойдя от вчерашнего, сегодня я был готов снова лезть в гипершкаф без особых опасений. А насчет того, как справиться с завалами снега, тоже имелись соображения...

Присутствующие с искренним недоумением уставились на то, как после завтрака я уже самым привычным образом забираюсь в шкаф. Вместо ответа на немой вопрос в глазах жен, подопечной и трактирщика я лишь махнул рукой в окно, на почтовый сундук:

– Пойду проветрюсь...

Игра слов оказалась как нельзя более точной. Именно Ветру, как стихии, символотипически подвластной мне со времен возведения в эльфийское достоинство, и предстояло поработать над освобождением отеля от снежных заносов.

В реальности почтовый сундук оказался так же набит почтой, как и в фантомном лабиринте под лиловым небом. Уберечься от того, чтобы не вывалить на снег конверты, пакеты и все прочее, не удалось и на этот раз. Но теперь я потратил время, чтобы прибрать корреспонденцию Ян-декссона обратно в сундук. Негоже пропадать в предстоящей свистопляске тому, с чем Свен будет коротать долгие вечера после нашего отъезда.

Выпрямившись, я потянулся и покрутил головой, озирая

фронт работ. Обширный, да – но и сила, которую я собираюсь приложить к последствиям визита ледяного демона, тоже не маленькая. За прошедшие годы у меня было в достатке времени, чтобы натренироваться в управлении рабочей стихией симвотипа.

Позади послышался скрип, какая-то возня, кряхтение – и из почтового сундука вывалился Яндекссон, попутно вытолкнув по второму разу свои письма и спам. Конверты, пакеты и прочая дребедень и без того порядком подмокли в тающем снегу, так что повторное валяние уже не могло им особо повредить.

Свен поднялся на ноги, отряхивая рукава свитера и кожаные штанины. Силен мужик, если не побоялся лезть в нутро гипершкафа после всего, что было, при этом не обладая моими профессиональными навыками, благоприобретенными магическими способностями и поддержкой Реликвии заодно с прочим маготехническим арсеналом... Однако в его храбрости уже не было чикакой особой заслуги. Гипершкаф работал надежно, а со снегом я намеревался справиться сам, без посторонней помощи. Так что трактирщик пожаловал зря...

Оказалось, не зря. У Яндекссона сыскался свой резон присоединиться ко мне там, где никто другой не услышит нашего разговора.

– Послушайте, хай-сэр, – сейчас обращение, как к старшему, прозвучало со стороны пожилого человека особенно

нелепо. – Насчет огров...

Насчет огров послушать никогда лишним не будет. Особенно отправляясь к ним с весьма серьезной перспективой застрять на зиму. Так что я наострил уши, отбросив мысль о неуместности присутствия хозяина «отеля» в качестве незваного гостя.

– Понимаете, хай-сэр, огры – они не дураки... – Трактирщик подбирал слова с трудом, от его обыденной бойкости не осталось и следа. – Тормозные изрядно, медленные – это да, но не дураки. Не только выпить-пожрать да подраться, а вообще...

– Ну, это лишний раз объяснять не надо, – в ответ мне оставалось только усмехнуться. – Я же хоть и Властитель, но не эльф по рождению. Соображение имею. Как-никак в клане, на улице вырос, грузчиков артельных да строителей не из окошка видал. Опять же на фронте у нас санитары все больше из огров были... – полузабытым жестом я потянулся к повязке на глазу, намекая на близкое знакомство с целительским персоналом.

Только где теперь та повязка? Там же, где и прочие следы меканского житья-бытья на физиономии и иных частях тела. Меч Повторной Жизни, сделавший меня Инорожденным на свой необычный лад, обновил плоть столь надежно, что пришлось заново набивать все армейские татуировки – учетные номера и коды совместимости везде, где положено. Клановый знак я тоже возобновил, хотя от того клана уже не

осталось ни следа, ради памяти о родной крови. А еще для того, чтоб не забывать, кто я такой: городской парень, меканский солдат, демонски везучий сукин сын...

Но Свен моего жеста не заметил, поскольку тут же облегченно закивал на услышанное. По себе помню, как нелегко дается всегда разговор с вышестоящим. Особенно, если сказанное невозможно вбить ни в форму рапорта, ни в облик прошения. В своей обыденности начальство по большей части не способно уразуметь то, что выходит за пределы привычных способов обращения. Это надо либо талантом к руководству обладать, призванием, либо самому крепко помнить подневольное бытие, чтобы уметь расслышать подчиненного. Тем более, если тот намерен сообщить что-то действительно важное, расходящееся с традиционными представлениями начальства о реальности.

Трактирщика же в зависимое от меня положение поставила его привычка к «подай-принеси». Сам виноват, что теперь мяться приходится, слова подбирать. Самому и выходить из затруднения – все зависящее от меня уже сделано.

На счастье, Свен кое-как справился с заминкой и снова перешел к делу.

– Вижу, вы человек ... – определение далось ему с трудом, но не Инорожденным же меня в глаза звать, особенно после уже услышанного, – ...бывалый. За все хватко беретесь... раз, и готово. Ас ними так не пройдет...

Даже сойдя со скользкой темы моей манеры справляться с

неприятностями, Яндекссон продолжал запинаться и тянуть фразы. Теперь-то с чего? Вроде бы ни одного огра в прямой видимости нет, чтобы с оглядкой на них говорить!

– Огры обхождения требуют... Уважения и понимания совершенно особого. Чтобы там по-своему повернуть, сначала надо вникнуть в их дела, обычаи. Иначе никак... – тут трактирщик опять было завяз, но набравшись духа, сам обрубил тему парой фраз: – Короче, в подробностях не обскажу, сам не знаток. Но слово мое помните крепко!

Выпалив это, он замолк, насупился, да еще и руки на груди скрестил, будто я собрался тянуть из него эти подробности рыболовным заклятием. При всем при том с явственным облегчением, будто важное дело сделал в совершенстве. Всем угодил и себе не повредил...

Вот в чем дело! Свен не передо мной робел все это время, а огров оговорить боялся. Точнее, сказать слишком много, выдать не свои тайны чужаку – которому тоже кое-чем обязан. Такая вот задачка, вроде как притча про дракона над двумя хрюшками – если разом за обеими погонится, ни одной не поймает, а если за одной, то другую упустит. Помнится, в конце притчи дракон так задумался, что забыл хлопнуть крыльями и выпал на землю из воздуха. Данный вариант нам в качестве решения никак не годится...

Впрочем, сию секунду ничего решать и не требовалось. Только как-то разбить неловкую паузу и перейти к делу.

– Спасибо и на том. Бывалому человеку хватит! – усмех-

нулся я, ввернув только что услышанную характеристику, и тут же согнал ухмылку с лица. – Ладно, нечего наперед загадывать... Пора снегом заняться, а то до полудня не уйдем. Отойди-ка мне за спину, чтоб не задело ненароком!

Требование это Яндекссон выполнил с завидным проворством, не заставляя ждать понапрасну. Вовремя – воздух уже привычно заструился в ладонях, ожидая, пока я придам ему форму, пригодную для того, чтобы убрать снег от «Утопшего водолаза». Вскоре вокруг бушевала рукотворная метель, немногим уступавшая вчерашнему демо-нову бурану. Вблизи, по крайней мере...

В стремлении превзойти вероятного противника я даже слегка переусердствовал – ставни отчаянно застучали, с ближней кровли слетела пара кусков черепицы, а сменная доска с наименованием отеля пустилась в отчаянную пляску, грозя сорваться с фасада и взлететь. Пришлось чуть умерить напор вихря, чтобы не уворачиваться от здоровенной доски или щепок, в которые та грозила обратиться. Пара трещин, заметных даже отсюда, делала такой исход весьма вероятным.

Впрочем, силу потока воздуха уже можно было вполне безболезненно уменьшить – большая часть снега разлетелась далеко в стороны и теперь медленно оседала, клубясь искристыми облаками.

Неожиданно что-то толкнуло меня в ногу. Взглянув вниз, я заметил мельтешение серо-рыжего меха и чуть не свалил-

ся, подпрыгнув со страху на добрый фут. Мертвый Шпиннэ потерял о мое колено!!! На самом деле, конечно, до смерти замороженный демоном зверек не сам пришел ластиться к тому, кого избегал при жизни, – это порывы моего рукотворного ветра пригнали тушку к ногам, как комок шерсти.

Наклонившись и перевернув трупик, я понял, как такое стало возможно. Фоксвиррел оказался на удивление легким, словно пустым внутри. Он будто бы и не замерз, а иссох, не теряя объема. Как кусок мяса или фрукт, замороженный в абсолютной пустоте алхимиков абсолютным же холодом. Такое сочетание стихий, точнее, их отсутствия, если не врут, бывает лишь совсем высоко в небе, там, где обретаются звезды, планеты, а также иные полезные ориентиры для построения гороскопов и прочих алхимических алгоритмов.

Что ж, теперь ясно, какой частью своей силы наградил демона Властитель Звезд. Остается вопрос, что дала ему Лунная. Кроме сисек размером не меньше воронки с винокурни – они-то вчера и невооруженным глазом были отлично видны...

Ответ на этот вопрос пришел неожиданно и с той стороны, откуда я никак не ожидал.

– Сжечь его надо. А то встанет – хуже, чем мертвяк, – деловито заметил Яндекссон, взглянув на мою находку.

– Чем хуже? – растерянно переспросил я, ибо представить этакое было трудновато.

– Мертвяк пожрал, и ладно, а демоновым чучелам не нуж-

но вообще ничего, кроме покорности господину. Весь дом извести может, если оставить. Или того хуже, за вами увяжется.

Только неуспокоенного соглядатая нам и не хватало в этой экспедиции... Отняв руку от по-прежнему шелковистого, но совсем уже не греющего меха, я совершенно по-иному взглянул в мутные стекляшки глаз фоксквиррела, словно различая в белесой пелене искры снежного пламени взгляда его нового хозяина.

Вот, значит, в чем состоял подарок Лунной Богини...

– Сожжем, раз надо. Только это не по моей части, – поделился я с прежним хозяином зверька. – Кого-нибудь из жен попрошу, это их дело огнем орудовать.

– А не забоятся? – озабоченно поинтересовался Яндекссон. – Вон как одну со страху кинуло...

– То не жена, а подопечная. Она вообще... – внезапное раздражение от его ошибки оказалось меньше, чем ожидалось.

– Как знаете. Не забоятся, так пожалеют, и в плач, – продолжал сомневаться трактирщик. – Женщины все-таки, хоть и Инорожденные. А он к ним так ластился...

На это я лишь махнул рукой, не желая пускаться в объяснения, кто такие Хирра с Келлой и сколько вполне полноразумных тварей, не чета какому-то домашнему любимцу, отправилось за Последнюю Завесу на их глазах. Да еще многие при живейшем участии обеих. Хотя счет старшей жены

здесь не в пример выше, и дай Судьба, младшая его никогда не превысит.

Поняв мой жест как приглашение к дальнейшей работе, Свен Вее-Найдется живо запрыгал по выступившим из-под снега камням к входу, расчищенному, но пока не освобожденному от ледяных наростов. Предстояло еще изрядно повозиться, чтобы открыть двери.

Снаружи лед кое-как удалось обколоть обухом тесака, но из щелей между створками и косяком столь же легко его выбить не получалось. Портить заточку острия я не хотел, поэтому нам с Яндекссоном уже вдвоем пришлось налечь на двери, расшатывая их. Ледяное крошево со звоном посыпалось на камни.

Освободив наконец створку и с натугой открыв ее, я поискал взглядом свое семейство. Все на месте – Хирра заботливо держит за плечи нервно подрагивающую Алир, а Келла сидит в сторонке и делает вид, что ее это совсем не касается. Оно и к лучшему. У древнейшей эльфи Огонь в симвотипе посильнее будет, даже без поправки на расовое превосходство. Все-таки базовая функция, не рабочая. Управиться с ней труднее, зато если уж жажнет – никому мало не покажется, даже без Длани Справедливости.

Кивнув, я тихонько подозвал младшую жену к выходу и, вытащив за дверь, указал ей на нелепо валяющийся кверху лапами трупик фоксквиррела.

– Спалить его надо.

– Чтобы плаксе нашей на глаза не попался? – понимающе кивнула эльфь древнейшей крови.

– Есть причина и посерьезнее – встать может. Тогда бед не оберешься...

– А-а... – приняла к сведению вводную Келла.

Теперь можно быть спокойным. А то с последних слов Яндекссона о своем домашнем любимце меня неотступно преследовало видение взвывающейся в воздух иссохшей тушки, слепо клацающей зубами в поисках живой плоти.

На счастье, ничего из этого не осуществилось. Трупик безропотно занялся огнем под руками младшей жены, не делая попыток впиться в источающие пламя ладони. Келла едва успела отскочить – настолько быстро разгорелся иссохший зверек. На миг пламя встало столбом, и в его гуле мне почудился далекий-далекий вой. Но и тут – только почудился. Демон не мчался выяснить, что случилось с его жертвой и возможной марионеткой. Даже если пламя передалось по закону подобия и обожгло его, за долгие века обхождение живых с его невольными посмертными прислужниками должно стать для него привычным.

Так это на самом деле, или я уговорил себя ради спокойствия, не знаю. В любом случае сейчас на нас свалилась не в пример меньшая, зато очевидная напасть – невыносимая вонь паленого меха, которую оставил по себе потихоньку рассыпающийся на угольки фоксквиррел.

Но средством справиться с сей неприятностью располагал

уже я. Собрать ветер в ладонь было просто – сегодня это уже приходилось проделывать. Да и напор требовался куда как меньший. Поток воздуха ударил в лицо младшей жене, отвернувшейся от импровизированного погребального костра и зажавшей пальцами нос, спутал ей медовую гриву. Опустив руку, Келла рассмеялась и замотала головой, отбрасывая волосы назад.

Снег легкой поземкой поднялся вокруг ее колен, заноса угли и пепел. Скоро от костоища, как и от печального повода к нему, не осталось и следа. И словно дождавшись этого, над перевалом выглянуло по-горному яркое полуденное солнце. Подтаявший наст и снежная пыль в воздухе заискрились, свет больно ударил по глазам, заставляя щуриться. День вступил в свои права – пусть с запозданием, но весьма вовремя.

Теперь, пожалуй, пора отправляться в путь, чтобы к вечеру если не достичь Ограда, то хотя бы спуститься до уровня альтйских лугов. Даже без снега ночевать на каменной осыпи лишний раз не хотелось.

Собираться, по счастью, не пришлось – кроме банных принадлежностей да сменного белья, вчера из рюкзаков ничего не извлекали. Одежда же за ночь сама собой почистилась соответствующим заклятием. Лишнего времени на сушку и стирку в дороге нет, а с нашими доходами можно и не скупиться на магию.

Так что уже минут через десять мое семейство стояло в

холле отеля, перед прогорающим в очередной раз суперкамином, полностью готовое к выходу. Попытки Алир затянуть процесс сборов были пресечены наиболее опытной в походном деле Кел-лой. Имевшей меньший опыт развлекательных путешествий Хирре помогла не отстать от младшей жены легкость на подъем, приобретенная в Охотничьем Клубе. У меня же самого еще не выветрились армейские нормы на скорость сборов. Мекан прежде всего учит все свое при себе держать, а оставленное считать утраченным навсегда.

По счастью, здесь этот фронтовой закон не действовал, и шанс увидеться с покидаемыми в отеле гекопардами у нас оставался. Пусть столь же неверный, как и на успех в походе за Реликвией. Выходило, что огры не зря хранят ее как последний шанс противостоять демону, мощь которого вчера была явлена в более чем достаточной мере.

Для порядка, чтобы уважить Свена, требовалось перед дорогой еще помолчать, присев по аль-тийскому обычаю, а то и выпить на посошок. С первым затруднений не возникло – отчего бы не посидеть, глядя на прогорающие алой россыпью угли камина? Со вторым тоже прошло бы гладко, если б не решительный отказ Алир, которой вчерашней кружки медовухи, похоже, хватило на всю оставшуюся жизнь.

Но никто ее и не неволил. Прощание и так грозило затянуться, так как Яндекссон принялся благодарить меня за наладку и маготехобслуживание его излюбленного детища.

Мне оставалось лишь усмехнуться про себя. Крышку гипершкафу я, конечно, поправил... Только сюрпризов это должно лишь добавить. Во всяком случае, если трактирщик-изобретатель магических нововведений догадается, на что способно творение его рук. Шанс на это остается, даже невзирая на все мои усилия по отсечению дорог вовне нашего мира...

Наконец все перипетии отбытия завершились, включая многословные и уже ничем не сдерживаемые напутствия и советы Свена Все-Найдется относительно норова гор и огрского гостеприимства. Припасы проверены, ремни рюкзаков подтянуты, солнцезащитные очки извлечены и подогнаны – не хватало только заработать снежную слепоту в самом начале пути.

Впрочем, собственно горного снаряжения мы с собой не взяли. Дорога в Оград этого не требовала, а лезть куда-то в горы дальше долины и выше перевала я не собирался. Так что крепкая обувь, запас теплой одежды и белья на смену – и не более того. Мерой выкладки тут стала даже не грузоподъемность привычных ко всему гекопардов, а наша собственная выносливость. Да и та не до предела, чтобы подвижности вконец не терять – полсотни фунтов мне, на десяток больше каждой из эльфей (в соответствии с их ростом и силой, а не отсутствием галантности).

Первые полтысячи ярдов подтвердили правильность расчета – семейство бодро шагало без намеков на отдышку и по-

терю темпа. Это при том, что пока еще мы шли вверх – отель располагался не на самом гребне перевала, а чуть пониже, в ветровом кармане. Иначе его давно сдуло бы, несмотря на скалу, к которой прилепились строения.

Почти подобравшись к гребню, я остановился и обернулся. Не по своей воле, и не один – эль-фочки тоже дружно повернули головы на звук.

Сзади доносились глухие удары, то гулко отдающиеся от камня, то вязнущие в порядке подтаявшем снегу. Разглядев, в чем дело, мы не сговариваясь, все разом расхохотались. Фигурка на фасаде отеля была почти неразличима, но и так было ясно, чем занят его хозяин и единственный работник.

Яндекссон заканчивал прибавить очередную вывеску!

Казалось бы, вполне правомерное действие после того урона, какой я причинил предыдущей, расчищая снег. Но даже отсюда было видно, что сменная доска, прихотливо изрезанная узором из сердечек и толстеньких морских животных с бутылками в лапах, разваливалась не иносказательно, а совершенно буквально! Приколотив одну часть, трактирщик полез вниз по стремянке за другой, упавшей.

– Чего это он? Попрочнее не мог найти?! – не сдержал я изумления.

– Так скоро же Ламантинов день! – не меньше удивилась моей неосведомленности светло-эльфийская дива. – Праздник всех разлученных!!!

А, вот к чему водоплавающие звери... По легенде, именно ламантины носят по морям бутылки с записками тем, кто не может встретиться. Немудрено, что приуроченная к этому дню вывеска разлучена сама с собой на отдельные части.

– Свену, наверное, до того одиноко, что он хоть так отметить хочет, – не унималась жалостливая эльфь. – Он ведь совсем один тут... А теперь и Шпиннэ нет. Надо будет, как вернемся, уговорить кого-нибудь переехать к нему!

Готовность подопечной помочь всем в силу собственного разума, похоже, перевешивала даже ее же способности к попаданию в глупые ситуации. А уверенность в том, что можно найти кого-то, согласного «переехать» на самую что ни на есть окраину человеческих поселений, за которой начинается первородная Огрия, сквозила недюжинным романтизмом.

Как ни странно, в осуществимость этой бредовой идеи вполне верилось. Видно, крепкую дружбу свела светлая эльфь с самой Девой-Радугой, хозяйкой всех надежд мира. Известно же, что инфантильностью и безалаберностью та не уступит этой своей смертной сестре. Так что для того, чтобы вернуться поскорее, теперь появился еще один повод. Не оставлять же лишний день Ян-декссона в вынужденном одиночестве... А то он выдумает еще что-нибудь похуже гипершкафа! Оно нам надо?

Глупая жалостливость подопечной оказалась здесь сильнее иного умного расчета. Как ни верти, при всех своих

недостатках и странностях она оказалась не столь уж бесполезна и бессмысленна, как казалось на первый взгляд.

Возможно, у Алир найдутся и положительные стороны...

Гол в свои ворота

*Словом, мы все больны гандболом,
Мы все больны гандболом
И за гандбол умрем!!!*

Не прошло и трех часов с выхода из трактира, как каменная осыпь, кое-где еще затянутая остатками снега, закончилась очередной преградой. От альтйских лугов, как и по ту сторону перевала, каменистый склон был отделен лабиринтом скальных зубцов. Пару раз с непривычки мы утыкались в тупики – сначала со снежными заносами в укромьях, а потом и с зеленью, затаившейся от ветра там, где камни смыкались поплотнее.

Наконец после особенно крутого спуска по каменным сту-

пеням все выбрались на открытое пространство. Спорю, что не самой хоженной и легкой дорогой, но возвращаться и искать путь поудобнее никому не хотелось. Особенно после того, что мы увидели на совсем не по-осеннему зеленой равнине.

Каменная лестница выводила на совершенно плоское плато, чуть возвышающееся над остальной долиной, во всяком случае, на первый взгляд дело обстояло именно так. Рассмотреть подробнее не позволяла плотная стена огров. Похоже, все население долины выстроилось по краям плато в торжественном молчании, заставив нас на миг замереть перед тем, как двинуться навстречу судьбе.

Неровная мохнатая линия выглядела исключительно угрожающе. Даже издали чувствовалось, что первородные дети Матери смотрят на нас сверху вниз, с высоты своего роста, почти вдвое превосходящего мой собственный. Отрешиться от этого ощущения не выходило, как бы ни хотелось.

Украдкой я оглянулся на жен и подопечную. Келла слева от меня шла на огрский строй непринужденно-легкой, танцующей походкой, словно не замечая ничего по сторонам. Так, говорят, эльфы во времена Войны Сил ходили в психическую атаку. С клинком в одной руке и длинным мундштуком для дурманной сигариллы – в другой.

Как оно на самом деле было, не знаю. В наше время все больше под волынки да по болоту наступать приходилось, а там особо не растанцу-ешься. Да и вообще подобных срав-

нений при моей древнейшей лучше не делать, памятуя отношение ее семьи к Инорожденным. Даже спустя тысячелетия древнейшая кровь не может простить прочим ныне живущим эльфам отступничество от Породителей и природного естества в угоду иллюзорной независимости. Обернувшейся, как ни посмотри, той самой Войной Сил...

Хирра по правую руку от меня такого спокойствия не проявляла, даже деланного, напоказ. Как старшая, она отчетливо волновалась за нас всех, разрываясь между привычной необходимостью прикрывать своих и настойчивой тягой уделить побольше внимания жмущейся к ней подопечной. Несмотря на вражду между родами, длящуюся с не раз уже помянутой Войны Сил, инфантильная светлая эльфь быстро и надежно заняла место в беспокойном сердце темной.

Алир действительно пристроилась вплотную к моей высокородной, но не в страхе, как могло бы показаться, а в зачарованном ожидании нового, небывалого и невиданного. Того, что могло бы наполнить ее непознанными до сих пор чувствами и переживаниями, придать смысл и востребованность долгой однообразной жизни вечного ребенка под нескончаемой опекой. Как ни уютно в комфортной и безопасной детской, ничего настоящего в ней не дождешься...

Пожалуй, впервые она дала повод испытать к себе нечто вроде уважения. Если, конечно, я правильно прочел обуревающие светлоэльфийскую диву предчувствия и ожидания на ее лице, открытом предвечернему солнцу.

Линия встречающих вроде бы приближалась, а вроде бы и отступала, продавливаясь перед нами и явственно огибая незваных пришельцев. Уразуметь, как это получается, я оказался не в силах и лишь безучастно отметил момент, когда толпа, собравшая, почитай, все население Ограда, сомкнулась за нашими спинами, все так же не подпуская нас ни на шаг ближе к живым стенам кольца.

Поняв это, я остановился так резко, что семейство не успело затормозить и с налета выстроилось в одну линию вровень со мной. Теперь неподвижны были все – мы, огры, окружавшие долину горы. Казалось, даже облака застыли, прервав свой неторопливый полет из любопытства или уважения к значительности момента. Пронзительно-голубое, в цвет ледников, горное небо опрокинутой чашей недвижно зависло в точности над моей головой, готовясь принять все, что долж-©но совершиться в этот момент. Возможно, важнейший для продолжения существования мира.

Аккурат напротив нашего маленького строя кольцо расступилось, пропуская абсолютно седого огра, которого прошитые годы сумели согнуть лишь до десяти футов, не справившись с кряжистым сложением. Чрезвычайная даже для расы первых детей Матери плотность и грузность фигуры делала старика похожим на скалу, движимую неведомым заклятием вроде того, которым из Огрогор на самый рубеж Хисаха были выведены глыбы, слагающие ныне Ветровую Стену.

И словно от той скалы, источенной временем и напоенной могучей магией, от огрского старейшины веяло незримой силой. Массивный золотой знак на цепи немногим тоньше якорной, свисающий с могучей, словно дубовый пень, шеи, ничего не мог добавить и без того вполне явному величию. Лично я под таким согнулся бы в тридцать три с лишним погибели и никакого благородства осанки показать не смог.

Огладив сперва бороду, затем цепь со знаком, а следом и пузо, не уступающее стоведерной бочке, огр обстоятельно прокашлялся, кряхтя и булькая. Звуки были такие, будто с ближайшего склона начала сходить лавина, да угодила в болото и утонула в нем вся без остатка.

– Р-р-рады пр-р-ринять дор-р-рогих гостей! Пр-р-редупр-р-реждены о пр-р-рибытии! – наконец торжественно произнес старейшина, подготовившись таким образом к выступлению. Его раскатистое «р-р-р» надежнее прочих признаков отличало огрскую речь от говора прочих разумных рас.

Предупреждены, стало быть... Интересно, кем и как? Скорее всего, Яндекссон «постар-р-рался» ради добрососедства... Хотя, может быть, и Арбитры произвели внушение типа аркподготовки, чтобы местные не «зар-р-рывались». От нашей анарисской дипломатии всего ожидать можно – это я готов подтвердить, как ее ярчайший пример и представитель. Со времени моего возвращения из Хисаха заглядывать в тамошние новости я побаиваюсь – столько всего наворотил

в добрососедском государстве в порядке реализации этой самой дипломатии. (Это я все никак султанство свое нечаянное не переживу...)

А теперь, стало быть, опасный пес Пойнтер спущен на Огрию. С игрой на охотничьих рожках и грохотом трещоток. Если судить по масштабам встречи...

– Благодарю за прием, – ответить что-то было необходимо. – Жаль, радоваться особо не придется. По трудному делу прибыли...

Лучше сразу ухватить рогача за то, за что надо. Разводить с ограми церемонии – последнее дело. Слишком много слов тратить – все равно что впрямую вруном сказаться, а хозяев дураками выставить. Чего, понятно, худшему врагу желать не стоит.

Видимо, в предупреждение, полученное здешним руководством, входил и этот пункт.

– Пр-р-ро затр-р-рудности с утр-р-ра пого-вор-р-рим, – продолжил старичина и бровью не поведя. – А пр-р-рямо с дор-р-роги пр-р-раздно-вать пр-р-р-росим!

– Пр-р-росим!!! – присоединился к нему поистине громopodobный хор всех присутствующих огров.

Тут уже было полное впечатление, что горы рухнули в припадке" гостеприимства. Только по фронтовой привычке к близким разрывам файр-боллов я не свалился от звукового напора, а семейство выстояло исключительно по причине полного остоленения. Да еще из уникального эльфьего

упрямства, в котором что Инорожден-ные, что древнейшая кровь любому безрожке дадут демонову дюжину очков фотры!

Раз уж так просят, грех не отпраздновать. Осталось лишь развести руками с поклоном и отправиться следом за громадным стариком в сопровождении прочих первых детей Матери. Из-за того, что большинство из них было одето в меха, шествие напоминало сход мохнатой лавины. Разве что грохота было поменьше: из уважения к дорогим гостям огры сдерживали силу своего обычно громового говора, и спуск в долину сопровождался лишь негромким бурчанием, смысл которого до нас не долетал.

Путь вниз оказался недолгим и не таким уж трудным, поскольку в самой долине не было ни резких перепадов высоты, ни острых скал. Валуны слона в три-четыре – это да, имелись в наличии.

А крупнее – ничего: то ли ледник, то ли Серебро-речка все загладили и обкатали в незапамятные времена.

Наиболее крупные валуны пошли на два крупнейших сооружения, к ближайшему из которых мы и направлялись. Дальнее было даже здоровее ближнего, а пространство на милю между ними занимали какие-то то ли погребя, то ли землянки. Вот и весь Оград – других построек в долине не наблюдалось на всем ее протяжении. Только старое русло Сереброречки, в котором по нынешним временам не набралось бы воды и на то, чтоб крикуна утопить.

Когда-то, когда река еще была полноводной, на ближнем конце долины она срывалась вниз величественным водопадом. Теперь жалкая струйка терялась в камнях, не доходя до обрыва добрых сто ярдов. Даже непонятно, как выжил здоровенный ветвистый баодед на полдороге между строениями Ограда и обрывистым краем долины. Хотя, может, это и не баодед был, а обанария или даже вовсе хрясень какой-нибудь. Лоскутьев, веревок и ленточек с него свисало всяко не меньше, чем с любого бечевочного мангра в дельте Анара, но толщиной ствол не уступал тому же баодеду или консервному дереву из Пыльных Прерий. Или это воздушные корни и ложные стволы, сросшиеся воедино?

Так или иначе, вид это украшение небогатого растительного мира Огрогорья имело порядком потрепанный, иссохший и даже какой-то пыльный. Живая листва пробивалась где-то на трети ветвей, и лишь сей факт вынуждал причислять громадное растение к еще живым, поскольку в местном сухом и холодном климате ствол может простоять сотню лет, даже полностью утратив признаки жизни.

– Огр-р-родр-р-рево Сакр-р-ральное!!! – отметив мое внимание к полумертвому растительному исполину, пояснил старейшина. – Пр-р-ри-ношениями покр-р-рыто!

На мой взгляд, «пр-р-риношения», в смысле хлам этот канатно-полотняный, и были не менее чем вполовину виной плачевного состояния Ог-родрева. Одной многовековой засухой тут дело не обошлось, не иначе тряпки с веревками

его придушили.

Впрочем, традиция наряжать живые деревья хуже, чем Приснодрево, очищенное от коры и перевернутое вниз вершиной, держится во многих деревнях от Мекана до Альтйских гор. Таким образом селяне ублажают местных духов, относительно которых современная магия никак не сойдется во мнениях, существуют они или нет.

Однако у тех, кто побывал в Мекане, сомнений на эту тему не водится, а у меня, по причине личного знакомства с Великим Всем – и подавно. Все нерожденные боги из таких поднялись, в том числе и Породители разумных рас. А здесь, в северных горах, обрела имя и личность сама Судьба, которую огры избрали себе в покровительницы. Это они неглупо сделали...

Так вот кому посвящены приношения на Ог-родреве! Уж Судьбе-то даже я шнурка с шеи не пожалел бы. Дерево и новое вырастет, если нынешнее паломники задавят или пополам переломят щедростью поклонения величайшей из нерожденных!

Под такие размышления мы добрались до ближайшей постройки, культовой или административной – по виду не разберешь. При взгляде на это сооружение как-то сразу верилось, что Зброшенные Гробницы в Тесайре строили именно огры.

До того же Опрокинутого Зиккурата или Ворот Лжи ему, разумеется, было далеко. Всего-то каменная площадка, воз-

несенная на неполный человеческий рост да украшенная четырьмя почти кубическими столбами, расставленными квадратом с промежутком чуть шире собственной толщины. Но дух величественных и невразумительных строений эпохи, предшествующей Войне Сил, угадывался однозначно.

Перед самым помостом, обходя его слева, старейшина притормозил, и мохнатая лавина остального населения Ограда мягким топотком обтекла нас, забрав еще левее и столпившись впереди, у дальней стороны помоста. Старик тем временем вовсе застрял и, остановившись, огромной ручищей указал нам на сооружение. Дескать, пожалуйста, гости дорогие, специально для вас местечко приготовлено.

Для нас так для нас. Обогнув следом за всеми помост, я во главе семейства подошел к промежутку¹ меж каменных кубов и, стараясь сохранить достоинство, взобрался наверх по очень кстати оказавшимся там ступеням в полтора фута каждая. Женам и подопечной то же действие удалось куда изящнее из-за изначальной эльфьей длинноногости и большего роста.

Это ли величественное зрелище или что иное вызвало в толпе взрыв ликования – неясно.

Ситуацию не прояснило даже замечание старейшины, поднявшегося следом.

– Добр-р-рая пр-р-римета, в Пр-р-раведный Пр-р-роем пр-р-рошли!!! – обрадовался он не пойми чему.

В какой же еще, если весь народ перед этим выстроил-

ся? Не особый труд прогуляться лишнюю пару дюжин ярдов, чтобы сразу занять правильное место, не блуждая зря среди каменных кубов. Еще неизвестно, какой там магии намешано или прибилось от многовековых суеверий. Этак войдешь не в тот проем или вообще не с той ноги на помост ступишь, а выйдешь обратно невесть где, невесть кем и невесть с каким проклятием в довесок. После гипершкафа хорошо, что я обычных дверей и порогов не начал опасаться. А мог бы, не будь столь уверен в своих профессиональных способностях...

Здоровенный старик, присутствие которого сразу сделало несколько тесноватым даже столь праведный проем, меж тем степенно указал на каменную скамью, посередке разделенную надвое встроенным подобием кресла из грубо обработанных плит. Кто-то заботливо застелил и его, и сиденья по сторонам чем-то вроде ковра толщиной дюйма в полтора, с грубым узором, которым только огрят по ночам пугать.

Если б не выбивающиеся нитки и прочие признаки плетения, это произведение ткацкого искусства можно было бы принять за шкуру, снятую с какого-нибудь полярного дракона. Из тех, что нерп подо льдом гоняют да белых медведей в полыньи сдергивают, а чтобы добыть воздух для дыхания, айсберг насквозь рогом пробивают. Перводракон их породил то ли от касаток с кашалотами, то ли от еще какой зверюги немислимой хищности. Самая знатная добыча в Огрофьордах, если раньше не зажует вусмерть дюжины две охотников

на каяках из нерпичьих шкур...

Так или иначе, на каменном сиденье ранней, да не теплой горной осенью лишней не будет что такая шкурница, что ее заменитель ручной выделки. Хирра с Келлой уже заняли места по правую руку от кресла, а колеблющуюся и с опаской взирающую на псевдошкуру Алир усадили между собой, притянув за обе руки.

Я тоже заколебался перед тем, как усесться, но по другой причине. На скамье, занятой семейством, места уже не было, а устраиваться в одиночку на оставшейся не хотелось. Кого бы из жен перегнуть на нее для компании?

Но перегонять никого не пришлось. Вместо того чтобы устроиться на сообразном его размерам почетном месте, старейшина в одиночку занял всю свободную скамью, не оставив мне сомнений в необходимости карабкаться на сиденье огрского трона. Хорошо хоть в ширину тот не уступал солидному дивану... В конце концов, запрыгивать на невысокие плетни спиной вперед я умею, пусть и не на ферме вырос. Дольше топтаться перед креслом было совсем нелепо – и так уже дождался от заботливого огра повторного приглашения:

– Пр-р-рисядем, в ногах пр-р-равды нет. Пор-р-ра к делу пр-р-рступить...

– Других старейшин ждать не будем? – огляделся я, удивленный отсутствием традиционной орды чиновников принимающей стороны.

– Каких др-р-ругих? Меня одного р-р-разве мало?! – ис-

кренне удивился огр.

Воистину, его и одного хватало с избытком. Но неужели правительство целого народа может ограничиваться всего-навсего одним старейшиной? Это получается мироустройство даже не времен Войны Сил, а совсем уж сказочное, легендарной поры рождения разумных рас...

– Др-р-ругих стар-р-рост не дер-р-ржим. Спр-р-равляюсь сам, – подтвердил мою догадку старик, на удивление не обидевшись. – Огр-р-рТинг всенар-р-родный изр-р-редка собир-р-раем, когда совсем тр-р-рудно...

Надо же... Старейшина да тинг, созываемый время от времени – вот и все правительство. Более серьезной государственности у огров в помине нет по причине полного отсутствия склонности к созданию таковой. Действительной или тщательно изображаемой – пока неясно.

Внезапно меня осенила мысль, еще более удивительная и неприятная. Огрская манера справляться с оргвопросами означала, кроме всего прочего, еще и то, что придется иметь дело разом со всеми, с целым народом, как с одним его представителем. Без уверток и путаницы, напрямую, без всякой возможности тихонько договориться с верхушкой в обход всех прочих. И то, что я уже поминал насчет церемоний и прочих двусмысленностей, усиливается во столько раз, сколько первых детей Матери собралось на торжественную встречу...

Словно в подтверждение моих мыслей, Огро-Староста

объявил:

– Пр-р-представьтесь нар-р-роду, гости дор-р-рогие!

Отчего же не представиться? Ввиду серьезности случая я не стал перекладывать эту обязанность на Хирру, которая обычно служит герольдом нашего семейства, а сам зачитал внушительный список владений и титулов, привешенных к моему несложному имени и кличке, тоже сделавшейся составной частью сего безобразия. Затем и жен с подопечной обозначил перед огрским обществом в соответствии с тем порядком, по которому я тут выхожу ответчиком за всех. Здесь, в горах, все устроено в противоположность придворному этикету: не нижестоящий за вышестав-ленного говорит, а наоборот, главный – за всех своих.

– Хугге Гр-р-ромовило, Огр-р-роСтар-р-рос-та, – в свою очередь представился старейшина сообразно тому же правилу. В сравнении с нашим эльфийским многословием это прозвучало куда более внушительно, даже без поправки на громкость огра, которой, похоже, он и был обязан прибавкой к имени. Процесс представления получился очень торжественным и кратким...

Если бы не то, что, следуя помянутому уже горному этикету, ОгроСтароста взялся представлять поименно весь свой народ!!!

Только теперь я понял, отчего принимать приветствия положено сидя. Выстоять на ногах предстоящие нам часы вряд ли было возможно без урона здоровью, даже с учетом крат-

кости огрских имен. Но раз уж заведен такой порядок, в подтверждение моим размышлениям об устройстве здешнего общества – надо вытерпеть все до конца.

Оглянувшись украдкой на семейство, я с некоторым облегчением отметил, что жены и подопечная тоже прониклись важностью момента и приготвили к долгой процедуре личного знакомства с населением огрской столицы, после чего смирился с происходящим. В конце концов, другого способа поближе узнать изрядную долю целого народа не придумаешь.

Один за другим обитатели горной долины подходили и представлялись в меру фантазии и способностей. Все пять с небольшим тысяч. Степенные отцы семейств и совсем еще несерьезные молодцы, матери с выводками укутанных в меха огрят, кокетливые девицы ростом едва ли не вдвое выше меня...

К исходу четвертого часа церемонии у меня рябило в глазах от разнообразия приветствий. Перед гостями прошли парадом любопытство, опасение и безразличие, все возможные варианты отношения. Кто кланялся с достоинством, кто, приплясывая, взмахивал войлочной шапкой, а кто и просто отходил, буркнув свое имя в сторону. От неловкости, наверное – огры, они чем крупнее, тем застенчивее.

Наибольшим ростом и стеснительностью обладал тринадцатифутовый здоровяк в кожаном кузнечном фартуке. Ни одну из пары кувалд у него за поясом лично я бы и с места

не сдвинул, а жены смогли бы своротить разве что втроем с подопечной. Имечко, едва пробившееся сквозь растительность, покрывавшую почти всю физиономию кузнеца, очень ему подходило – Тугге Полторы Бороды... огрских полторы, а человеческих – с дюжину, наверное. При взгляде на голову местного мастера горна и наковальни становилось понятно выражение «мохнатый шар». Запомнился он не только поэтому, но и потому, что ОгроСтароста с сожалением откомментировал исключительный даже для огра размер кузнеца:

– Какой игр-рок был, пока Пр-равило не пер-рер-рос... Тепер-рь нельзя ему на поле, а пр-реж-де...

Что за игра и каково ее Правило, я с налету не понял. Да и не слишком стремился понять, уносимый в далекие сонные дали неторопливой процессией имен и приветствий. Так и не знаю, к примеру, пригрезились или на деле обозначили знакомство со мной Вавве Горный Поток, Ухха Дробило, Динген Сын Сыновей, Мугге Длинные Штаны и прочие достойные представители огр-ского племени...

Убаюкивающие прозвища горного народа гудели, словно ветер в скалах, угрожающе и тяжело, как вроде и положено бы. Тем не менее чего-то в них не хватало, какого-то лейтмотива, ставшего уже привычным за недолгое пребывание здесь...

А, вот, понял! Даже проснулся от неожиданного озарения.

– А почему в именах нет «р-р-р»? – тихонько спросил я, с трудом дотянувшись до уха Огро-Старосты.

– Чтобы отличить их от остальных слов! – обернувшись, он посмотрел на меня как на полного несмышленища. – Имена, они самые важные, им нельзя с др-р-ругими словами мешаться!

Понятно... Правда, в изложении ОгроСтарос-ты отголосок вполне корректного закона симво-лометрии звучал, как детская тайна. Игрушечный секрет, передаваемый друг другу с большими от страха глазами и доверяемый первому встречному под самую страшную клятву. С угрозой в случае ее нарушения неотвратимыми бедствиями, которые могут прийти лишь в незамутненно-зверское сознание вчерашнего младенца...

Мне вот, однако, доверили это сакральное знание и без подобного ритуала. Обнадеживает. Может, все-таки удастся столь же легко справиться и с нашей миссией. Как конфету у ребенка отобрать – так обычно говорится.

Все бы хорошо, только один из великих магов древности как-то сказал, что придумавший эту поговорку' никогда не пробовал осуществить ее на деле. То есть вырвать сладость, игрушку' или полузадушенного домашнего дракончика из цепких и жестоких детских ручинок.

Умиляться детством и его законами можно только извне, обладая короткой памятью и завидной способностью к самообману. Главные черты начала жизни – не умильность и доброта, а безответственность и неспособность задуматься над последствиями. По мне, лучше уж холодноватая расчет-

ливость взрослого...

Так что с ограми, при всей их непосредственности, имеет смысл держать ухо востро. Они могут быть страшны не злыми намерениями, а совсем напротив – невинностью. Раздавят походя и не заметят, что насмерть, как тот ребенок дракончи-ка, лягушку' или иную живую мелочь. Размеры перворожденным детям Матери в этом очень способствуют.

Тут, кстати, вообще вскрывается интересная зависимость – похоже, внутренний возраст расы напрямую завязан на рост ее представителей. В обратной пропорции: чем в длину длиннее, тем инфантильнее.

Мы, люди, молоды, но хотя бы достигли совершеннолетия. Эльфы – вечные подростки, с этими их страшными клятвами и прочими жестокими забавами. Двенадцатифутовые огры, по всему выходит – сущие дети, не старше пяти лет.

И упаси нас Судьба от каких-нибудь двадцатифутовых младенцев!

Что интересно, в обратную сторону это правило тоже работает. Невысокие драконицы со своим несокрушимым жизнелюбием навсегда застыли в ранней зрелости. Халфлинги типа Фроххарта похоже, поголовно сорокалетние. Мелким зеленым гоблинам по всем приметам за полтинник.

Интересно, кто же тогда отвечает за старость? Гномы, наверное. Больше вроде некому. Если только они вообще существуют где-то, кроме ругани, да еще при этом намного мень-

ше ростом, чем гоблины...

Последней в ряду представляемых оказалась Гахха Лубьяная Сквородка, круглолицая огрюшка ростом даже меньше меня, с трогательной щербинкой от выпавшего молочного зуба в пару пальцев шириной. Младшая дочка в семействе... Из головы надежно вылетело, как звали только что отошедшего папашу шириной едва ли не больше, чем ростом.

Ничего, понадобится – снова взбодрю память заклятием, как в Хисахе во время экскурсии по городу. Поименное знание местного населения, пожалуй, даже полезнее будет, так что откладывать процедуру не стоит.

А чего еще не стоит откладывать, так это обеда или, применительно к времени дня, ужина. Интересно, такой пункт в программе приема имеется или сокращен наряду с прочими административными излишествами?

Разумеется, мимо «тр-р-рапезы», как выразился Огро-Староста, основательный и серьезный горный народ пройти не мог. Разве что идти за угощением пришлось далековато – столы на все население долины оказались накрыты между двумя отрогами у самой скальной стенки, надежно укрытые от ветра, а от стад тонкорунных рогачей защищенные легкими загородками.

От прочих опасностей угощение, расставленное по грубым доскам импровизированных столов, охраняли псы – немногочисленные, но при этом основательные, как сами огры, в толстых мохнатых шкурах, не уступающих поляр-

но-драконьим, и закормленные, похоже, до состояния, когда ни хозяйские разносолы, ни стада уже не способны их заинтересовать. Или дисциплинированные донельзя... Так или иначе, на нас, гостей, мохнатые сторожа глядели чуть свысока, безразлично и спокойно, без малейшей попытки облаять или прогнать— либо доверяя хозяевам, приведшим чужаков, либо вовсе не имея привычки нападать на разумных. Только на хищников, угрожающих стаду или жилью.

Почему-то при встрече с этими псами мой старый страх перед прямым собачьим взглядом проявиться не пожелал. Время вылечило? Или Харм, легкого бега ему за Последней Завесой и удачи в новом рождении, отучил от стыда перед его соплеменниками? В любом случае стражу огрского пиршества удалось миновать, не опуская глаз.

Прочие приличия тоже удалось соблюсти без изъяна — недолгая прогулка после многочасового сидения пошла только на пользу. Какое место занимать за столом, я теперь тоже знал, а больше никакого этикета у огров в заводе не было.

В отличие от кулинарных талантов, как выяснилось вскоре после того, как народ с одобрительно-предвкушающим гулом расселся за столы следом за почетными гостями и Огро-Старостой. Как бы жутко ни выглядело то или иное блюдо, на вкус оно оказывалось неизменно приятным — не особо изысканным, но свежим, сытным и не испорченным избытком пряностей. Все составляющие являли здесь свой истин-

ный вкус без уловок эльфийской кухни.

Откровение это касалось и привычных по ана-рисскому фаст-фуду видов огрской пищи. То, что выдают за шумрум-бурум городские лоточники, с настоящим огрским кушаньем и рядом не лежало. А если лежало, то очень долго и на жаре.

А ведь есть еще такое сакральное блюдо, как калды-бадды-шурпы...

По счастью, в Огрогорье не прижилась обязанность опробовать каждый разносол или съесть все, что тебе положат, как заведено в купеческих домах Зааиарья. В силу своей основательности огры, похоже, полагали, что за столом сея никто не обидит и во вред здоровью не переусердствует.

Пожалуй, снимись мы с мест и уйди тихо, по-шьфииски, прямо посреди ужина, озаряемого фа келами ввиду уже позднего времени, никго бы и не заметил. Остановливалось одно – где именно радушные хозяева отвели нам место для ночлега? Ясно, что не под столом и не среди каменных кубов на каменном же помосте. Не во второй же грандиозной куче камней, расположенной по одаль?

– Угр-р-рушлись пор~р-рядком? – словно почуяв эти мои размышления, тихонько прогромыхал мне на ухо Громовило. сидевший рядом по обязанности старосты. Шепот у огра все время получайся под стать имени.

– Нсть немного, – признал я. Процедура представления и застолье даром не прошли, не говоря уже о пешем переходе

под грузом и утреннем раз-1ребании снежного заноса.

ОфоСтароста воздвигся из-за стола степенно и медленно, как утес, вырастающий из вод горной реки. Я проделал то же самое с куда большей поспешностью, а Келла так чуть ли не выпрыгнула со своего места. Хирра встала не раньше, чем аккуратно вытерла платочком гуобы и пальцы. Но дольше всего пришлось извлекать из-за стола Алир: подопечная никак не могла выбрать, какой из многочисленных пирогов и кренделей прихватить с собой на сон грядущий. Все одновременно в руках у нее они не помещались, а отказаться хотя бы от одного из корявых на вид, но безусловно вкусных творений огрских хлебопексов светлоэль-фийская дива никак не могла.

Наконец запасливая эльфь надела на шею самый основательный калач с ягодной начинкой косоного брюха и пузыристо блестящей корочкой, припорошив мукой роскошную гриву, а остальную добычу – ветчинный пирог размером с добрую половину тележного колеса и стопку жутковатого вида не знаю чего, пахнущего медовыми пряниками – зажала под мышками.

На оставшийся перед ней узловатый крендель Алир смотрела столь жалостно, что его с тяжелым вздохом прихватила для подопечной старшая жена. Младшая тут же, видимо, из чувства протеста, вцепилась в длинную, извилистую, как молния Тиллы, сырокопченую колбасу и прокрутила ее в воздухе наподобие разбойничьей дубинки.

Экипировавшись таким образом, семейство было готово к

долгому и непредсказуемому пути на ночлег. Один я стоял с пустыми руками, пока Хугге, сочувственно покачав головой, не вручил мне стянутый со стола бочонок с пивом, посчитав, видимо, что столько жратвы всухомятку не пойдет почетным гостям на пользу.

После этого собственно дорогу запомнить было уже трудновато, даже несмотря на то, что ОгроСтароста прихватил с собой факел. Проклятый бочонок был небольшим лишь на огрский взгляд, на деле вмещаая галлонов шесть, и это помимо собственного веса. Так что тащить его пришлось в обнимку, постоянно преодолевая соблазн положить набок и катить ногами.

По счастью, в дороге мы не раз останавливались, чтобы приложиться к содержимому бочонка— исключая Алир, конечно, но не исключая хозяина-проводника. В его глотку нефильТРованное и оттого почти непрозрачное светлое пиво лилось с плеском, напоминающим об утраченной Среброречке. Поэтому к концу пути пивная тара полегчала едва ли не вдвое, а учитывая прилив сил от выпитого, стала и вообще легче перышка.

Порядком проплутав между невысокими, мне лишь по поясу, каменными стенами многочисленных землянок, мы остановились у одной из них, на первый взгляд не отличавшейся от прочих. Разве что на отшибе от остальных и, кажется, повыше по склону. Точнее во тьме, до краев залившей долину, разобрать не удавалось — темно-синее небо в непрозрачной

дымке не пропускало света звезд. Только над нескончаемым застольем вдали виднелась сеть мерцающих в той же дымке огней.

Каким-то женским чутьем определив, что именно требуется для устройства на ночлег, жены и подопечная проскользнули вниз по каменной лесенке за массивную дверь постройки и принялись ожесточенно возиться внутри. Во всяком случае, прежде чем зажечь свет, полившийся из окон теплыми полосами, они явно что-то там своротили с немалым грохотом.

Мы же с Хугге присели на холодке передохнуть и обождать, пока эльфочки завершат свои труды. Конечно, не без того, чтобы еще хлебнуть напоследок. Прямо на плоской крыше устроились, я – свесив ноги, а огр – высоко задрав колени. Приложившись по очереди к бочонку, поставили его на землю между нами, отдышались и одновременно вновь запрокинули головы в поисках хотя бы одной искорки света в чернеющем небе. Ничего. Ни лун – тройное новолуние со дня на день, ни звезд. Вообще ни единой прорехи в дымке, до которой, казалось, рукой подать. Как под одеялом уже, только глаза закрой, и сон заберет без остатка, до утра, до нового света...

– Хр-р-рм... Кгхм!!! – ОгрСтароста зачем-то громко прокашлялся, прогоняя подступившую дрему, и встряхнул меня за плечо. Осторожно, конечно, на свой огрский манер, но так, что весь сон вытрясло без остатка. После этого ска-

занное им я расслышал уже самым лучшим образом:

– Знаю, зачем пожаловал... И кто таков, знаю.

Отсутствие «р» в прозвучавших словах лишило их привычной огрской раскатистости и тем заставило прозвучать как-то зловеще. Словно каждое стало прозвищем некой грядущей беды, подчиняясь местному правилу имен. Настрой безмятежного вечера разом сменился – не на утро оказался отложен важный разговор, как сказано было...

Или уже утро наступило, осеннее, темное? Что за полночь перевалило – несомненно, под выпивку время быстрее идет. Отчего в Мекане некоторые старались вообще не просыхать, коротая войну под бульканье фляжки. Одни из таких, не протрезвев, за Последнюю Завесу отправились, других доконало похмелье наутро первого мирного дня, а кое-кто и поныне глаза заливаает, уже без различия времени. Так что не способ это. И мне протрезветь не помешает, чтобы получше вникнуть в услышанное...

– Оно понятно, конечно, – Хугге Громовило был тих настолько, насколько вообще позволяла его природа. – Судьба ведет так, что в стор-р-ронку не евр-р-рнсть...

Вернувшееся в его речь взры кивание малость успокоило, превратив сказанное из мрачного пророчества в обычный разговор. По форме, но не по смыслу.

– Только ведь не можем мы так пр-р-росто отдать Р-р-реликвию... Пр-р-ридется с фор-р-рмальностями.

Самое слово «формальности» в огрском исполнении зву-

чало равно нелепо и устрашающе. Вроде мощного свстосбро-са, зажатого в драконьей пасти – то ли впустую хрупнет на зубах, го ли рванет в мелкое крошево, то ли от случайного нажатия на спуск исполосует лучом все до горизонта.

– Огр-р-рТинг завтр-р-ра пр-р-риговор~р-рит, что тебе сделать пр-р-ридется, – уточнение оказалось не лишним.

Авось еще обойдется... Народ в целом не способен придумать что-нибудь особо заковыристое, так что задача будет простая. Насколько исполнимая – это уже другое дело. Но хотя бы не специально замороженная, затрудненная, как те формальности, к которым привычны у нас в Анарисс.

Воодушевление от такого вывода малость перехлестнуло через край. Во всяком случае, пытаться хлопнуть по плечу совсем уж задумавшегося ОгроСтаросту явно не стоило. Даже подпрыгнув, я не дотянулся до вздымающейся ввысь фигуры. Приземлился обратно на крышу, крякнул и успел только помахать рукой в ответ на прощальный взмах удаляющегося старика. Тот, видно, счел, что большего недолгое расставание до завтрашнего утра и не требует.

В этом сановный огр, несомненно, был прав. Пора и мне на боковую...

Голову наутро ломило так, будто на нее по очереди падали все здешние булыжники с высоты всех окрестных гор. При попытке выбраться из-под мехового одеяла и ополоснуть физиономию я только сверзился с топчана, найденного вчера

на ощупь, и перебудил семейство.

Умывание не помогло, поэтому пришлось от кадушки с водой перебраться поближе к бочонку с пивом. На счастье, весь запас мы вчера не истребили даже при поддержке Огро-Старосты. Удержать в себе первые несколько глотков оказалось нелегко, но затем дело пошло на лад и даже появилась мысль о завтраке.

Слава Судьбе, стараниями Алир мы не испытывали недостатка в съестном. Запасливость подопечной можно было только похвалить. Наскоро умывшись, она сама и Хирра с Келлой присоединились ко мне. С вечера запасы сохранились наилучшим образом – до утра не дожили только пряники, или что это там были за печеные уродцы с медовым запахом. Но склонность светлоэльфийской дивы к сладкому уже стала для нас привычной.

В результате к остатку' пива, кое-как унявшему лому в голове, сыскалась вполне приличная закуска. Пивовары из огров, похоже, не лучшие, раз даже присутствие лечебных по своей сути эль-фей лишь ослабило мое похмелье. Им-то самим вчерашнее бесследно сошло с рук, прежде всего, по причине меньшего количества выпитого.

Впрочем, попытка позавтракать нелегко далась не мне одному. Наибольшее неудобство всем нам причинило совершенно неожиданное затруднение – вся мебель в доме была огрской, а стало быть, непомерно большой. Топчаны мне по пояс, на каждом из которых свободно можно улечься вчет-

вером; стол, заглянуть на который получалось, только подпрыгнув; кресло-качалка величиной с легкого штурмового кадра...

Более-менее подошел мне по размерам один-единственный стульчик. Точнее, сиденье и спинка у него соответствовали моему росту, а высота в целом была даже побольше прочих – пришлось едва ли не на пять футов карабкаться вверх по здоровенным поперечинам. Зато относительно столешницы мое тело оказалось в нормальном положении.

Отчего оно так, я бы долго не догадался, если б мои эльфочки заботливо, по-женски, не просветили мужа и повелителя. Оказывается, я узурпировал детское креслице!

Ну и ладно. Дырка для горшка в сиденье крышкой прикрыта, и то счастье. Женам же с их эльфийским ростом на обычных здешних стульях приходилось елозить подбородками по столешнице, как малышам, посаженным родителями за взрослый стол. Так что кто еще оказался в положении малолетнего...

Завтрак был в самом разгаре, когда высоко над столом, в кровле, что-то зашуршало, и на стол с пронзительным «пиу!» мягко шлепнулся серый пушистый клубок. На мгновение все мы замерли, а потом Алир взвизгнула:

– Мышь!!!

В ответ на это со стропил на стол, на пол и на нас посыпался целый дождь пушистых серых шариков. В надежде спастись от мохнатого пищащего дождя светлая эльфь попыта-

лась запрыгнуть на спинку своего стула и повисла на ней, опасно балансируя. В отличие от нее, жены реагировали спокойнее, просто прикрывшись руками, а сам я, словно битой для крикета, отмахивался от неожиданных пришельцев колбасой.

Понятно, что сами мохнатые гости были напуганы еще пуще подопечной. Серые пушистые шарики размером в кулак, с треугольными ушками и ярко-зелеными, словно весенняя листва, огромными глазами метались по комнате, скребя невидимыми коготками и нежно попискивая. На мышей они не походили, скорее на котят, подобранных хвосты и лапки так, что не видно.

В тот момент, когда последний серый клубок забился в щели между слагавшими стены камнями, входная дверь скрипнула и распахнулась настежь. Тут нервы не выдержали уже у всех – Алир грохнулась-таки со спинки стула на топчан, а все остальные, включая меня, просто подпрыгнули.

Огрюшку с пятиведерным чайником горячей воды такая встреча потрясла. На наше счастье, по присущей ее народу флегматичности орать она не принялась – только рот открыла и ресницами захлопала быстро-быстро. Причем тут же опомнилась, когда Келла хладнокровно выпутала из медовой гривы и предъявила для опознания притаившийся у нее на плече серый клубок.

– Это кто такие? – моя древнейшая повертела неизвестную тварюшку в пальцах и спустила на пол.

– Флафы, – по-огрски невозмутимо ответила девчонка, взгроможда чайник на табуретку высотой мне по плечо. – Они всегда... – что «всегда», осталось невыясненным по немногословию, присущему даже столь юной представительнице горного народа.

Клубок тем временем высунул узенький, словно ивовый лист, и такой же зеленый язычок, подобрал им почти невидимую соринку и с явным облегчением удрал следом за собратьями. Похоже, с мышами неизвестных зверьков роднила только манера шуршать по углам.

Появившийся кипяток позволил завершить завтрак парой кружек кофе – пусть не столь изысканного, как сделавшийся привычным по Хисаху, но после сегодняшней ночи и утра явно необходимого. А заодно и сполоснуть руки после всего.

Обрадованные наличием горячей воды, жены и подопечная явно нацелились на более расширенный вариант утреннего туалета. Я предпочел выйти пройтись и обдумать предстоящие дела, не желая смущать не столько семейство – эльфийское отсутствие стыдливости уже сделалось для меня привычным, – сколько взявшуюся исполнять обязанности горничной огрскую девчущку, на человеческий счет не перевалившую лет двенадцати.

Снаружи поутру было холодновато. Все-таки осень в горах – не то, что на равнине, это внизу будет стоять теплынь еще добрый месяц, а здесь изморозь сойдет с камней только к полудню. Так что приходилось двигаться побойчее, да

еще вертеться с боку на бок— холодом тянуло только снизу, а сверху припекало яркое горное солнышко.

Жаль, недолго ему состязаться с утренними заморозками на равных. Окрестные горы уже почти затянуты снегом, а с самого высокого пика на дальнем краю долины снежный язык протянулся вниз чуть ли не до зелени альтииских лугов. Не ледник — какой ледник на остром гребне! Просто в этом месте зима будто продвинулась намного глубже, почти полностью вступив в свои права.

Внезапно я понял, отчего это произошло. Демон не зря показал свою власть у постоянного двора... Если все-таки придется с ним разбираться, логово могущественной нежити не надо будет искать долго.

Впрочем, задумываться об этом было пока рановато. Лучше толком осмотреться вокруг, на что вчера не нашлось времени. Чтоб хотя бы место собственного обитания не потерять.

Насчет последнего я, конечно, малость пережал. Заблудиться среди строений, неожиданно невысоко поднимающихся над землей, было почти невозможно, а то из них, где нашло приют наше семейство, спутать с прочими и того труднее — в остальном как две капли воды похожая на остальные землянка располагалась выше всех по склону.

Роскошная хибара... Словосочетание это при всей противоречивости наиболее точно обрисовывало любую огрскую постройку. Все здесь было сделано добротно, всерьез и на-

долго, но как-то чрезмерно просто. Не бедно даже, а скупое, без намека на малейшее излишество. Словно в самом начале заселения мира разумными – «когда Отец летал, Мать пела...»

Приговорка эта времен бунта Суганихи Кровавого продолжалась вопросом: «Кому до эльфов было дело?»

А здесь и сейчас, в самом сердце Огрогор, эльфом, до которого всем дело, оказался я, грешный. Ничего себе образчик породы! Жены и подопечная в этом смысле показательнее, но порода по самцу считается. По обезьяну – обезьяна, по мышку – мышка, по эльфу – эльф. Так что за всех Инорожденных разом теперь отдуваться мне, а не женской половине семейства.

Это ведь именно в их окоп файрболл. Леонистский лозунг гласил, что во времена явления первой расы разумных ничего лишнего, вроде богатств с богачами, законов с законниками, магии с магами и прочих изощрений, на которые сильны эльфы, не было и в помине. Жизнь от этого, понятно, происходила слаще меда и легче перышка. Глядя на быт огров, в полной неприкосновенности сохранивших первозданные привычки, отчего-то даже верилось в такую благодать.

Особо легкой жизнь в суровой простоте горного климата, раумсется, быгь не может, но от городской суеты она свободна без сомнения.

Другое дело, что на с голь скудном основании ничего

сложного и не выстроишь. Начиная с помянутого города – столица Офии больше напоминала село, разросшееся до гигантских размеров. Только вместо магистрата тут ступенчатый помост с колоннами и навесом, памятный но вчерашнему празднеству, а на месте, подходящем для храма, виднелось здоровущее сооружение из оплывших за тысячелетия огромных плит. Вроде трибун на хисахском Парадном Причале или у нас на Иппотроме, только двумя дугами напротив друг друга. Между ними имелась продолговатая площадка, залитая давно застывшей каменной смолой, окруженная неглубоким ровиком, обнесенная невысокой каменной оградкой с каменными же воротами по обеим коротким сторонам. Ярдах п двадцати от каждой ворот на поле имелся ряд каменных зубцов типа противокадавровых надолб.

Понятно, что всё это выстроено с поправкой на огрский размер. Го есть скамьи на трибунах мне выше пояса, а специальных лестниц с шагом поменьше и вовсе не предусмотрено. Плюс щели между плитами такие, что так до конца и не заплыли камнем за все тысячи лет с самой Войны Сил. Или того дольше – с огров стало бы возвести этакую постройку раньше первого жилья, для порядка или того, что они под ним понимают.

Прямо из лих самых щелей в стенах пробивались некие странные кусты. В округе таких, во всяком случае, больше видно не было. Да и вообще нигде до того они мне не встречались. Только тут, в долине, на огрских домах, а уж на этой

постройке – особенно густо.

Редкие пучки толстых прямых стеблей в маслянисто блестящей плотной коре темно-вишневого цвета торчали неровными метелками и вдобавок были украшены редко посаженными травянисто-зелеными почками. Надо бы узнать, что это за образец декоративной флоры. Паразит или дань огрским представлениям об украшении жилища?

Как нельзя вовремя мимо по своим делам проходил пожилой огр, углубленный в себя настолько, что никак не отреагировал на приветственный возглас и даже на более громкий окрик. Дальше драть глотку на холодке мне не особо хотелось. Однако привлечь его внимание другим способом оказалось несложно: всего-то забежать вперед и помахать руками, как матрос-лидер, выводящий флайбот из ангара. Даже пинать не пришлось. И то хорошо. А то внимание было бы не столь дружелюбным.

Правда, и без того означенное дружелюбие ограничилось остановкой, медленным поворотом головы и взглядом исподлобья. Да еще прислоненной к уху ладонью, показывающей явную слабость слуха ее обладателя.

Стараясь подходчивее разъяснить предмет своего любопытства, я усердно потыкал пальцем в толстые стебли с почками и как можно более отдельно и громко проорал:

– Что? Это? Такое?

Огр наградил меня взглядом, достойным магистра психиатрии, созерцающего самый тривиальный случай слабоумия

в своей жизни.

– Флафы, – ответил он в одно слово, после чего отвернулся и отправился своей дорогой, по-видимому, сочтя ответ исчерпывающим. Даже не добавив, к примеру, «они везде».

Ну да, флафы. Если что-то скребется в углу, бегают по стенам и по полу, падает с потолка прямо на физиономию – флафы. Если другое что-то растет прямо из стен дома – тоже флафы. Наверное, для огров сплошные флафы все, что не они сами, не их жильё и утварь. Любая помеха размеренной жизни горных громил именуется флафами. Кроме гор, неба, воды и погоды, для каждой разновидности которых есть свое отдельное слово. Они, собственно, и составляют суть огрско-го бытия...

Похоже, мы с нашей экспедицией обещаем стать для них самыми грандиозными флафами столетия. Если, конечно, не сумеем досадить огр-скому племени настолько, что удостоимся-таки отдельного определения. В силу регулярности и размера доставляемых неприятностей...

Обойти всю долину за одно утро, конечно, не удалось бы – тут и целого дня может оказаться мало. Но познакомиться с ее обитаемой частью я смог. Хотя из-за огрских масштабов и отсутствия многоэтажных зданий Оград раскинулся едва ли не шире куда более крупного города.

Отчего-то горный народ не строил для жилья ничего выше землянок. Да и те поднимались над поверхностью каменистого грунта лишь до небольших окошек, прорубленных

у самого потолка.

Вдоволь подивившись причудам местной архитектуры, я было направился обратно, но на полдороге встретил небольшую процессию, состоявшую из ОгроСтаросты, моего семейства и присланной с утра огрюшки. Та, чрезвычайно гордая, торжественно несла обратно все тот же здоровенный чайник, судя по всему, уже пустой.

– Пр-р-рисоединяйся, Пойнтер-р-р, – приглашающе махнул лапищей громадный старикан.

– Зачем это? – отчего-то недоверчиво спросил я в ответ.

– Огр-р-рТинг тр-р-ребует, – не особо вразумительно пояснил ОгроСтароста.

Ну, если требует, видимо, есть основания. К тому же перед всенародным огрским собранием можно поставить тот самый вопрос, что привел меня в эти горы. Не тратя времени попусту, без особых церемоний, как и положено с первыми детьми Матери. Сказано же было вчера– «о за-трудностях с утра поговорим».

По местоположению и составу ОгрТинг ничем не отличался от вчерашней церемонии встречи, то есть проходил на том же самом помосте в окружении всего населения долины. Трудновато два дня подряд бросать дела ради странных чужаков...

Впрочем, на сей раз причиной всеобщего собрания, похоже, были не мы, судя по тому, что почетное место посередине Праведного Проема занял самолично старейшина огрско-

го народа. Нам знаком было указано оставаться на месте – прямо перед проемом, ровно посреди между ступенями помоста и толпой огров.

Подняв обе руки вверх, ОгроСгаросга при «пал присутствующих к тишине. А затем раскатисто, как что нас чуть не вмяло в строй позади возгласил:

– Сакр-р-ральная Игр-р-ра!!!

Ответным многотысячеголосым криком нас, в свою очередь, чуть не бросило на помост. Явно эга игра будет здесь основным событием года – или я ничего не понимаю в горном народе. Громкость у него – основной показатель важности происходящего, как и разрушительность последствий. А уж определение «сакральная» гарантировало уникальность и масштаб предстоящего действия. Да еще и непосредственное обращение такового к Судьбе.

Все перечисленное давало возможность предположить, что Сакральная Игра неспроста объявлена на второй день нашего присутствия. Мимо нас она не пройдет, каким-нибудь боком да затронет...

Прямое доказательство этой догадки не заставило себя ждать. Порывшись в поясной сумке, ОгроСгаросга извлек что-то металлическое, повертел в толстых, как ливерные колбаски, но куда менее гладких пальцах, расправляя пластинки и звенья...

И поднял над головой Длань Справедливости!!!

Не узнать Реликвию, даже не выдав ее прежде ни одно-

го раза, было невозможно. Просто никаких других изящных металлических перчаток явно зльфийской, а то и вовсе древнейшей работы в Ограде быть не могло. Поскольку огр не надевал ее, размер перчатки оставался соответствующим руке эльфа... Или человека.

Восторженный вопль толпы опять шарахнул по ушам, заставляя что-то сжаться внутри. Народ приветствовал талисман, одним своим присутствием хранивший долину от демона, отнятый у того и обращенный против похитителя. А теперь необходимый мне... нам... Анарису... всему миру!

– Пр-р-р-риз Сакр-р-ральной Игр-р-ры! – громогласно объявил держащий Реликвию старик. – Пр-р-ринадлежит Избр-р-раннику Судьбы!!!

Вот как... Оказывается, уникальный артефакт выставляется на кон. Ритуально – или взаправду? Если последнее, то есть шанс заполучить Реликвию вполне законным путем, без интриг и прочих подозрительных придумок.

– Пр-р-ринимаю пр-р-ретенентов! – подтверждая эту мысль, возвестил ОгроСтароста. – Кто пр-р-редьявит пр-р-рава?!

Мне определенно не показалось, что при этом он скосил взгляд в нашу сторону и подмигнул.

Вот, стало быть, каковы обещанные вчера «формальности» при передаче ценнейшего артефакта. Неплохо потрудились посланники Анарисса, доводя до сведения горного народа нашу потребность в Реликвии Пусть и не вынудили от-

дать се запросто, но явно что-то подвинули в огрских головах.

Упустить такой шанс было невозможно, пусть даже я не понимал толком, во что ввязываюсь...

– Я!!! Я предъявляю право! – заявил я во весь голос, подняв обе руки. Что еще надо добавить по ритуалу, я не знал, но понадеялся, что сказанного хватит.

– Подтвер-р-рдишь в Игр-р-ре?! – полувопросом-полунамеком помог мне старейшина.

– Да, – согласился я. На большее моих сил и соображения не хватило.

ОгроСтароста удовлетворенно кивнул. Народ позади не то чтобы взревел, но зарокотал с оттенком удивления и каким-то странным восторгом пополам с предвкушением. Кажется, Сакральная Игра не настолько уж ритуальна. Настроение толпы указывало на ожидания скорее спортивного, нежели религиозного типа.

Похоже, любое действие отвлеченного характера огры сводят к наиболее грубым и зримым его сторонам, а то и во все лишь изображают условно. При этом весьма старательно, но не особо подробно. Вот и сейчас завершение ритуала вызова прошло скорее с азартом заключения ставок ипподромного тотализатора.

Под одобрительный гул всех собравшихся огров старейшина одного за другим выкликнул четверых игроков, по числу моего семейства. Это заставило меня задуматься – во что

же я втянул своих эльфочек?

Имена предстоящих соперников я в силу этого как-то упустил. За исключением Надда Короткого Колеса, оказавшегося абсолютно кубическим экземпляром огрской породы – вширь и вглубь едва ли не больше, чем ввысь. Фигуры остальных игроков тоже отличались сходной основательностью, что вызывало вполне определенные подозрения относительно их боевых качеств.

Вежливо раскланиваясь и осторожно пожимая руки мне самому и женской половине семейства, эти обтянутые мехами кубари закрутили, завертели и окончательно сбили всех нас с толку. Во всяком случае, ни от жен, ни от подопечной я не дождался ни единого замечания по поводу моего внезапного порыва помериться с ограми удачей и силами в игре, искони привычной горному народу. Как-то внезапно все закончилось. Толпа разбрелась еще в процессе взаимного представления команд, а когда наших будущих соперников увел Тугге Полторы Бороды – видимо, служивший тренером огрской сборной по собственной невозможности играть, – рядом остался один ОгроСтароста.

– Игр-р-ра послезавтр-р-ра, – сообщил он нам необходимую информацию.

Хотя бы не сегодня после обеда, спасибо и на том. За пару дней чистого времени можно разобраться в любых правилах, да и потренироваться. В спортивной форме жен я не сомневался, а подопечную, возможно, удастся пристроить к

какому-нибудь делу, где ловкости не требуется. Только сила втрое меньше огрской, но чуть ли не вдвое больше моей собственной...

Запал оптимизма как-то сник, когда до меня дошло, что самым слабым звеном в предстоящем состязании оказываюсь я сам. С главной задачей не то чтобы выиграть, а просто уцелеть.

– Как там с игровым членовредительством дело обстоит? – не смог удержать я в себе мрачные размышления. – А то еще прикончите ненароком...

– Огр-р-ры нар-р-род добр-р-рый. Никого не пр-р-рикончат, – добродушно прогрохотал староста. – Пр-р-роигр-р-раете – сами обр-р-ратно в Анар-р-рисс отвезут. Пр-р-рямо с поля, на площадь Тр-р-риумфа.

Ну что ж, больница как раз на этой самой площади, так что шанс выкарабкаться в случае проигрыша остается. Правда, у меня мелькнуло какое-то смутное воспоминание о ежегодном огр-ском безобразии на этой самой площади, но детали никакие не всплыли. Только что-то вроде присловья: «Огры гуляют – перья летают»...

К чему это, припомнить так и не удалось. Хотя, судя по размерам и силе разгулявшихся огров, а также по основной для них работе на стройках, тут не перья, а доски летать должны. Или уж вовсе балки с кирпичами.

Впрочем, после сегодняшнего откровения насчет правил перехода Реликвии от владельца к владельцу от населения

Ограда можно ожидать вообще чего угодно. Фраза, в которую сложился этот вывод, сама собой получилась по-местному грохотливой и взрыкивающей: «Огр-р-ры – нар-р-род непр-р-редсказуемый...»

Дома – сегодняшнего заседания ОгрТинга хватило, чтобы нечувствительно начать считать землянку пусть временным, но домом – я, не теряя времени понапрасну, полез за хрустальным шаром. Другого источника сведений о Сакральной Игре здесь не найдешь. Самих же огров расспрашивать с одной стороны, муторно, с другой, не по чину как-то. Обстоятельность горного народа не позволит к началу игры дойти и до середины разъяснения, а весть о том, что гости взялись ИИрагь, не зная праг.ил, уничтожит всякую надежду на успех предприятия. Как что лучше стороной разузнать или хотя бы попытаться выяснить, чем славна Сакральная Игра.

На счастье, связь из гор была устойчивая, не то что из мсканских болот, а сведения о предмете нашего интереса в эльфийском Апариссе имелись. Любознательность Инорожденных-книжников, проистекающая то ли от многовекового безделья и стремления заполнить жизнь занимательным хобби, то ли от природного любопытства, сослужила нам хорошую службу.

Для удобства работы шар пришлось утвердить в глиняной миске подходящего размера. Специальных подставок для этой цели у огров в хозяйстве не водилось, а офицерский ко-

жанный чехол закрывал слишком многое. Блюдечко же, хоть и самое маленькое, все равно оказалось значительно больше портативной четырехдюймовой сферы, и от любого тычка та принималась кататься с боку на бок, а то и кувырком, словно «яблочко» по тарелочке архаичного иллюзора.

А желчущих ткнуть в какое-нибудь световое пятно кончиком ногтя сразу же оказалось предостаточно. Когда внутри сияющего хрусталя замерцали схемы и послышались нарезанные на медь голоса пояснений, жены с подопечной сразу же подтянулись к столу.

Из всех, правда, только у нас с Кселлой оказались навыки командной игры. Самому дворовый волейбол крепко памятен, а моей древнейшей по многопрадедовой милости вообще пришлось переиграть с детьми арендаторов чуть ли не во все существующие игры, от альтийского керлинга до тесайрской лапты. Хирре с ее привычкой руководить отрядом загонщиков во времена Охотничьего Клуба тоже пришлось объяснять не так много.

Зато с Алир мы намучились. Высокомерие Ино-рожденного семейства, наложенное на столетия чрезмерной заботы многочисленных нянюшек, дали совершенно неопишуемый результат: для светлоэльфийской дивы оказалась в новинку сама идея играть не «во что-то», а «с кем-то»!

– Ну хоть со старшей сестрой вы играли?! – поинтересовался я, доведенный до пределов изумления такой дремучестью.

– У Леах одна игра была, – грустно вздохнула Опушечная и словно на память воспроизвела: – «Я кого-нибудь побью, а ты будешь плакать»...

Семейка, однако! Хотя после эпизода с демоном от них чего угодно можно ожидать.

Объяснить подопечной само понятие команды оказалось более-менее возможно лишь потому, что на поле выходило по четверо игроков с каждой стороны – двое битников, отбойник со щитом и воротарь. Как раз по числу членов моего семейства... Оставалось распределить роли в соответствии с тем, что удалось понять об игре и ее правилах. За это я взялся самолично.

– Мы с Келлой поменьше, значит, возьмем биты. Хирра, тебе – щит. А Алир на ворота поставим, там никакой активности не нужно. Лови все, что прилетает, и только...

На том, что прилететь могут не только мячи, но и двенадцатифутовый огр либо кто-нибудь из нас от удара вышеупомянутого огра, я заостряться не стал. Будем надеяться, что защита и нападение в нашем исполнении не подкачают. Шансов на выигрыш и проигрыш предоставляется маловато – кому два раза прилетел в ворота мяч, тот и проиграл. Ибо в Сакральной Игре, как и в жизни, Судьбу испытывают трижды...

Вплоть до самого вечера мы смотрели записи игр. Не на Сакральном Стадионе, понятное дело, а на площадках, устроенных по его подобию, с деревянными воротами и сва-

ями вместо каменных надолб в штрафной зоне. Похоже, играли в это везде, где поселялось восемь взрослых огров. То, что я раньше не удосужился видеть данное подобие Сакральной Игры, объяснялось тем, что площадки всегда были вынесены за городскую черту. А я к фермерскому бытию не склонен со времен первой учебки, располагавшейся как раз в сельской местности. За стены что города раньше, что поместья меня так просто не выгонишь, а если уж выбираюсь, то исключительно по поводу серьезному и не слишком приятному. Вроде нынешнего.

Хотя пока жаловаться мне особо не на что. Вот послезавтра, если огры нас побьют, могут появиться причины. Да и в случае победы без травм вряд ли обойдется. Надо с утра приложить усилия к тому, чтобы обзавестись битами, щитом, да хоть немного потренироваться двое на двое...

День, прошедший в тренировках, не запомнился ничем, кроме усталости и неумного аппетита, нажитого в процессе беготни. Биты и щит по мерке огры сделали прямо при нас – обрезать и выгладить наждаком пару жердей толщиной в запястье да сплести из прутьев круг вроде донца для корзины дело нехитрое.

Чтобы добровольные помощники не слишком досаждали нам советами, для практики мы избрали площадку за небольшим отрогом, почти у самого водопада. Точнее, места, где тот был до иссушения Среброречки демоном, замо-

розившим верховья.

Ограм, впрочем, было чем заняться и без нас – чуть ли не все население долины скопилось за стадионом и вокруг него. Наверное, чистили, мыли и готовили сакральное сооружение к главному матчу. До самой ночи возились со здоровенными бочками на колесах, даже в темноте что-то делали при свете факелов. Хорошо, что в здешних горах достаточно каменной смолы для такого освещения...

Утро дня Сакральной Игры мы встретили не столько вымотанными телесно, сколько до предела напряженными душевно. Во всяком случае, я не мог думать ни о чем, кроме того, что на кон поставлена судьба Реликвии, призванной исправить летальные повреждения в мире. Да еще о том, что у меня в этой игре меньше всего шансов остаться целым. Просто по росту и силе.

За час до полудня надо было идти на Сакральный Стадион. Посыльных-проводящих по этому поводу не полагалось, так как на смену законам гостеприимства в действие вступил ритуал самой игры, согласно которому к месту ее проведения полагалось являться самостоятельно, без напоминания, и в полном молчании.

ОгроСтароста, тоже молча, встретил нас и предстоящих соперников у ближних трибун и повел направо, в обход каменного строения. По случаю исполнения судейских функций в матче старикан вооружился булавой, на пару футов превышавшей его собственный рост и увенчанной медным

шаром с две моих головы размером.

Выходить на площадку игрокам предстояло не через обычный, всегда открытый вход для зрителей, а с противоположной стороны. До поры до времени тамошний проход скрывали исключительных размеров створки ворот, вроде тех, какими жители атинских джунглей отгораживаются от мифического гиперуранга. Что снаружи, что изнутри исполинского строения, двойным комплектом.

Сейчас эта преграда была убрана, и за ней открылась каменная арка с проемом высотой в дюжину футов, неуловимо напомнившая Ворота Лжи с картинки в учебнике, только без особой извращенности формы, которая и дала тем наименование. Простая, как обычная виселица, – два столба с перекладиной, но не ю дерева, а из камня, сплавленного для прочности заклятием. Разве что низковата для этих целей, лишь мелких зеленых гоблинов и можно вешать.

– Пр-р-равило... Кто по р-р-росту не пр-р-рой-дет – к Игр-р-ре не допускается! – любезно сообщил ОгроСтароста.

Вот, стало быть, сквозь какое ограничение не пролез Тугге Полторы Бороды, лишенный права участвовать в Сакральном времяпрепровождении своего народа. Слава Судьбе, а то только его сегодня и не хватало бы на поле. И без того неизвестно еще, как справимся...

В отличие от огрской команды, толпившейся перед воротами довольно робко, мы прошли в проем без сомнений и затруднений. Трудности начались потом, когда площадка

для Сакральной Игры, странно поблескивавшая за фигурами тех, кто стоял впереди, предстала перед нами во всей красе.

Поле, по-прежнему на добрый фут заглубленное в землю, окруженное неглубоким рвом и обнесенное невысоким валом, теперь почти вровень с краем оно было залито свежей каменной смолой. Вот чем занимались хозяева целые сутки перед матчем!

Все три эльфочки у меня за спиной зашипели на разные голоса: две агрессивно, а одна обреченно. Догадываюсь, кто именно...

– Ты знал?! – обе моих женушки, каждая со своей стороны, абсолютно синхронно вцепились мне в уши острыми коготками.

– Если б знал – сказал бы!!! – смиренно прорычал я, пытаясь высвободиться.

Алир была близка к обмороку. Да и я ожидал чего-чего, но не этого. Скорее, уж чего-нибудь способствующего членовредительству, а не наоборот, пусть и столь оригинальным образом. Вот как, оказывается, огры борются с игровым травматизмом...

Не спорю, эффективно. Расшибиться насмерть шансов никаких, если за край не выкинут. Вот только отмываться после этого действия придется не просто всерьез, а свирепо и беспощадно. Та еще баня получится – хуже, чем сама игра.

Неожиданно я усмехнулся. Не думал, что подобная

неожиданность заставит позабыть о страхе перед грядущей потасовкой. Однако предыгровой мандраж исчез начисто, уступив место какому-то неуместному ехидству. Едва сдерживаясь, чтобы не захихикать, я тихонько поделился с женами и подопечной внезапно пришедшим на ум соображением.

Те посмотрели на меня, как на окончательно и бесповоротно сумасшедшего. Конечно, чего еще ждать... На здоровенных и самоуверенных от природы эльфей это «лекарство» не подействовало – они-то, в отличие от меня, изначально не испытывали страха перед увечьем. Зато предстоящая всем грандиозная пачкотня с последующим тяжким отмыванием выделась женщинам эльфийской крови истинным бедствием, еле сопоставимым по цене с призом, выставленным на кон Сакральной Игры, и его значением в деле спасения баланса стихий, слагающих мир.

Пожалуй, даже угроза Мировой Погибели не заставит их выйти на поле и пройти все, что должно, насколько бы сакральным и ритуальным ни было предстоящее купание в черной липкой жиже. Смола была проста, безусловна и сиюминутна, как и все прочее в родной стране огров, а конец всего сущего – отдален и, по большому счету, не слишком реален...

Куда более мрачным тоном я высказал вслух и последние выводы. Просто оттого, что не сумел удержать их в себе при всем нежелании добавлять женам и подопечной невеселых мыслей.

К моему удивлению, после этих слов готов мости на лицах обеих Инорождсних и единственной древнейшей оказалось куда больше, чем можно было ожидать. Особенно у последней – Келла словно переняла у меня самого жесткую ухмылку, оглядывая расстилавшуюся перед нами черную, жирно блестящую гладь игровой площадки.

– Что стоим? – неожиданно перехватила она и прочие составляющие моей обычной роли, от необходимости командовать до грубоватого тона. – Все, что нас не убьет, надо попробовать хоть раз! Представьте, что это обычная ванна из взбитых сливок с медом, и вперед!

До последнего сравнения я бы не додумался. По простому незнанию косметических процедур, привычных высокородным обитательницам замка Сгийорр, да и прочих эльфийских замков и городских поместий.

На Хирру, а пуще того на Алир этот пример оказал поистине чудодейственное впечатление: одна перестала хмуриться, напряженно всматриваясь в смоляное поле, а вторая даже заулыбалась, очевидно, припоминая приятный опыг подобных купаний:

– Ага, и с клубникой...

За время нашего ммешатсльсгва команда соперников успела пройти на противоположную сторону поля, а ОгроСгаросга и помогающий ему Туігс Полторы Бороды – занять места на возвышениях ровно посередине фибун. У каждого в распоряжении оказался бронзовый гонг, на кото-

ром без проблем можно было бы зажарить вес мое семейство, надумай кто-то использовать измятые многочисленными ударами чаши в качестве сковородок.

Не ожидая более никаких примет и сигналов, судьи с размаху саданули по гонгам булавами. Будь я лавиной, от громового дребезга непременно сошел бы, не с гор, так с ума. И так ноги словно сами собой вынесли на поле что нашу команду, что соперников.

Следующим деянием судей было вбрасывание мяча. Посредством той же булавы, используемой наподобие крикетной биты, ОгроСтароста отправил увесистый кожаный шар точнехонько на середину поля.

Тут уж хочешь не хочешь, а пришлось со всех сил нестись туда, торопясь, чтобы команда противника не успела завладеть мячом раньше. По причине легкости нам удалось достичь цели первыми, но удачи эта поспешность не принесла – подоспевшие огры смели нас в мгновение ока, немилосердно окунув в смолу старшую жену, а меня самого, видимо, спутав с мячом, отправили в недолгий полет до самой штрафной зоны.

Младшая жена чудом увернулась от первой атаки и даже сумела как-то обрушить одного из битников. Второй же без проблем добрался до надолб, где я безуспешно пытался придать себе вертикальное положение, и с победным ревом врезал битой по подброшенному мячу. Тот прогудел мимо меня черным фэйрболлом и звонко впечатался в выставлен-

ные перед собой ладони подопечной, разбросав вокруг веер брызг.

От полученного удара та перекувырнулась в воздухе и вверх тормашками влетела в ров за воротами. Всплеск был такой, что упавший между опорами мяч вынесло волной обратно в штрафную.

Позади наших ворот тут же объявилась пара донельзя серьезных огрят, укрепивших в специально выдолбленном камне шест со связкой жертвенных лент и шнуров. Это было видно в подробностях, ибо как раз в тот момент я добрел до рва, опустил в смолу и так уже грязную руку, пошарил там и извлек на поверхность отчаянно барахтающуюся и фыркающую Алир.

– Мяч из рук не выпускай! Что бы ни было – не выпускай!!! – проорал я прямо ей в ухо, одновременно кое-как обтирая ее физиономию. – Вчера же все выходило, как надо!

– Помню... не буду... – закивала эльфь, обтекая черным блеском. – Я... смолы испугалась...

– Больше бояться нечего! – не сдержал я ухмылки. – Сильнее не измажешься.

– Ага, – печально вздохнула та, признавая неопровержимую справедливость сказанного, и затрепыхалась, вставая на ноги. Что ей, что Хирре, что мне самому дальнейшие купания уже не грозили ничем принципиально новым. Не врежься я в надолбу, сам закончил бы свой полет в том же рву.

– Удар Судьбы принят! – возгласили со своих возвышений

судьи, подводя итог первой атаке хозяев поля и нашему разговору. После забитого мяча они снялись со своих возвышений и, степенно обойдя поле посолонь, поменялись местами.

Гонги грохнули и загудели снова, объявляя о продолжении игры. Выбить мяч удалось далеко за середину поля, но это не помешало огрской команде повторить разгромную атаку. Отличий было немного – на сей раз с головой в смолу загнули Келлу, а я летел уже не до надолбы, а до самых ворот. Зато в обнимку с мячом, который на сей раз в них не попал.

Третья и последовавшие за ней столь же сокрушительные атаки завершились для хозяев поля столь же безуспешно. Мы с женами наловчились гасить огрский напор без особых последствий, а подопечная освоилась на своем месте.

Мяч и теперь с завидной регулярностью сносил Алир в ров за воротами. Пару раз она, похоже, решала вообще не выныривать, но мы с Хиррой и Келлой попеременно извлекали ее и выставляли обратно в штрафную зону. К чести Опушечной, мяча из рук она при этом не выпускала, так что ни один гол нам больше не засчитали.

Наши же ответные удары, когда их удавалось провести сквозь массивную, но отнюдь не медлительную защиту, с легкостью ловил и отбивал воротарь противника. В таких же, как наши, воротах огра было ощутимо больше – как в силу относительных размеров, так и по наличию несравнимого с нашим опыта.

Единственный раз, когда мы сумели воспользоваться си-

туацией, открывшей нам путь, случился оттого, что, поскользнувшись, я въехал под ноги ближайшему к воротам битнику. Хирра кинулась вытаскивать мужа и повелителя из-под здорового огра, приведя за собой отбойника со вторым битником, капитаном огрской команды, усугубивших кучу малу. Воротарь подался из порот в нашу сторону, ожидая подвоха.

Мяч удалось по-оильярдному выпихнуть в сторону оставшейся без присмотра Келлы. Та не подвела и врезала оитой так, что только брызги полетели. Слишком поздно мметивший тго огр не успел ни развернуться, ни закрыть проем своим телом.

Деловитые огрята укрепили за воротами противника такой же шест в лептах, как и за нашими. Судьи опять поменялись местами, готовые возвестить продолжение игры. Счет сравнялся. Теперь от последнего гола зависит, кому владеть Дланью Справедливости, а кому ехать в Анарисс в смоляной бочке...

Ребра ломило не по-хорошему, в глазах темнело. Цена единственной успешной атаки оказалась такова, что надеяться на ее повторение не приходилось. Да и не поведутся огры дважды на одну уловку. Разве что на какую-нибудь другую...

Гут-то, как никогда вовремя, мне в голову пришла великолепная идея. Я поднял биту над юло-пой, пару раз звонко чавкнув по ней ладонью – тайм-аут.

ОфоСтароста и Тугте, подтверждая, хрястнули булавами

по гонгам. Огры недовольно побрели на свою половину ноля. Моя команда не оолее весе –лым шагом направилась в мою сторону. Но добралась-таки, хоть и не слишком спешила.

Па меня, тяжело дыша, уставились три блестящих смоляных статуи. Эльфочки устало согнулись, упираясь ладонями в колени широко рас ставленных ног. Самое странное, что даже в таком виде я легко различал, кто есть кто. Причем не по разнице в росте – она в этих позах не читалась. Ничего, «ведьмин самогон» все смоеет. А пока есть дела поважнее, чем жалость с чистоплотностью.

– Не раскисать, барышни кисельные! – взбодрил я команду. – Меняем диспозицию!

Три эльфи вскинулись, больше от обиды, чем от энтузиазма, но слушать не перестали и даже не перебили. Уже хорошо.

– Мы с Келлой "устраиваем бардак в центре поля, так, чтоб они забыли, где закат, где восход. Хирра! Ворота теперь только на тебе! Держись у штрафной, бей щитом в зубы, если подойдут!!!

– А как же я?! – обиженно всхлипнула Алир, растирая смолу по рожице тыльной стороной ладони. – Я что, не справилась?!

– Справилась, справилась, – я погладил по плечу готовую расплакаться эльфь. – Все хорошо, маленькая. Просто для тебя есть особое задание...

Воровато оглядываясь, я все же решил перестраховаться.

Чтобы не подслушали – ставка слишком высока.

Положим, насчет «маленькой» я переборщил – к уху даже нагнувшейся Алир мне пришлось тянуться вверх. Но наградой стало хитро-довольное выражение на ее мордашке, проступавшее сквозь смолу по мере того, как светлоэльфийская дива вникала в тонкости моего плана. Кажется, с выбором я не ошибся. Хотя Хирра была бы надежнее, но тут поменять их местами просто невозможно.

Глядя на нас с Опушечной, мои женушки тоже приободрились. Поочередно дотягиваться до каждой из них мне было уже неудобно, да и время поджимало. Поэтому я, взявшись за просмоленные гривы, просто пригнул головы обеих пониже, сунулся между ними и парой фраз пояснил ситуацию. Блестящие черные маски лиц растянулись в улыбках. Келла кивнула сразу, Хирра попозже, вдобавок покрутив пальцем у виска. Но возразить ей было нечего. Это наш последний шанс...

Пару минут после тайм-аута все шло по-прежнему. Хотя нет, не совсем – от перспективы поражения, прежде казавшегося абсолютно невозможным, огрская команда прямо-таки озверела. Но нам неистовство игроков противника было только на руку.

Вдвоем с Келлой снести дальнего битника оказалось почти не сложно. Завалить отбойника, подбежавшего помочь, тоже не составило труда. Вот когда поближе подобрался второй битник, он же капитан, тогда все началось всерьез –

огры набрали критическую массу и сделались по-настоящему опасны. Даже те, что не сумели подняться в полный рост.

Моя древнейшая змеей вилась между громоздкими фигурами, перекатываясь через согнутые спины, заклинивая битой ноги и старательно не попадаясь под руки огрским игрокам. В свою очередь, я, действуя битой, как рычагом, старался уронить каждого, кто пытался выбраться из кучи малы. В результате, конечно, чаще падать приходилось мне, зато ни мяч, ни кто-то из противников не покидали центра поля.

Когда же предводитель огрской команды все-таки добрался до мяча, остановить его стало просто невозможно. Огр взревел так, что звук отразился от трибун, и попер напролом. Но было уже поздно...

Отлетая от очередного взмаха его биты, я успел заметить, как за спиной воротаря команды соперников из рва выплеснулась Алир. При следующем взгляде в проеме уже никого не было. На всякий случай я повертел головой, желая убедиться, что это не наши ворота. Нет, у штрафных надолб наших Хирра как раз отправляла назад очередной мяч. Аза внезапно опустевшими воротами огров смола бурлила, как похлебка в котле.

Огрского капитана, сделавшего свое дело, надо было срочно сбить с ног, что и было проделано, невзирая ни на какие обстоятельства. Видно, поэтому я прозевал, когда мне в плечо пришел щит огрского отбойника, и сам полетел кувырком. Опомившись же, увидел в ближайших воротах только

одну гибкую, без малого семифутовую женскую фигуру, и понял, что пора действовать.

Оглушительно свистнув, я одним прыжком вы-братся из свалки. Следом за мной черной молнией выскользнула Келла. Хирра у штрафной нырнула в смолу, пряча голову и щит за надолбой. Огры остолбенело озирались.

У одних ворот в полной готовности выстроились мы с Келлой, угрожающе подняв биты. За нашими спинами нервно переминалась Алир, роняя сгустки смолы с широко расставленных рук.

Во рву за воротами продолжалось неясное бурление. Команда противника оглянулась.

Ворота у них за спиной были пусты. Полуденное солнце застыло точно над головами.

Преодолев замешательство, огры с ревом кинулись в атаку. На нас.

Пожалуй, я в подобной ситуации сделал бы такой же вывод...

Особенно уклоняться нам с Келлой было нельзя – ради достоверности. Поэтому пришлось потерпеть, пока битники противника прошли сквозь нас, словно штурмовые кадавры сквозь заросли колючки. Нападающие просто втоптали нас обоих по уши в игровое поле. Своему я хотя бы заклинил битой ноги, уронив его с титаническим всплеском. Уцелевший битник с радостным хохотом размахнулся и отправил мяч в ворота.

Немыслимо изящным, почти танцевальным движением Алир отступила в сторону с поворотом, словно хисахский заклинатель быков с его веером, пропускающий рогача под рукой. Мяч парил, бесконечно долго преодолевая линию ворот. Наконец он плюхнулся, наполовину снеся вал, ограждающий поле.

Так же медленно моя подопечная вышла из ворот. А из рва за ними воздвигся огрский воротарь.

Если бы трибуны обвалились, меня это ничуть не удивило бы. Но они уцелели. Судьи бешено молотили каждый в свой гонг, оставляя ясно видимые вмятины, однако перекрыть рев толпы были не в состоянии. Огрская команда сгрудилась у своих поверженных ворот, за которыми вознесся второй шест с вымпелом поражения.

Мы собрались в центре поля. Келла слегка прихрамывала, ее бита была сломана. Хирра даже не стала искать свой щит. Алир, к несказанному удивлению, бросилась мне на шею.

И в этот момент все присутствующие кинулись на нас. Я даже испугаться не успел, застыв с повисшей на мне светлоэльфийской дивой, просмоленной, как хороший канат. Женушки тоже прижались к нам по бокам. Вал приближающихся зрителей накатил огромными прыжками, подхватил нас и вознес на гребень. Победу признали!!!

Лично меня волна восторга горного народа смела бы на месте, если б не подопечная, которая приняла первый удар на себя и трогательно оберегала опекуна от дружелюбных

хлопков по плечам и костоломных объятий. Похоже, соображения у нее было куда больше, чем обычно казалось, и в действительно ответственные моменты оно шло в ход без запинок и оговорок.

В общем, выяснилось, что в определенных условиях на Алир можно положиться.

А паразиты– никогда!

*...Знай, мой друг, – ты мой эквивалент,
Может, клей понохаем «Момент»,
Будем нюхать, сколько захотим.
Ведь мы бодем за один и тот же теат...*

В течение следующего дня мы всей компанией оттирали смолу. Извели бочку «ведьминого самогона», пару ведер огрского ядрового мыла и неопишваемое количество горячей воды... Мыловары из огров такие же, как пивовары – то есть аховые. А уж их щетки и скребки явно рассчитаны на слонов. Как мы остались при своих шкурах, непонятно, но драть продолжало еще долго после того.

В конце концов «ведьмин самогон» сделал свое дело. Или хотя бы все возможное – теперь серый цвет кожи перестал быть исключительной привилегией Хирры, да и гривы Келлы и Алир приобрели отчетливый пепельный оттенок. То одна, то другая брезгливо подносила прядь волос к наморщенному носику, недовольно фыркала и с отвращением отбрасывала локон. А мне запах смолы так даже нравится...

Тряпье сожгли, снаряжение прямо с пира унесли в музей Сакральной Игры. Оказалось, имеется под трибунами такой – дивный рассадник огр-ской культуры... Хотя, может быть, это и есть их храм. Тут не разберешь, по причине полной зачаточности вышеупомянутой культуры. Во всяком случае, поклонение огров означенным реликвиям, на мой вкус, куда больше напоминает раж болельщиков, нежели религиозный экстаз.

Отбытие на площадь Триумфа проигравших, сопровождаемых почти всей деревней, мы таким образом пропустили. Сожалеть об этом не приходилось, разве что посочувствовать Свену Все-Найдется. Ему же эту процессию пропускать через перевал, с одной стороны, не слишком обижая придирками, с другой – не давая навредить чистенькой гостинице.

Изрядное число населения долины отправилось праздновать хотя бы до этого последнего домашнего приюта, и раньше чем через пару недель назад не ожидалась. Оно и к лучшему. Авось удастся тишком удрать с трофеем, по дороге не столкнувшись в долине ни с кем из отсутствующих.

Конечно, не слишком хорошо оставлять огров наедине с засевающим в горах демоном, но предстоящая неотложная починка мироздания как-то важнее. По сравнению с Мировой Погибелью единичная нежить не самого серьезного пошиба вообще не канает.

Ничего, если за сотни лет демон не довел местное население до ручки, то и теперь все обойдется. Не побежит же кто-нибудь лично докладывать нежити, что основное оружие против ее мощи исчезло? К тому же, помнится, именно эти самые огры когда-то и отобрали Реликвию у демона... Другое дело, что неизвестно, какой ценой они это совершили и готовы ли повторить единожды сотворенное.

От этих размышлений и самоуговоров предоставить горный народ его судьбе меня отвлекло гулкое буханье кулаком в дверь. Несомненно огр-ское – да и чьим еще ему быть здесь, в Ограде, за сотни лиг до иных населенных мест? Отель «У утопшего водолаза» не в счет – его владелец не покинет свое заведение, покуда Мировая Погибель не заставит.

В ответ на вежливое приглашение Хирры заходить дверь распахнулась, и ОгроСтароста целиком заполнил собой ее проем. В общем-то, кроме него, больше некому. Однако зачем бы? Организовать церемонию прощания наподобие встречи?! Так не в огрском духе излишние церемонии, да и не со всеми теперь попрощаешься...

Громадный старик уселся на ближайший к двери топчан и долго, гулко прокашлялся. Он готовился к какому-то важно-

му заявлению настолько основательно, что Келла даже поднесла ему ковш воды, думая, что старейшина всерьез поперхнулся. Многопрадеда он ей напомнил, что ли?

Протянутую посудину пожилой огр отвел рукой, вежливо кивнув заботливой эльфочке. Громовую аркподготовку, впрочем, тоже прекратил.

– Как Р-р-реликвию пр-р-рприменять собир-р-раетесь? – обратился он ко мне с проникновенным вопросом.

– Забрать бы ее для начала, – вздохнул я. – После игры как-то недосуг было, а потом и вовсе не до того.

– Это запр-р-росто. – ОгроСтароста запустил лапищу в поясную сумку, и знакомый набор металлических пластин и звеньев коротко блеснул, прежде чем лечь на стол. – Это без пр-р-роблем.

Отчего-то никто не осмелился протянуть руку к мощнейшему артефакту. «Пр-р-роблемы» явно предвиделись в качестве довеска к Реликвии. Наподобие колбасных обрезков в мясной лавке – самые лакомые куски, которые можно съесть по дороге, не дожидаясь, пока прочее пойдет на клановую сковороду размером с колесо огрской арбы.

– Тут др-р-ругой вопр-р-рос, – перешел старейшина к описанию «самого вкусного». – Те-пер-р-рь-то что?

– Ну... Проститься да в обратный путь, – осторожно, но честно признался я.

– Пр-р-ридется повр-р-ременить, – услышанное подтвердило мои худшие предположения.

– Это отчего же? – моя осторожность пропала в мгновение ока.

– Огр-р-ры – нар-р-род гостепр-р-риимный. И щедр-р-рый, – издалека завел длинную тираду старый хитрец. – Дор-р-рогих гостей кор-р-рмить не разор-р-рятся. Запр-р-росто можем пар-р-р-ру лет продер-р-ржать гостя в гор-р-р-рах...

В сказанное верилось. Вот только застревать в Ограде не то что на пару, а даже на один год в наши планы никак не входило. Ни в те, что посвящены предотвращению Мировой Погибели, ни в личные.

– А побыстрее? – надавил я. Раз дипломатия не огрское призвание, лучше объяснить напрямую.

– Побыстр-р-рее тоже можно, – не стал отрицать очевидное старейшина. – Только потр-р-рудиться пр-р-ридется. Пр-р-раво на Р-р-релик-вию в Игр-р-ре подтвер-р-рдили, тепер-р-рь каждую его стор-р-рону отр-р-работайте...

Ага, понятно... Владение, использование, распоряжение. Вполне обыденное приложение магического закона собственности. И если общую заявку мы выиграли позавчера, то все ее составляющие еще только предстоит заслужить. Перед всем горным народом.

Способы, которыми это придется сделать, представлялись моему взору довольно ясно. Вот только торопить события не было никакой охоты. Поэтому лучше послушать, что скажут гостеприимные хозяева, точнее, их полноправный представитель.

– Что сделать-то надо? – наводящий вопрос не прямая провокация, но требует уже более точного ответа, чем расплывчатое предложение поработать.

– Огр-р-рТинг пр-р-р-риговорит, – охотно, но столь же расплывчато изрек старик.

ОгрТинг так ОгрТинг... Понятно, что не втихую отправят исполнять всенародные чаяния, а при свидетелях. Полезно как нам самим – в случае, если успешно справимся и явимся требовать свое, так и ограм – в противном случае. Весь народ подтвердит, что мы взялись за дело добровольно...

– А когда ОгрТинг соберется? – спустила с цепи неумное любопытство Келла, измучившись невозможностью встрять в разговор.

– Да вот сейчас и собр-р-рался уже, – усмехнулся в седые усы ОгроСтароста. – Пока мы тут р-р-разговар-р-ривали!

– Так чего мы ждем?! – младшая жена соскочила с оседланной ею спинки топчана. – Пошли!

Все у нее просто... Но возразить на порывистое предложение эльфи древнейшей крови было нечего ни мне, ни Хирре, ни Алир, ни тем более заварившему все это безобразию огру. Все, на что оказались годны мои эльфочки, это малость потянуть время, прихорашиваясь перед выходом. Да и то не избытые до конца последствия купания в смоле порядком смазали эффект – слишком долго вертеться даже перед небольшими походными зеркалами они оказались не в силах.

Так что уже через десяток минут все мы подошли к ста-

новящемуся привычным помосту с кубическими колоннами. Праведный Проем тоже никуда не делся, и место в нем опять же занял ОгроСтароста, предоставив нам выслушивать волю горного народа у подножия помоста, между ним и изрядно поредевшей толпой. Похоже, кворум, или как там называется полнота собрания для правомерности принятых решений, огров не волновал. Сколько пришло, столько и пригодится в государственном деле, а кто не явился, сам себе переклятый кадавр.

Сегодня преимущество среди собравшихся составляли огрихи и огрята, не настолько увлеченные Сакральной Игрой и последующим празднованием на выезде, чтобы отправиться прочь из долины. Что они могут приговорить к исполнению, мне не приходило в голову даже приблизительно.

Толпа тихонько галдела и рокотала, время от времени выпуская из своих рядов выборных, сторонкой обходящих нас и докладывающих свои соображения на ухо главному представителю. Тот величаво кивал, то улыбаясь, то хмурясь, и знаком отсылал высказавшихся обратно. Некоторых, особенно настойчиво буравящих его уши шепотом, гулким, как осыпь гальки, и таким же неразборчивым, ОгроСтароста спроваживал, похлопывая по спине здоровенной ладонью, — почти спихивал, если честно говорить.

Спустя почти полчаса, когда моему семейству и в особенности мне самому уже надоело торжественно переминаясь с ноги на ногу, старейшина горного народа встал и поднял

обе руки к небу. Сегодня оно с утра было затянуто дымкой, скрывающей вершины гор. Осень ненавязчиво напоминала о себе, призывая поторопиться с отбытием домой.

Выдержав паузу, достаточную для осознания важности момента, громадный старик нарушил тишину, чтобы изречь приговор столь странного сегодня всенародного собрания:

– Пар-р-разит Огр-р-р-рад подгр-р-рызает... Пр-р-ро-гнать надо!

Требование, достойное сообщества домохозяек! Только кого это они «паразитом» припечатали? Не демона же! Во-первых, он, скорее, хищник, хоть и магический, а когда-то даже без изъяна разумный, во-вторых, что-что, а «подгрызание» целой долины в арсенал способностей могущественной нежити однозначно не входит. Не его стихия Камень, если судить по богу, который первым из двоих возводил смертного в демонское достоинство.

Тогда от какой же напасти приговорили нас избавлять Оград хозяйственные огрихи? Кандидатов на уничтожение в долине наберется не слишком много.

– Это кого прогнать? – не понимая, переспросил я и предположил в шутку: —Флафов, что ли?!

– Флафы – дар-р-р самой Судьбы!!! – сердито, как показалось, оборвал мое ерничанье ОгроСтароста. – Землекр-р-ройка у нас...

Земле... кто?! Эта самая, которая исполинская? Ничего себе у огров паразиты! Тектонические, можно сказать. Без

всяких скидок – скалу вроде той, на которой стоит замок Стийорр, исполинская землекройка способна подгрызть за месяц. Хорошо, что при строительстве основание замка было ограждено соответствующим заклятием, делающим камень... неприятным на вкус, иначе не выразисься.

Но все горы таким образом не заклясть. Даже отдельную долину – если б и нашелся подходящий маг, способный взяться за столь нудную и монотонную работу, ингредиентов для такого заклятия не напасешься. Прежде всего тех, которыми пропитывают породу для создания «пояса несъедобности». Да и жить в непосредственной близости от обработанного таким образом камня не слишком приятно.

В любом случае для огров это не выход. То есть задача остается в пределах обозначенных условий, и вывернуться каким-нибудь нетривиальным способом не получится. Сказано «прогнать землекройку» – придется прогонять. Или истреблять на месте, если та не пожелает удирать при виде нас.

– Понятно, – что еще можно сказать, раз так сложилось. – И как ее прогонять, спрашивается?

– Р-р-реликвия у вас, – огр с видимым равнодушием пожал плечами. – Р-р-решайте.

Вот как, значит? Пока у самих в руках была та же самая Длань Справедливости, горные здоровяки как-то терпели тектонического паразита. А как появился Избранник Судьбы – официальное звание капитана команды, победившей в Сакральной Игре, – так сразу терпежу не осталось. По-

ня-я-ятно...

Но разозлиться на горный народ всерьез как-то не получалось даже при всем понимании ситуации. Демон, пересохшая река, теперь вот зем-лекройка... Своими силами совладать с неприятностями, испокон века валяющимися на них, у огров не получалось в силу почти полного отсутствия способностей к магии, и возможность приспособить кого-нибудь со стороны к устранению их текущих проблем всегда казалась им лучшим выходом. Иначе зачем бы им идти под руку Ана-рисса после Войны Сил и все три тысячи лет хранить верность эльфийскому государству? Словно дети, доверившие взрослым их скучные взрослые дела....

Вот только эльфы не настолько взрослые, чтобы отвечать за кого-либо в полной мере. Даже за самих себя. Так и выходит, что оправдывать оказанное доверие придется мне – человеку, пусть и возведенному во Властительское достоинство, а вдобавок приобретенному немало иных черт, свойственных Инорожденному. Но оставшемуся человеком хотя бы настолько, чтобы понять происходящее и не отвернуться от тех, кто не может помочь сам себе, какой бы рост и силу не отпустила им Судьба, покровительствующая первой расе разумных...

– Ладно, прогоним, – произнес я в тщетной попытке приободриться. Других слов как-то не нашлось, но и этих хватило с избытком.

«Пр-р-рогонят, пр-р-рогонят!» – зарокотало в толпе. Ко-

гда волна бормотания достигла края толпы, стоявшие там просто развернулись и пошли прочь. За какие-то полдюжины минут на ОгрТинге не осталось никого, кроме моего семейства и ОгроСтаросты. Громадный старикан тоже задержался ненадолго, но он, в отличие от прочих, хотя бы попрощался с нами по причине более глубокого личного знакомства.

Все просто, без особой торжественности и ритуалов. Конечно, это не Сакральная Игра, чего уж там... Обычная санитарная обработка, просто масштабы тектонические. Все тут, в горах, поражает воображение масштабами, даже паразиты!

На обратном пути через Оград я совершенно новым взглядом увидел землянки, так поразившие меня поначалу. Теперь понятно, отчего огры при собственном немалом росте не тянут ввысь жилые строения – напротив, норовят зарыться поглубже, словно гномы какие. Выше, чем себе по пояс, ничего не возводят, зато вглубь закапываются в полный рост. И накат на свои землянки оттого же кладут из бревен чуть ли не втрое большей длины, чем нужно – чтоб не соскользнули внутрь, когда снова затрясет от близкого обвала.

Зато кровля легкая, моховая – даже в щель просыпавшись, не зашибет. Подушки мха сращены вместе подходящим заклятием, а сверху заплетены лозой и этими, как их... флафами. В результате постройка получается не только теп-

лая и уютная, но и совершенно безопасная при любых последствиях гороподгрызания. Если что и рухнет на голову, так не насмерть, а по огрской твердолюбое™ и вовсе нечувствительно.

Так что, заходя в наше временное жилище, я с пониманием посмотрел на потолок, сплетенный из узких циновок. Не по недомыслию и скаредности, а по уважительной причине так строено. Да и двери без запоров не от простоты, а чтобы выскочить в любой момент.

Отсутствие воровства при столь свободном доступе в жилище, непривычное по насквозь пронизанному преступностью Анарису, тоже вполне объяснимо – всенародная круговая порука прочнее любого замка и засова. А уж такую уникальную вещь, как Реликвия, все время нашего отсутствия сиротливо пролежавшая на столе, и вовсе некому взять. Чтобы посягнуть на трофей Сакральной Игры здесь, в Ограде, надо вконец утратить рассудок. Даже я, вроде как завоевавший право на Длань Справедливости, и то протянул к ней руку с некоторой опаской.

Но полулатная, полукольчужная перчатка не собиралась ни хватать меня за пальцы, ни убегать по столу наподобие магической руки Геца-Мечника. Во-первых, потому что была на полторы тысячи лет древнее того сбрендившего кадавро-протеза, задушившего своего первого хозяина и немало последующих владельцев. А во-вторых, потому что несла магию совершенно иного рода, превращавшую не волю вла-

дельца в собственное движение, а наоборот, движение наполняющей ее руки, подкрепленное соответствующим приказом – в поток подвластной стихии. То есть Огня, причем вне зависимости от того, имелся ли таковой в символотипе владельца Реликвии. Только полностью перестроенный стихийный метаболизм демона лишил его возможности пользоваться похищенным артефактом.

Оставалось пожалеть, что нежить не настолько одержима жаждой самоуничтожения, чтобы металлическая перчатка прикончила ее так же, как ее упрощенное кадавризованное подобие – своего хозяина-эрдскнехта. Тот, судя по всему, так ненавидел себя за что-то, что протезу, не снятому на ночь по пьянке, ничего не оставалось, кроме как исполнить неосознанный приказ. После чего в моей профессии появилось понятие «гец-бло-кировка».

Хотя история Белого, Алого и Черного капитанов наемничьей армии, сначала выступившей с Суганихой, а после громившей Ван Хроге за деньги эльфийских Высоких Родов – вообще дело темное. Кто из них с кем чего не поделил и каким заклятием отдался, опрокидывая друг друга в безумие и утрату человеческого облика, теперь толком не разобрать. Только песня от них и осталась, вроде кавалерийского марша:

Мы Геца Черного отряды – хэйя-охо,
Нам ни свои, ни враг не рады – хэйя-охо!

Копья ввысь! Берегись!

Пламя, во всю силу разгорись!!!

Впрочем, демоны демонами, история историей, а от исполинской землекройки нас не избавит сама собой даже сверхмощная Реликвия. Придется повозиться, сначала отыскивая тектонического паразита по ущельям и пещерам, а потом... прогоняя. Что бы ни стояло за этим понятием.

На сей раз хотя бы тратить время на тренировки было незачем. Да и на исследование предмета тоже. Все равно современной магии об исполинской землекройке, кроме факта существования и способов предотвращения ее интереса к местам обитания разумных рас, ничего толком не известно. Размер предположительно от двадцати до пятидесяти ярдов, а то и больше. Водится в горах – хисахских, иэрийских... Только в Альтах не водится оттого, что гномы ее всю повывели.

Вот остатки того поголовья, похоже, как раз и подались сюда, в Огрогоры. Хоть и холодновато здесь для землекройки, которая отчего-то любит тепло. Даже странно для такой здоровенной твари – при своих размерах она должна быть сама себе и дом, и печка. Да что там дом – особняк или небольшой замок с плавильной вагранкой для внутреннего обогрева.

Если, конечно, тектонический паразит устроен так же, как и прочие сложные животные. А то может статья и наоборот

– чем твари проще, тем больше от среды зависимы, да и размером здоровее. Взять тех же панцирных слизней, с которыми не каждый слон в ряд встанет, хоть всеми шестью ногами упрись... Зимой в тех же Альтах они вообще замерзают, а по весне оттаивают.

Так что землекройка может оказаться вообще кем угодно, начиная с гигантского землезмея и заканчивая любым иным видом холоднокровного дракона. Надо заметить, что относительно ее облика выжившие свидетели никак не сходятся, ибо видели исполинскую зверюгу лишь по частям. А кто целиком сподобился, похоже, никому уже ничего никогда не расскажет.

Впрочем, о песчаной акуле тоже до нас рассказать некому было. Так что шанс совладать с неведомой тварью схожего характера у нас имеется. Тем более, что Длань Справедливости в хозяйстве будет понадежнее фосфорного боеприпаса или файрболла, даже не всякий светосброс сравнится с ней по мощности. Разве что стратегический.

Захватить с собой последний я не догадался – хлопот не оберешься снимать его с фамильного крейсера рода Стийорр да спускать в долину. А вот файрболлы прихватил —некрупные, фунтовые да полуфунтовые, но на любую живую цель хватило бы с избытком. Кроме исполинской землекройки...

Покуда я подбирал арсенал под задачу, женская половина семейства осторожно интересовалась Реликвией. В руки взять Длань Справедливости осмелились только жены,

а примерить – и вовсе одна моя древнейшая. Подопечная смотрела на нее, как на совершенно сумасшедшую, готовая при малейшей искре спрятаться за спинкой ближайшего топчана.

К моему немалому удивлению, Келла не использовала шанс напугать светлую эльфь до обморока. Очевидно, мошь Реликвии внушала ей уважение, не позволяющее пользоваться той для дурных шуток. Это не Престол Спокойствия угонять через подкоп под храмом...

Может, дело в том, что со времен эскапады с Третьей Реликвией эльфь древнейшей крови повзрослела? Стала серьезнее, ответственнее...

Ага! Не дождетесь!!!

Заметив осторожные маневры янгледи ау Риер, младшая жена исказила кофейную физиономию устрашающей гримасой, медленно вытянула в сторону трусики руку, облеченную Дланью Справедливости, и со звонким лязгом щелкнула пальцами. Не сказав ни слова и не задействовав таким образом Реликвию, но на редкость убедительно во всем остальном.

С оглушительным взвизгом Алир свалилась с топчана и обрушила на себя стоящий за ним стул. Хирра чисто автоматически, ни секунды не раздумывая, отвесила Келле подзатыльник, взметнув фонтаном медовую гриву хулиганки. Младшая жена сначала обалдело встряхнула головой, затем долго и нехорошо посмотрела на старшую, заставив ту из-

рядно смутиться...

Все же в серьезный конфликт наподобие утраты эльфами небесного города Итархина с последующей Войной Сил инцидент не перерос. На смущенный лепет моей высокоуродной: «Прости, я не подумала...» моя древнейшая только вздохнула и, почесав в затылке металлической перчаткой, в свою очередь примирительно буркнула:

– Да ладно... За дело получила.

Мы трое, включая опасливо выглядывающую из своего укрытия Опушечную, замороженно уставились на струйки дыма, ползущие из-под сверкающих полировкой фаланг Реликвии.

До объекта нашего пристально-обалделого наблюдения его причина дошла не сразу. А когда дошла, очередь взвизгивать и метаться по землянке настала уже для самой виновницы происшествия. На счастье, кадушки с водой она достигла одним прыжком и незамедлительно выплеснула себе на голову целый ковш. Шипение при этом мне уже определенно не послышалось. Правда, шипел не столько огонь в подпаленной гриве – до открытого пламени дело, к счастью, не дошло, – сколько сама владелица попорченной прически. И еще немного шипения и чада издавала обуглившаяся рукоятка ковша, которую распалившаяся древнейшая ухватила Дланью Справедливости...

В общем, справедливость, как таковая, в результате и восторжествовала. Реликвию я от греха подальше прибрал в

один из многочисленных подсумков на поясе. Алир, осторожно-осторожно держась за обгоревшую ручку ковша, мелкими глоточками запивала нервную икоту. Хирра же, в свою очередь, посредством своих маникюрных ножниц и моей бритвы сооружала из потерпевших немалый урон волос Келлы подобие короткого каре. Вроде того, каким сама обзавелась на предмет неузнаваемости во времена наших совместных странствий по Анарису.

На сей раз хотя бы в дело не пошли ни «ведь-мины сливки», ни другие алхимические металлы-затары. Да и неузнаваемости никакой не получилось— ехидная мордаха младшей жены и в обрамлении коротких прядей быстро приобрела прежнее задорное выражение.

Хм... А у моей высокородной явный талант к цирюльному делу! Результат ее деятельности пришелся весьма по душе не только всем нам, но и самой жертве внезапно проявленного искусства. Моя древнейшая придирчиво осмотрела себя в зеркало и осталась весьма довольна. Даже не стала восстанавливать длину подрезанных волос соответствующим заклятием. На чем примирение между женами и вступило в окончательные права.

Можно было с чистой совестью готовиться к выходу. Правда, не всем – половине семейства придется подождать на месте. То есть Алир и, как ни странно, Хирре. Во-первых, потому, что при всех своих навыках моя высокородная более пригодна к работе в городе или верхом, а здесь придется на-

резать немеряные мили пешком, во-вторых же... Из всех нас светлая эльфь отчего-то более всего доверяла темной. Так что, если необходимо оставить дома наиболее бесполезного в нашей странной экспедиции члена семейства, придется пожертвовать и одним относительно полезным. Тем более, что для лазанья по норам и пещерам действительно больше подходим мы с Келлой.

К тому времени, как пришла пора выбираться из землянки, старшая жена согласилась с моими аргументами. Пусть не сразу, но сумела переломить свое основное беспокойство обо мне самом. Но с младшей женой обменялась такими взглядами, что я и то уразумел: если кто-то из нас ненароком погибнет без ее забот— домой пусть не приходит. Ни мертвяком, ни призраком, ни в следующее перерождение.

Если справиться с темной эльфью удалось сравнительно легко, а светлая сама с облегчением восприняла предназначенную ей роль, все еще не отойдя от перепуга, то древнейшая упорно не поддавалась доводам разума. Причем не в принципиальном вопросе, а в совершенно дурацком— требовании одеться поосновательнее. Менять излюбленные шорты со множеством ремешков и карманов на длинные штаны и надевать куртку поверх свитера с кожаным оплечьем и налокотниками Келла решительно отказывалась, а навязанные Хиррой длинные шерстяные чулки крупной вязки спустила на икры, завернув в несколько слоев.

Прямо как маленькая. В угаре перебранки женской поло-

вины семейства я внезапно ощутил, что вместо младшей жены и подопечной, обе из которых на столетия старше, у меня есть две маленьких дочки, одна капризная, другая упрямая как безрожка. Чувство было на грани безумия, поэтому я просто хлопнул по столу ладонью и сказал:

– Сейчас один пойду!

На удивление, это сработало – хнычущая от неостановимой нервной икоты Алир затихла, а жены умолкли. Моя древнейшая сама выдернула у моей высокородной предложенную штормовку, завязала рукава у себя на поясе и первая выскочила за дверь. Тут уж ни сказать, ни сделать было нечего.

Вздыхнув, я развел руками, отвернулся, чтобы не видеть грустный взгляд Хирры, и вышел следом. Догнать Келлу удалось только у самых скал, начинающих по левую руку от плато, ведущего к перевалу. Таким образом, получилось, что и место начала поисков выбрала она.

Впрочем, не все ли равно, откуда начинать? Занятие предстояло нудное и рутинное не только по цели, но и по сути своей. Требовалось обойти долину по окружности, заглядывая в каждую расселину или пещеру, пока тектонический паразит не обнаружится. Ибо ждать, когда землекройка вылезет сама, было бы еще дольше и скучнее.

За остаток дня после ОгрТинга удалось обследовать едва ли пятую часть окружающих скал. Крупных пещер в них не было вообще, а среди расселин тоже не нашлось свежих сле-

дов. Разве что пара погрызов чуть ли не столетней давности, поверх которых уже надежно лег «каменный загар». В одном случае целый скальный зуб, объединенный с одной стороны, осел и навалился на соседа.

Вечером мы с Келлой вернулись вымотанные донельзя и на редкость недовольные. Друг на друга не бросались, и то ладно. Хотя некий зуд сорваться и что-нибудь отчудить в младшей жене определенно чувствовался. Но я не велся на провокации – хватит на сегодня опасных развлечений.

К тому же причины недовольства были настолько очевидны, что так просто не отмахнешься. Что-то не так было либо в предмете, либо в самом способе поисков. Такими темпами мы долину всю неделю обшаривать будем...

Хирра с Алир, судя по всему, провели время куда плодотворнее, во всяком случае, если судить по довольной мордашке подопечной и слегка развеявшейся от напряжения, в котором я ее покинул, старшей жене. Их прогулки по Ограду и окрестностям явно доставили праздной половине семейства куда больше удовольствия, чем наши – нам. Оставалось только позавидовать и, наскоро перекусив, рухнуть спать...

Наутро настроение не поправилось, а к полудню, после пары миль каменных отрогов и очередной пещеры – сухой, тесной и удручающе пустой – сделалось окончательно мрачным. На сей раз следов проклятой твари не было и в помине, даже таких древних, как вчерашние, которые одни не позволяли

отрицать существование тектонического паразита.

А то второй день уже гоняемся за этой земле-кройкой. Которая то ли есть, то ли разом привиделась всем ограм с всенародного бодуна. В порядке оправдания разгрома, самолично устроенного с пьяных глаз...

Мысль эта развеселила ненадолго. До следующей пещеры, которая, в противовес предыдущей, оказалась куда более просторной. Бока обдирать не придется, и то хорошо...

Да и пустым назвать этот грот было нельзя. В паре дюжин ярдов от входа на специально выровненном, не иначе, полу по обе стороны рядами выстроились каменные стелы. Даже с огрской силой потребовалось немало труда и времени, чтобы притащить сюда монолиты из гранита в цвет запекшейся крови, обтесать их наподобие огромных утюгов, поставленных на попа, и выдолбить сердцевину каждого неглубокой, но объемистой нишей.

Ниши эти были видны издали, но что их заполняет, стало ясно, лишь когда мы с Келлой поравнялись с первой парой гранитных утюгов. Сначала я даже не понял, что именно громоздится в них, навеки спаянное окаменевшей пылью... А когда понял, не поверил.

Полный доспех и оружие древнего образца – чуть ли не времен Войны Сил! – по размеру, толщине и тяжести рассчитанные на взрослого огра...

На моей памяти, да и вообще чуть ли не с тех легендарных времен первые дети Матери в боевые части не шли! В са-

нитары исцелпунктов, транспортные, строительные части – сколько угодно, они и в мирное-то время чаще всего пробавляются работой на стройках. Конечно, помахать при случае шестифутовым джунглерубом или хотя бы голыми руками вломить прорвавшемуся на позицию врагу никакой огр не отказывался. С соответствующими размеру и силе последствиями. Но чтоб самим в бой рваться – такого у горного народа не водилось. Между собой разве по пьяни подраться, и то не до смерти.

Теперь становилось понятно, почему.

Где-то на второй сотне обелисков, заросших вековой пылью, я сбился со счета. А из полумрака пещеры, с трудом рассеиваемого сиянием жука-фонарика, с унылым однообразием выплывали новые и новые стелы.

Моя древнейшая и то примолкла, отстав на полшага в пути по этой бесконечной галерее то ли могил, то ли памятников. Пустые глазницы шлемов провожали нас тяжкими взглядами, оскалы забрал надрывались немим криком. Казалось, владельцы сняли свою броню лишь вчера, но на деле удивительная сохранность древнего снаряжения объяснялась довольно просто: сухой и холодный воздух пещеры пощадил металл, а деревянные части заставил окаменеть под слоем мельчайшей пыли.

Наконец впереди замаячил тупик. Представлен он был опять же каменным утюгом с нишей, только на сей раз, для разнообразия, пустой. То есть пыль там имелась в не мень-

шем количестве, но кроме нее, ничего не было— ни древнего снаряжения, ни следов демонами драной неведомым способом землекройки.

Что ж, будет где присесть отдохнуть перед обратной дорогой. Размеры выдолбленного в граните проема как раз позволяли усесться рядком с младшей женой, даже не особо прижимаясь друг к другу. Хотя, с поводом или без, Келле дай только возможность понежиться в тепле, столь необходимом здесь, в глубине горы, по соседству с весьма внушительным то ли некрополем, то ли мемориалом...

К моему величайшему удивлению, эльфь древнейшей крови все так же молча устроилась поодаль, даже не попытавшись стряхнуть пыль, песок и мусор с каменного уступа, давшего ей приют.

Оно и правильно — что за сотни лет слежалось, лучше не растрясать. Потом не продышишься. А отряхнуться лишний раз не велик труд, да и вообще лазить по скалам и пещерам — занятие изначально не слишком чистоплотное.

Уже не опасаясь замараться больше положенного, я оперся рукой о запыленный гранит позади себя... И ощутил, как что-то сдвинулось под пальцами в окаменевшем сору. Ниша оказалась не настолько пуста, как показалось на первый взгляд.

Небольшой предмет с легким хрустом вышел из гнезда, образованного слежавшейся за бесчисленные годы пылью, и оказался не слишком широким цилиндрическим обручем,

где-то дюйм на четверть в сечении. С одной стороны он чуть расширился, переходя в коротенькую плоскую пластинку.

Заинтересовавшись, я вытащил находку поближе к свету и попытался отряхнуть ее рукавом. Освобождаясь от многовековых напластований, непонятный предмет тускло заблестел золотой резьбой.

Из сквозных отверстий посыпались спрессованные временем комочки пыли.

Вот отчего штуковина не тянет на полный вес золота... Неожиданно тонкой, уж никак не огр-ской, а определенно эльфийской работы браслет никак не соответствовал по массе своему полному размеру, но при этом и впечатления хрупкости не производил. Пожалуй, если его толком промыть и отчистить, еще сильнее полегчает – на пластинке, к примеру, гравировка от всех моих манипуляций лишь наметилась, не открыв толком узор.

– Что это? – вышла младшая жена из не свойственного ей оцепенения, разглядев, с чем я вожусь.

– Да тут лежало, поглубже чуток, – махнул я рукой, указывая назад.

Махнув по воротнику свитера концами порядком укороченной гривы, эльф древнейшей крови в считанные секунды обшарила всю нишу позади нас. Однако никаких новых находок этот поиск не принес – мой трофей остался единственным.

Понимая, что неудержимое любопытство Кел-лы лучше

удовлетворять своевременно, я без слов протянул ей браслет.

– Померяй, если хочешь.

– Не-а... – Эльфь завертела вещицу в пыльных пальцах, острыми коготками выцарапывая сор из резьбы и гравировки. – Мне не налезет... А вот тебе как раз!

Неожиданно она ухватила мою руку и, сжав все пальцы щепотью, насадила обруч на самые костяшки. Дальше, понятно, дело не пошло – браслет-то неразъемный. Даже если он и подходит по размеру к моему запястью – оснований не доверять глазомеру младшей жены у меня нет, – через основание большого пальца его не перетащить.

Как ни странно, у самой Келлы не возникло сомнений в возможности поместить браслет на должное место. Она как-то повернула мой большой палец с резким хрустом и мгновенной болью, дернула, потянула – и металл скользнул дальше.

Рефлекторно выдернув руку, я обхватил другой ноющее запястье, устраивая поудобнее неожиданно оказавшийся на нем браслет. Золото приятно охладило разгоряченную кожу, вот только пластинка мешала сгибать руку, так что пришлось повернуть ее вниз, к ладони.

Снимать украшение, пришедшееся к месту и достаточно строгое, чтобы не резать глаз, не особо и хотелось. Но порядок требовал – незачем выносить отсюда не принадлежащую мне вещь. А повторную боль и перетерпеть можно.

Покрутив запястьем у носа младшей жены, чтоб та как следует рассмотрела дело рук своих, я сказал настолько серьезно, насколько мог:

– Налюбовалась? Теперьними!

– Можно, конечно... – протянула Келла, явно довольная увиденным. – Но оно тебе надо? Палец ломать придется.

– Как же... – в услышанное не хотелось верить. – А когда надевала, не надо было?

– Можно было и тогда! – младшая жена широко ухмыльнулась. – Но ведь обошлось! А теперь уже не обойдется.

Отчего-то этой ухмылке верилось больше, чем самому серьезному тону. Со сломанным пальцем Длань Справедливости не задействуешь, так что накануне разборки с исполинской землекройкой, да еще с демоном в перспективе, позволять себе это нельзя однозначно.

Ладно, доберемся до дома, там осторожно срублю браслет светорезкой, потом заварю и как-нибудь придумаю, как вернуть на место. А пока можно его манжетой прикрыть или тряпицей какой обмотать, чтобы сустав не застудило.

– Пошли, что ли? – бросила моя древнейшая, словно ничего не произошло, соскакивая вниз. – Хватит уже попы морозить!

У меня не нашлось слов в ответ. Со вчерашнего дня младшая жена расшалилась совершенно несообразно ситуации, едва ли не хуже, чем при многопрадеде. Из мести за купание в смоле, что ли? Так среди подвергшейся этому испытанию

женской половины семейства самой недовольной выглядела отнюдь не она. Особо соскучиться от безделья тоже некогда было. Дома, в замке, бывали дни куда скучнее, да что дни–недели...

В размышлениях на эту тему прошла проверка еще двух, а то и трех миль периметра долины. Здесь для разнообразия нашлась пара погрызов посвежее, еще не схватившихся налетом старины. Рядом с одним обнаружили следы – сначала щепень, а затем и дерн альтийского луга были пропаханы широкой полосой, будто там прошла колонна тяжелых штурмовых кадавров.

Оживление от находки живо вымело все посторонние мысли. Хотя чему, спрашивается, тут радоваться? Близкой и немалой опасности, что ли?!

Так или иначе, по этому следу мы с Келлой, не сговариваясь, рванули рысцой, петляя между оторвавшимися от склона каменными зубцами и поминутно ожидая, что наткнемся на тектонического паразита, мирно лакомящегося каким-нибудь булыжником размером с городской особняк.

Но такой удачи – или неудачи, как посмотреть – нам не выпало. Развороченная полоса привела нас к очередной пещере, громаднее всех предыдущих. От ее входа такие следы разбегались веером – какие постарше, уже заросшие травой, а какие и поновее.

Тектонический паразит оказался не устаревшей сказкой и не надуманным поводом поближе познакомиться нас с окрест-

ностями долины. Зем-лекройка наличествовала здесь и сейчас, и ее логово, гнездо, лежбище, или как там оно называется, мы и обнаружили только что. Причем следов свежее того, который привел нас сюда, не было. Значит, шансов на то, что тектонический паразит у себя дома, немало. Деваться ему некуда, если только у пещеры нет других выходов.

Перед решительным штурмом обиталища легендарной твари мы с младшей женой на минуту притормозили, переводя дух и обдумывая варианты действий. С последними было негусто— отправиться вглубь пещеры, обнаружить землекройку и выманить ее наружу. А там можно будет отогнать ее за перевал или прямо к бывшему водопаду, не беспокоясь о том, захочется ли тяжелой твари возвращаться. По отвесной стенке в полмили паразит вряд ли полезет, даже если уцелеет при падении.

Проверив свой арсенал, я кинул Келле запасной мяч-тестер и объяснил, как выставлять его на различные световые режимы. Теперь, если разделимся, без освещения не останемся. Подумал, не добавить ли пару фэйрболлов и кресало для них... и решил, что лучше не надо. В пещере всяко лучше не пускать их в ход, а то завалит ненароком или расплющит ударной волной, усиленной замкнутым пространством. Оставлять же боеприпасы моей древнейшей в ее нынешнем состоянии чревата самыми непредсказуемыми последствиями. Еще Сакральный Стадион взорвет ради шутки...

Словно почуяв мои мысли, эльф криво усмехнулась и

прибрала артефакт в длинную и узкую брезентовую торбу, которую сегодня с утра зачем-то прихватила с собой. Я искренне надеялся, что в нужный срок там найдется что-нибудь перекусить. Время как раз было самое обеденное, но старая привычка не ходить на серьезное дело с полным брюхом отбивала всякие мысли о еде. Ну или почти всякие...

Тянуть время и отвлекаться на мелочи дальше было невозможно. Распахнувшийся шире некуда зев пещеры никак не выглядел самым привлекательным местом для прогулок, но выбора не было – надо идти.

Все опасения и ожидания пропали пропадом уже после нескольких десятков шагов, уступив место привычной скуке. Никто не бросался на нас из тьмы и даже не шумел среди безжизненных камней, выглаженных то ли водным потоком, то ли боками землекройки.

Спустя сотню ярдов пещера начала ветвиться, и для того, чтобы не заблудиться, пришлось активировать хрустальный шар в режиме трекера. Хуже того, из-за твердой поверхности внизу было совершенно невозможно понять, в каком именно ответвлении скрывается тектонический паразит.

Проблему выбора сняла Келла. Руководствуясь то ли неведомым чутьем древнейшей крови, то ли тем, чего в данный момент хочется ее левой ногой, эльф, не задумываясь, сворачивала налево и направо. Необходимость поспевать за младшей женой, то и дело не вписываясь в повороты, изрядно раздражала.

Наконец перед особо заковыристой развилкой, ходы которой расходились не только в стороны, но и вверх, и вниз, Келла притормозила. То ли встала в тупик перед столь многообразным выбором, то ли слегка выдохлась. Лично я от подземной беготни вымотался так, что, не раздумывая, плюхнулся на подходящий камень чуть в стороне.

Эльфь выбирала место для отдыха более тщательно и удовлетворилась только небольшим карнизом, продолжавшимся ходом правее и выше. Каменный уступ оказался высоковат даже для нее, и, запрыгнув на него, моя древнейшая уже не доставала до пола пещеры. Там она поерзала, устраиваясь поудобнее, и принялась беззаботно болтать ногами. Ничто ее не берет! Будто не за чудовищем на охоту, а так, погулять вышли.

Это или все прочее, накопившееся за последние сутки, заставило меня внезапно сорваться, перелив раздражение в грубость:

– Не надоело девчонку сопливаю изображать?

– Не-а, – в ответ младшая жена только сильнее заболтала ногами. Самым издевательским образом, как мне показалось, сверкая в сумраке пещеры голыми коленками.

– Я же помню... В Хисахе ты... – сделал я еще одну попытку пробиться к ее совести.

– Так то в Хисахе! – перебила меня Келла. – А тут не Хисах, – и пояснила, смилостивившись: – Здесь настоящей опасности нет. Которая не для шкуры...

С этим не поспоришь. В отличие от южной страны, Огрия хоть душу на излом не пробует. Следует быть благодарным и за это...

– Ну да, – вынужден был согласиться я скрепя сердце. – Раз так, отчего бы не порезвиться? Некоторые вон всю жизнь играютя...

Понять, кого я имею в виду, было несложно. Уж никак не огров с их напрочь серьезными играми, что на Сакральном Стадионе, что на Огр-Тинге.

– «Некоторые» не «играютя»!!! – против всякого ожидания отрезала моя древнейшая, поняв сказанное так же. – И чем раньше ты это поймешь, тем лучше... для всех! Она по жизни такая!

Вот уж от кого не ожидал столь резкой реплики в защиту подопечной! Всю дорогу Келла держит дистанцию по отношению к ней – и вдруг такое...

Но младшая жена еще не закончила меня удивлять. Решительно соскочив с карниза, она направилась вглубь пещеры, на ходу собирая знакомую мне составную флейту из черного серебра. Насколько мне помнится, драконы при звуках этой флейты теряют волю.

А кем еще быть землекройке, кроме как драконом? Песчаная акула – и та оказалась им, родимым, даром что ни лап, ни крыльев. А тут с лапами все в порядке, даже явный перебор, если судить по следам. Насчет крыльев того же не скажешь, ну так зачем они под землей, крылья-то? Хотя, ес-

ли судить по тому, как бодро рванула вглубь пещеры Келла, некоторые вполне успешно управились бы тут и с крыльями. Кто-нибудь наподобие летучих хомяков или еще каких про-топырей слепорожденных.

Правда, в отличие от них, для ориентации в каменном лабиринте у младшей жены имелось острое эльфийское зрение и мой мяч-тестер, заклятый на освещение, не слепящее глаза в замкнутом пространстве. Так что беспокоиться за мою древнейшую не стоило – в случае чего магический приборчик позволит вернуться по своим следам, как мне самому хрустальный шар.

Вот только с глубинными страхами ничего не поделаешь – сердце захолонуло ли от собственного внезапного одиночества, то ли от опасений за младшую жену. Последние отблески света тестера как раз исчезли за поворотом. А еще через полминуты, отражаясь от стен, по коридору донеслись напевные звуки драконьей флейты. Конечно, чем искать невиданную тварь в бесконечном каменном лабиринте, лучше выманить ее надежными чарами. Меня же при этом предупредить совсем не обязательно...

Как и в прошлый раз, этот род своей магии Келла предпочла пустить в ход в некотором отдалении от мужа и повелителя – то ли не желая сбить настройку приманиваемой добычи на себя любимую, то ли, чтобы за компанию с очередным драконом не скрутить и меня до совсем уж собачьей привязанности простым, но мощным заклятием.

Звуки, искаженные многократным эхом, совсем не околдовывали. Скорее усыпляли – в ожидании, пока сработает магия флейты, я едва не задремал, присев на камень напротив слишком высокого для меня карниза. Трели сплетались, срывались каскадами и глохли в холодном воздухе пещеры, превращаясь во что-то странное, похожее на шелест дождя. Примешивающиеся к этим звукам раскаты далекого гула казались громом, получившим уместную партию в этой подземной грозе. Они даже не особенно мешали сну...

В отличие от пронзительного женского визга, удесятеренного эхом. От такой побудки я мгновенно свалился с камня, продрал глаза еще в полете и уже из такого положения увидел, как младшая жена во весь опор выносится из жерла пещеры.

Гул и грохот, несущиеся вслед удиравшей эль-фи, издавала, несомненно, исполинская земле-крюйка, явившаяся на зов. Вот только подчиниться ему она отчего-то не пожелала.

Объяснений этому долго ждать не пришлось. Пролетая мимо меня, как файрболл из катапульты, эльфь древнейшей крови проорала:

– Эта сволочь – насекомая! На нее драконья флейта не действует!!! Только злит!

Так... Планы меняются. Теперь зверюгу придется не выводить тихо-мирно за пределы долины, а по возможности гробить на месте. Тут не до церемоний! А прежде всего надо хотя бы унести отсюда ноги.

Темная шевелящаяся масса надвигалась из глубины пещеры столь стремительно, что удирать я кинулся, не помня себя, прямо на четвереньках, и уже на втором повороте догнал ничуть не запыхавшуюся Келлу. При этом не особенно увеличив разрыв с преследователем.

Что ж, по крайней мере, себе на хвост мы зем-лекройку посадили надежно. Неясно только, как теперь дальше дело пойдет. Такими темпами лично я выдохнусь намного быстрее, чем тектонический паразит. До открытого места добраться бы, не потеряв дыхания...

Словно в ответ на это желание впереди туманным пятном замерцал свет. Выход из пещеры неожиданно оказался ближе, чем запомнилось. Хорошо еще, что я таким аллюром, на полусогнутых, не до самого перевала добежал, за собой не заметив, а то с перепуга станется.

Свет впереди разрастался, отчаянно слепя глаза. На склон перед пещерой мы вылетели, не тормозя, и некоторое время перебирали ногами в воздухе, как зверюшки из детских развлекательных иллюзий, что через магический шар проецируют в балаганах на полотнище или облако дыма. Но в отличие от иллюзорных бегунов мы довольно быстро снова зацепились ногами за землю и рванули дальше с утроенной скоростью, уже без боязни врезаться в стену на крутом повороте.

Порядком отдалившись от зева пещеры, я оглянулся, не особо сбавляя ход.

Решение не тормозить оказалось верным. Словно пробка из перегретой бутылки с токкурской шипучкой, исполинская землекройка перла из пещеры, ощупывая воздух перед собой венцом то ли лап, то ли жвал, снабженных острейшими когтями-заступами. Зрелище было устрашающее и одновременно в чем-то неприличное, будто гора сама силилась избавиться от паразита, тужась со всей мощи. Выглядело это столь же омерзительно, сколь и устрашающе.

Высунувшись до половины наружу, тварь закачалась, оглашая горы противным скрежещущим то ли визгом, то ли ревом, и тяжело перегнулась, отыскивая поверхность ходовыми лапами. Грянувшись о склон, она зацепилась за него когтями и поползла вниз, на нас. Когда ее задняя часть вырвалась из пещеры, тушу чуть занесло – показалось, что вот-вот она пойдет юзом и покатится под уклон.

Обошлось. Вздумай чудовище катиться, уйти от него не удалось бы никак. Но спускаться под гору кувырком, по-суслицы, неповоротливой и тяжеловесной зверюге тоже не особо хотелось – она несколько замедлила ход, желая обрести большую устойчивость. Так что, пока склон не сделался более-менее пологим, нам даже удалось слегка перевести дух, не останавливаясь совсем, но сбавив скорость почти до шага.

По горизонтальной поверхности исполинская землекройка тоже продвигалась весьма споро. Венцы проходочных лап при этом потешно загребали воздух. Однако все-таки она слегка сбросила темп, поскольку утратила возможность рас-

пределять вес на большее число ходовых лап. Стен, за которые можно цепляться в пещере, здесь не было.

Не было и опасности выжечь весь воздух при ударе огненной стихией. Пора опробовать Реликвию, заполученную такими трудами. Только бы не выронить магическую перчатку при попытке надеть ее на бегу...

Келла одобрительно усмехнулась, видя, какой сюрприз готовится нашему преследователю. Справившись наконец с выкованными из упругого металла звеньями, я натянул артефакт на руку. Остановился, чтобы немного отдышаться, развернулся к накатывающей массе и поднял навстречу ей Длань Справедливости.

Приноровиться к новой Реликвии, тем более не свойственной мне стихии, было трудновато – пришлось долгие секунды нащупывать путь к ней, затаив дыхание и помогая другой рукой. Наконец искомая комбинация была найдена.

– Фульмо! – выдохнул я, судорожно глотнув воздуха. Посмотрим, как тебе это понравится, зараза!

Невесомый пузырь пламени размером с сорокаведерную бочку соткался в выставленной вперед ладони и величаво уплыл к надвигающейся землекройке. По мере приближения к переднему торцу тектонического паразита он уже не смотрелся столь внушительным, но, влипнув в самую гущу проходочных лап, разорвался, словно фэйрболл. В отличие от привычной огневой снасти, основным поражающим фактором действия Реликвии оказалась не ударная волна, а сама

стихия Огня, сконцентрированная и облеченная закланием в форму.

Пламя расплескалось о лобовую броню, охватило венец проходочных лап вокруг нее... И истаяло, не причинив исполтинской твари почти никакого вреда! Только на паре самых крайних лап отгорели и рассыпались когти, да еще копотью подземная тварь, и без того не блещущая чистотой, обросла порядочно. Язычки пламени еще перебежали по каким-то махрам и кореньям, приставшим к панцирю. Тем не менее после полученного удара землекройка и не думала остановиться или хотя бы сбавить ход, лишь завизжала еще оглушительней и припустила вперед почему зря, так что удирать пришлось почти так же споро, как в пещере.

Конечно, совершенно неуязвимой тварь не была, и удар Реликвии задел ее пречувствительно. Но, увы, не настолько, чтобы уничтожить, остановить или хотя бы напугать.

Этак я ее неделю буду жарить без дополнительного горючего. Оторваться же на расстояние, которое сделает безопасным более мощный удар, у меня просто не получится. Да и устану я много раньше, чем она прогорит до потери боеспособности. Стало быть, надо поискать дополнительный источник разогрева. В лес какой-нибудь заманить, на дровяной склад, в овин с сеном, на худой конец...

Только нет в Ограде ни лесов, ни построек такого масштаба. Первых – по причине высокогорной долины, вторых – из-за самой землекройки! Только ОгрТинг и стадион, залитый

свежей, не схватившейся еще каменной смолой...

Вот оно! Перейдя на рысь, я поравнялся с младшей женой и прохрипел ей:

– Дуй к Сакральному Стадиону и кинь у ближнего конца пару мешков поплотнее... А я повожу ее пока...

Келла, не тратя дыхание, согласно кивнула и наддала так, что только пятки засверкали. Задуматься, а тем более переспросить, зачем мне сдались мешки при огрском спортивно-культовом сооружении, ей и в голову не пришло. Во-первых, ситуация требовала беспрекословного исполнения приказов, а во-вторых, намного интереснее самой посмотреть, как выкрутится из нестандартной ситуации муж и повелитель!

Чтобы отвлечь постепенно разгоняющуюся зверюгу от младшей жены, я завернул чуть в сторону – попетлять, потянуть время, а потом поточнее навести землекройку в створ между трибунами. Только бы эльфь древнейшей крови оказалась порасторопнее – долго нарезать зигзаги по долине я не готов.

По счастью, уже на третьем рискованном повороте знакомая фигурка двинулась в обратный путь от Ограда к каменной громаде стадиона. Лапы землекройки, пытающейся изогнуться быстрее, чем я отбегу на сторону, взрывали землю, разбрасывая камни и клочья дерна. Занос у твари был почти как у летающего линкора, пытающегося маневрировать у самой земли над небольшой деревенькой.

Поминутно оглядываясь назад, чтобы проверить направление, я по длинной дуге доворачивал к открытому концу стадиона. Тектонический паразит не отставал, мерно топоча ходовыми лапами и мерзко лязгая проходочными. Хорошо хоть не орал больше...

Келла уже поджидала меня у перекладины Правила, держа столь необходимые мешки. Снова соваться на поле без них не особо хотелось – лишней одежды у меня здесь нет, и так уже пришлось пожертвовать одним комплектом, – а в бахилах выше колен, если не навернусь, остается шанс обойтись без повторной стирки.

Увидев, что до цели мне осталось полсотни ярдов, младшая жена сбросила мешки на землю и бегом кинулась налево, куда-то за трибуны. Оно и к лучшему, нечего в решительный момент зря маячить. У землекройки должна быть одна цель – я, и чтобы никаких шансов свернуть...

Было нелегко прыгать на одной ноге, поочередно надевая мешки и стягивая их горловины выше колена, перед неудержимо приближающейся зверюгой. Едва хватило выдержки вступить на поле Сакральной Игры не сумасшедшим галопом, а более-менее поспешным шагом.

Покуда я пересекал штрафную зону и одолевал первые десятки ярдов смоляного болота, землекройка с налету вломила на стадион. Слегка не вписавшись в створ, она снесла бокон Правилу, как бита крикетные воротца, и выметнулась на западную трибуну. Камни, слагавшие громадное строе-

ние, неохотно поддавались дикому напору, но не могли устоять перед чудовищной мощью тектонического паразита.

Пока землекройка крушила западную трибуну, я рваной рысцей пересек остаток поля. Самые лучшие места сносит, зараза! Впрочем, мне на этом поле уже не играть, к вящему удовольствию жен и подопечной.

В три прыжка отдалившись от края поля, я стянул бахилы и зашвырнул их обратно в смолу. Подземное чудовище наконец-то вползло в штрафную зону противоположных ворот. Ну сейчас мы ему вкатим мячик— мало не покажется. Пусть только заберется поглубже...

Выдохнув до звона в ушах, я поднял руку, облеченную Дланью Справедливости, выставил ее к полю в отвращающем жесте, слегка хлопнул пальцами другой руки по основанию ладони и, вдохнув снова, крикнул:

– Фульгоре!

Полотнище огня сорвалось со стальной перчатки и с гулом ударило в тупой бронированный лоб твари. Перебирая всеми имеющимися в наличии лапами, многотонная зверюга изо всех сил попробовала затормозить. Это удалось ей плохо, зато фонтаны смолы получились просто замечательные. Пролетая сквозь огненную струю, мелкие брызги испарялись с взрывными хлопками, а более крупные шлепались обратно, окружая исполинскую тушу цепью огней. Наконец основная масса смолы достаточно прогрелась.

Тяжким выдохом прогудела вздымающаяся стена огня.

Землекройка скрежещуще завизжала, как рвущаяся стальная балка с трех слонов в объёме. Огненное кольцо рванулось к краям поля – я едва успел откатиться к трибуне, когда ключья пламени пролетели над низким валом, окружающим игровую площадку.

Непрерывно визжащее чудовище крутилось в самом центре поля, пытаюсь найти выход из огня. Вал звука катился по окрестностям, пригибая пламя и вызывая осыпи на склонах. Голова прямо-таки раскалывалась от этого визга. Вот ведь живуча гадина, сверх всякой возможности... Ее движения навели меня на еще одну мысль.

– Фульгоре турбем! – повелительно заявил я, для верности хлопнув в ладоши еще разок и махнув рукой круговым жестом. – Константо!

Столбы огня вокруг землекройки задрожали, заметно наклоняясь. От края поля, где я стоял, к центру побежала огненная спираль, которая, словно перевясло сноп, собрала струи пламени в тугой клубок вокруг исполинской твари. Спустя секунду над ней поднялся тысячефутовый огненный смерч.

Больше землекройка не кричала. А спустя долгих пять минут прекратила двигаться.

За этим, впрочем, я наблюдал с самой верхней трибуны – находиться вблизи поля давно уже было невозможно. Даже здесь жар бил в лицо, а в спину заметно давил поток воздуха, порожденный тягой. Отступая, я забирался все выше и выше

по зрительским скамьям.

Кто-то перемахнул через внешний край трибун в соседнем секторе. Со страховочной галереи, что ли? Я повернул голову в ту сторону, щурясь от огненных бликов. Келла. А следом за ней – Хирра и, что совсем удивительно, Алир. Видать, неподалеку от стадиона сегодня гуляли.

Женушки уселись по бокам от меня, подопечная пристроилась в ногах. Уютно...

– Сейчас бы попкорна с маслом. Хорошо бы пошел, – шутка вылетела сама, не спрашивая моего мнения о своем качестве и уместности. Но эльфочки подхватили игру без сомнений. Или всерьез проголодались, кто от ожидания, кто из-за всей этой беготни от тектонического паразита...

– Лучше сосиски пожарить, – усмехнулась Хирра, которая всегда была практична в отношении еды.

– Или зефир разогреть, – ухмыльнулась более романтическая Келла.

– Тянучки, тянучки!!! – восторженно захлопала в ладоши непроходимая сладостенка Алир. Немного помолчала и совсем неожиданно добавила: – А может, просто посидеть, посмотреть на огонь. На него можно долго смотреть. Почти бесконечно...

Что такое «бесконечно» для эльфийской дивы, я побоялся даже представить. Просто замолчал и повернулся к самому большому в моей жизни костру.

Так мы и сидели. Только копоть хлопьями кружилась в

воздухе, оседая на нас, трибуны, окрестные луга... Землекройка постепенно прогорала, рассыпаясь холмом пламенеющих углей и раскаленного шлака. Солнце зашло, и над вершинами показались первые созвездия: Водонос, Заклинатель, Дева Радости...

Все-таки, похоже, подопечная – неплохая девчонка. Для светлой эльфи, конечно.

Зря я каждую секунду ждал от Алир пакостей.

Доброе слово и огру приятно

*...А когда последний наш умрет,
Закопайте прямо у ворот,
На поминках разогрейте суп,
Ведь мы болели за один и тот же клуб...*

Сакральный Стадион дымился третьи сутки. С «константо» я, конечно, малость пережал. Хватило бы и «пролонго» – эффект тот же, а гасить всем поселком не пришлось бы. А то огры весь песок с пересохшей Среброречки перетаскали, чтобы засыпать медленно выгорающие многолетние напластования каменной смолы.

Русло в результате значительно углубилось, недвусмыс-

ленно намекая на необходимость возвращения реки на свое ложе. Хорошо хоть из-за всеобщей замороченности пожаром ни у кого не нашлось времени на то, чтобы собрать ОгрТинг и озаботить нас очередным заданием.

Другое дело, что и кормить дорогих гостей, спасителей Ограда от исполинской землекройки, все это время никто не удосужился. Так что, подъев запасы Алир, по большей части состоявшие из страшненьких на вид, но весьма вкусных огрских сладостей, мы волей-неволей отправились на пожарише— присоседиться к общему котлу и по возможности помочь, чем можем.

Хотя, конечно, аспекты магии у нас для этой цели не самые подходящие. Мой Ветер и Огонь обеих жен тут никоим образом не в помощь, равно как и наша с подопечной Жизнь. А общая для всей женской части семейства Вода – что бегущая у светлой эльфи, что спокойная у темной с древнейшей – в суховатой долине просто не найдет в достатке подконтрольной стихии. Огры вон, не будь дураками, свои колодцы берегут и даже не пытаются тушить пожар водой оттуда.

Реликвии, имеющиеся в наличии, для такого дела тоже не годятся. Длань Справедливости – понятно почему, а Зерна Истины заточены под работу с уже имеющейся магией путем усиления и трансформации в пределах заданной стихии. Так что стесняться неучастия во всеобщем огнетушении нам нечего.

По счастью, к тому моменту, как мое голодное семейство

добралось до дымящихся трибун, основные противопожарные мероприятия уже закончились, и огонь под полудюжиной котлов, в каждом из которых с легкостью поместился бы я сам, пришлось разжигать заново. Серьезный народ огры, ничего наполовину не делают!

Ожидая, пока стготовится варево, мы уселись неподалеку рядом с ОгроСтаростой, который раздавал миски и ложки тем, кто явился на пожар без них. Кроме нас, пожалуй, и никто – к возможности пожрать при любом удобном случае горный народ подходит серьезно и никогда не выходит из дому без собственной посуды. Помимо гостей запасные ложки-плошки достались только самым маленьким огрятам да паре растерях постарше.

Стучать посудой с голоду моему семейству не позволяло эльфийское воспитание, а просто так дожидаться, пока будет готово, не было терпежу. Избавление от скуки пришло совершенно неожиданно: сначала те самые огрята, а потом и кое-кто из взрослых, не занятых приготовлением пищи, принялись играть в бабки – фермерскую игру вроде кегель, только без шаров. Битой в ней служит такая же «кегля» из кости рогачьей ноги, залитая внутри свинцом. При здешнем обильном поголовье стад мясо-молочной породы материала для игрового инвентаря должно быть в избытке.

Поначалу жены с подопечной лишь заинтересованно следили за ударами, выбивавшими заявленные костяшки из сложных построений, а потом понятно, кто из них не удер-

жался и влез в игру. Разумеется, Келла! Ничтоже сумняшеся, младшая жена отпихнула боком неуклюжего паренька на голову выше себя, позаимствовала у него биту и принялась кидать, попутно объясняя пострадавшему от ее темперамента, как пускать кость с проворотом, чтобы выбивать назначенную мишень вперед из двойного строя.

Впрочем, не она одна снизошла до простецкой забавы. Хирра, показывая заинтересованной Алир, как что делается, тоже несколько раз бросила свинчатку, уже более вежливо одолженную у огрихи постарше, обучавшей игре свой выводок малолеток. А после того как сам ОгроСтароста, отставив в сторону стопку не розданных мисок, встрял в черед с двумя здоровяками, оставаться в стороне стало и вовсе неуместно.

К тому времени, как я присоединился к игре, старикан выбил вчистую первого парня и добивал второго. С моим участием это дело особо не затянулось, и проигравший вслед за предшественником отошел в сторонку. Еще бы! В учебке, когда нечего делать, редко получалось коротать время иначе. Азартные-то игры в казарме были запрещены, а тут вроде здоровый спорт на открытом воздухе... со своей системой ставок, о которой начальству знать совершенно незачем. Берт Коровий Дядюшка тогда очень здорово это придумал с фермерской забавой...

К нашему с ОгроСтаростой поединку, идущему примерно на равных, в качестве зрителей подтянулось мое семейство. Судя по всему, обе жены отчаялись втемяшить свое

мастерство нерадивым ученикам – моя древнейшая огрскому увальню, а моя высокородная Опущечной. Неуклюжая во всяком деле светлоэльфийская дива хвостиком поспешала за старшей подругой.

Подоспели они к самому решительному моменту – из особо сложной фигуры «рогач в стойле» были выбиты все более-менее простые костяшки, остались одни заковыристые. Такие не выцепишь иначе, чем крученой битой, да не просто крученой, а чтоб выбивала в сторону.

С неожиданной ловкостью громадных пальцев Хугге Громовило закрутил свинчатку порхающим волчком и выбил «ухо» рогача. Кость вылетела, не сбив ни одной другой, а бита запрыгала по гальке в полудюжине ярдов позади «стойла».

Теперь оставалось только одно – выбить «глаз» многострадального «рогача» и закрыть кон. Или проиграть, что не грозило никакой опасностью, но чего почему-то на редкость не хотелось. Не то чтобы гордость выиграла, просто разгорелся не пойми откуда взявшийся азарт...

Примеряясь, я покачал рукой с зажатой в пальцах битой. Еще раз... Чуть ослабил и без того порядком сбившийся черный шелковый платок Хирры на правом запястье под растегнутой манжетой камуфляжной куртки. Вчера она выдала его без вопросов, под утверждение о необходимости беречь руку от растяжения, застухи и травмы Реликвией. Конечно, любой из моих эльфов раз плюнуть залечить и то, и другое, и третье, но правило «береженого Судьба бережет» еще никто

не отменял.

Особенно если уже не уберется... Отчего-то не хотелось рассказывать старшей жене о последствиях самоуправства младшей в огрском мемориале. Виновница происшедшего тоже не спешила поделиться своими достижениями, так что, к немалому моему удивлению, этот дурацкий секрет остался в полной сохранности.

На предполагаемую меткость броска такие мысли хорошо повлиять не могли. Поэтому я выбросил из головы все постороннее, глубоко вздохнул и сильным размахом отправил кость в полет, закрутив ее резким движением кисти. Казалось, в пути кость жужжала, а по воздуху за ней тянулся черный дымок...

Да не дымок, а платок!!!

От рывка шелк соскользнул с запястья и улетел следом за битой. Манжета куртки при этом задралась чуть ли не до локтя, открывая злосчастный браслет во всей красе. Хорошенько отмытое и оттертое вчера золото сверкнуло под нехстати выглянувшим солнцем, притягивая все взгляды.

Сухой щелчок свинчатки по «глазу рогача», вылетевшему со своего места чуть ли не вертикально вверх, прозвучал в абсолютной тишине. А самого удара – редкостного, невозможного по удаче – похоже, никто, кроме меня, и не увидел. ОгроСтароста, Хирра, Алир, даже Келла – все уставились на браслет с разнообразными выражениями лиц, но при этом совершенно одинаково онемев.

Да... В игре-то я победил, а по жизни, кажется, доигрался...

Первым нарушил молчание старый огр, надвинувшийся на меня утесом.

– Зачем взял? – слова его, короткие и тихие, прозвучали страшнее, чем обычный раскатистый рык.

– Да я и не брал... Оно само как-то... А снять не могу, – начал оправдываться я, сам чувствуя нелепость сказанного, но отчего-то не желая выдавать устроившую это безобразие младшую жену.

Впрочем, ОгроСтаросте, за какие-то мгновения вдруг сделавшемуся чуть ли не вдвое старше, казалось, не было никакого дела до истинности моих слов.

– И не снимешь, – тихонько пророкотал он, печально глядя словно вглубь себя. —Пр-р-реж-ний владелец, уходя, палец себе отр-р-рубил, чтоб отр-р-речься...

– От чего отречься? – нехорошие подозрения зароились у меня в голове гудящими облаками.

– Это пер-р-рстень Огр-р-рПр-р-ротектор-р-ра, пр-р-ред-стоящего пер-р-ред Анар-р-риссом за весь нар-р-род, – устало пояснил ссутулившийся огр. – Тепер-р-рь ты – Огр-р-рПр-р-ротектор-р-р...

Так... Мало мне султаната Хисахского, теперь еще и Огрия. Отличие только одно – здесь мне хотя бы не надо искать заместителя. Старейшины способны сладить с народом без всякого Ог-рПротектора – справлялись же тысячелетия

со времен Войны Сил, откуда браслет, то есть перстень, лежал в пещере...

Худшие мои подозрения оправдались в полном масштабе. Причем осознали важность момента все присутствующие— Хирра с Алир застыли, словно громом прибитые, только что не дымясь, а Келла затихла, словно змейка-линейка, прикинувшаяся веточкой, судя по всему, поняв, что своими неудержимыми шалостями втравила мужа и повелителя в слишком серьезное дело. Насколько глубоко — оставалось только предполагать. Хотя один вопрос необходимо прояснить сразу же.

— Что ж мне, теперь руку себе рубить, чтоб из долины выйти?

— Да иди куда хочешь, как пр-р-раво на Р-р-реликвию отр-р-работашь, — отмахнулся старик. — Летто Полпер-р-ревязи до того, как отр-р-рекся, на вашу эльфийскую войну за День пр-р-ротив Ночи ходил, пер-р-рстня не снимая...

— Отчего же тогда он его с пальцем-то отрубил? — не сумел я сдержать вопрос, хоть и произнес его тихо-тихо.

— Оттого, что один с той войны пр-р-ришел, — горько бросил огр. — Из всех. А в ОгроГвар-р-рдии тр-р-ри тысячи в стр-р-рою стояло... Никого не убер-р-рег.

Пределы ответственности ОгрПротектора за народ прояснились. Уж чего-чего, а гнать огров на войну лично я никак не собираюсь, некогда сам возвратившись с нее не в полном комплекте. Равно как и морить подотчетный народ ка-

ким-либо иным способом. Так что за целостность окольцованной конечности можно не опасаться.

Заодно стало понятно, что за доспехи лежат в пещере. Действительно с самой Войны Сил. Вот она, цена огрского миролюбия – в те стародавние времена вся численность народа первых детей Матери была немногим больше нынешнего населения долины. Так что незадачливый огрский полководец разом положил за эльфийские разборки чуть ли не всех взрослых мужчин своей крови. После такого не знаю, что себе рубить надо.

Хотя кто теперь разберет... В те времена все народы, кроме гномов, подвели себя к такому же пределу, по большому счету, лишь ради того чтобы мир остался прежним. Это начиналось все за победу Дня или Ночи на вечные времена, а завершали войну те, кому больше жизни хотелось удержать в должных пределах разбушевавшиеся времена суток. Даже основатель династии Предвечных Королей и его победоносный брат-мар-шалиссимус бились за то же, а отнюдь не за победу своих богов.

Поэтому не мне судить последнего огрского полководца, сгинувшего по пути в Хисах вместе со своим вышестоящим начальством и всем Священным Воинством Хтангской Династии. В конце концов, здесь и сейчас, в Огрогорье, отводя право на Реликвию, нужную для планового маготехобслуживания мира, я заканчиваю их работу.

Эта мысль почти примирила меня со случившимся. Во

всяком случае, придала некий смысл непредвиденному попаданию в ОгрПротекторы за счет какой-никакой, а все-таки преемственности в целях. Приняв случившееся, можно было строить планы на будущее.

– Что теперь делать-то? – вопрос получился расплывчатый, под любой ответ. Но слов, которые прозвучали, я никак не ожидал услышать.

– Завтр-р-ракать, – слегка раздраженно буркнул старый огр. – Как р-р-раз свар-р-рилось...

Причем недовольство в голосе старейшины проистекало никак не из факта моего нечаянного узурпаторства. Скорее из непонимания непутевым новичком-ОгрПротектором первичности таких простых и очевидных истин, как необходимость своевременно пожрать.

В своем сдержанном негодовании ОгроСта-роста был прав. Забыть о том, ради чего, собственно, мы сюда и пришли, было совершенно непозволительно. Тем более раз уже все готово! Серьезные разговоры могут и подождать, когда дело доходит до раздачи у котла. У огров это процедура основательная и серьезная, едва ли не более, чем все прочие.

Свою порцию как почетные гости, победители в Сакральной Игре и прочая мы получили почти что первыми – сразу после плачущего карапуза мне по плечо и его мамыши, отчаявшейся успокоить изголодавшееся чадо. После этого оставалось лишь отойти в сторонку и хорошенько поработать ложками, не мешая прочим желающим.

То, что столь своевременно «сварилось», скорее, было годно для обеда, чем для завтрака – острая, густая и наваристая похлебка из фасоли с копченой рогачиной. Горячая, вкусная и в совершенно невообразимом количестве. Да еще с ржаным огрским хлебом, от души нарубленным толстыми, с палец, ломтями. Не с человеческий, понятно, а с огрский, перстень с которого мне вместо браслета впору...

На сытый желудок все обстоятельства, и уже имевшие место, и предстоящие, не несли в себе зримой угрозы. Так что ОгрТинга, который должен назначить нам новое задание, я ждал даже с нетерпением. Лучше поторопиться с исполнением следующих огрских прихотей. Отдых, конечно, лишним не бывает, но затягивать его на всю зиму не хотелось бы.

Ждать пришлось куда меньше, чем можно было предположить. Только-только всем народом успели миски песком оттереть и сполоснуть, как подоспело очередное всеобщее собрание. Так, для простоты и удобства, раз уж все равно сошлись вместе.

Шествие к помосту с кубическими колоннами в связи с послетрапезной лентой растянулось минут на пятнадцать. Да еще столько же подтягивались отставшие, кряхтя и отдуваясь. Едва удалось преодолеть соблазн усесться на ступени перед помостом, ожидая, покуда все соберутся.

Наконец к месту собраний стянулось все наличное население Ограда. Куда больше, чем в прошлый раз – большинство ушедших за перевал, чтобы погулять по поводу Са-

красной Игры, уже вернулось. Не до самого же Анарриса провожать проигравших, надо и тамошней огрской диаспоре оставить развлечение.

Надеюсь, больше от всенародного собрания можно не ждать санитарно-хозяйственных заданий тектонического масштаба. Состав сменился, мужская половина населения вернулась к домашним очагам. Так что дела нам с семейством теперь предстоят серьезные, в полный огрский рост.

Процедура опроса народных ходатаев не слишком отличалась от прошлой, только на этот раз старейшине горного народа не пришлось спихивать с помоста никого из просителей. Угрюмые мужики, выходявшие к скамье, в своих пожеланиях были кратки, а по размерам иногда превосходили своего единоличного представителя. Один за другим они поднимались на помост, гулко и неразборчиво взрыкивали ему на ухо и тут же без промедления отходили прочь.

Такое единодушие не оставляло сомнений в том, что предстоит совершить очередному Избраннику Судьбы, нечаянному ОгрПротектору и все тому же Собачьему Глазу Пойнтеру ради доверившегося ему народа. Однако форма, в которую ОгроСтароста облек просьбу избавить своих собратьев от вековой напасти, оказалась совершенно неожиданной:

– Ср-р-ребр-р-рор-р-речку вер-р-рните... Пр-р-редел пр-р-ришел Огр-р-раду.

При всей громовой торжественности сказанное прозвуча-

ло настолько грустно и обреченно, что даже я почувствовал долю стыда. За разгромленный Сакральный Стадион, за пожар, который нечем тушить, кроме песка...

Мировая Погибель внезапно проступила здесь, на окраине обитаемых земель, зримой неопровержимой приметой. Среброречка, заморозивший ее демон, Реликвия – все собралось в неразделимый клубок. Мир нуждался в исправлении весь, от баланса стихий до последней мелочи.

– Вернем.

В это слово мне удалось вложить все передуманное за недолгие секунды. И еще то, что «Пойнтер всегда все возвращает на место». Огры могут не знать истории с Храмом, ведущей меня от Реликвии к Реликвии, но это ничего не меняет. Даже того, что на сей раз возвращать придется взятое задолго до меня – Длань Справедливости, Среброречку... А также спокойный сон без ночных визитеров и задержавшихся на столетия детских страхов одной светлой эльфи.

Может, мне и показачось, но, услышав единственное слово согласия, громадный старик словно слегка распрямылся, расправил сведенные многолетним грузом плечи. Видимо, истребленной с изрядным перебором в средствах земле-кройки ему хватило, чтобы поверить – вернем.

Хотелось бы мне быть уверенным уже не в собственной готовности идти до конца, а в исполнимости обещанного, в той же мере, как все вокруг – от ОгроСтаросты до последнего огрен-ка. Жены с подопечной, и те не выказали ника-

ких сомнений в успешности предстоящей экспедиции против могущественной нежити. Последняя, не иначе – по непониманию перспектив...

– Что смотришь? – сочла необходимым объяснить свое спокойствие моя древнейшая. – Знал же, что этим кончится...

Урона моему победоносному образу она этими словами не нанесла. Так же, как и в прошлый раз, огры быстро разошлись по своим делам, оставив нас наедине со своим старейшиной. А он, похоже, успел привыкнуть к выходкам моего семейства с поистине непостижимой скоростью. Так что уточняющая реплика моей высокородной тоже пропала втуне:

– Демона все равно пришлось бы устранять. Это было ясно с самого начала.

Так уж и с самого... Хотя нет, по крайней мере, с момента появления обоюполого у отеля стало невозможно отрицать необходимость истребить его без раздумий и жалости. Оставлять такое в тылу у беззащитного отныне горного народа – преступление.

– Ой... – младшая ау Риер, услышав про нежить, оказалась способна только на этот короткий писк. До Опушечной с некоторым запозданием дошло, что гостеприимные хозяева отправили нас прямиком на укрощение ужаса всей ее жизни.

Вопреки ожиданию, это не повергло ее в полное потря-

сение, к которому я успел привыкнуть за последнее время. Сейчас, как и при первых шагах в долину, на лице подопечной отражались противоречивые чувства. Страх, конечно, был, куда же без него, но и облегчение пополам даже не со злорадством – какое может быть злорадство у совершенно плюшевой по характеру светлоэльфий-ской дивы, – а с внезапным задором. Вот уж от кого не ожидал...

Впрочем, непредсказуемость всегда была главным козырем второй расы разумных. О себе самих, своих возможностях и свойствах эльфы имеют весьма смутное представление. Вплоть до того, что иногда кажется, будто они даже не в курсе, к какому полу принадлежат. Мальчики, девочки – мандрагора разберет... Как подростки, которым они соответствуют по расовому возрасту. Но если те со временем понимают, что к чему, то у первых детей Отца эта проблема зачастую остается на всю жизнь.

В отличие от огров, которые этим вопросом по-детски вообще не парятся и с упоением разыгрывают роли, отведенные им Судьбой, не менее младенчески непосредственно и с явным удовольствием предаваясь любым взрослым забавам.

Кстати, Алир настолько пришлась им ко двору именно потому, что с истинно огрским упорством упражняется в роли Маленькой Девочки с Большой Буквы. Да и ледяной демон не нашел понимания по той же причине. Уж очень он не укладывается в местные представления со своей демонстративной двупол остью...

Пожилой огр, до сих пор лишь бросавший пристальные взгляды то на одного, то на другого члена моего семейства, решил прервать затянувшееся молчание. Гулко закряхтев и откашлявшись, он произнес:

– Что пр-р-ригодится, все ор-р-рганизуем... Только по-пр-р-росите.

Это дело, конечно. Чтобы отправиться в горы чуть ли не на десяток тысяч футов, припасов и снаряжения нужно много, и не всем я озаботился при отбытии из замка Стийорр. Однако сейчас стократ важнее как можно более подробно выяснить все о предполагаемом противнике. То есть о демоне – его особенностях, привычках, склонностях... Кроме само собой разумеющихся.

Ответ на столь расплывчато сформулированный вопрос Хугге Громовило дал развернутый и емкий, но, увы, не обнадеживающий. Зловеще-глухое звучание лишенных привычной раскатистости слов только усиливало эффект безысходности.

– Он фальшивый. Не эльф, не человек, не женщина, не мужчина... Никто. Мутная жажда в дур-р-рном облике, – на последних словах у него прорвалось-таки характерное огрское воркотание.

Понятно. Куда уж конкретнее. О могущественной нежити ОгроСтароста считал нужным знать только то, что можно сказать почти о любом демоне, да то, что и так открыто каждому взгляду. Оттого, наверное, что нечего забивать се-

бе голову всякими гадостями. Завидная позиция. Нам она, конечно, не в помощь, но сама по себе достойна уважения. Сродни старой заповеди: «Не твори зла, не прощай зла, не оправдывай зла».

Вот только успешно обороняться от демона путем нежелания даже знать лишнее о нем можно только при огрском простодушии... И огрской же многочисленности, умножающей на общее количество отчаянную верность Судьбе каждого из них. С командой из трех эльфей идти на ледяную нежить надо бы при большей осведомленности. Жертвовать собственной шкурой или кем-то из семьи в обмен на недополученную вовремя информацию я не собирался.

Ладно, если не получилось досконально выяснить характеристики врага, попробуем хотя бы определиться с его местопребыванием. Одними догадками тут не обойдешься, хотя на логово нежити ясно указывает заниженная граница снегов на одном из пиков у конца долины.

– Вер-р-но, там он... Исток Ср-р-ребр-р-роп-р-речки замор-р-розил, – этот вопрос старейшина смог осветить куда подробнее. – По р-р-руслу добр-р-раться запр-р-росто можно. Там пещер-р-ры пр-р-ромыло. Он в вер-р-рхней, а у последнего повор-р-рота — наш гр-р-рот для Сакр-р-раль-ной Тр-р-рапезы...

Что-то у огров, за что не возьмишь, все сакральное. Деревья, игры, теперь вот трапеза тоже. С последней вообще непонятно – куда уж еще сакральнее, если вспомнить все,

что мы здесь перепробовали. До чего может дойти кулинарная мысль горного народа по столь исключительному поводу, я не мог даже представить.

Впрочем, сейчас выяснять это было не столь необходимо. Куда важнее наметить маршрут, рассчитать припасы и подобрать снаряжение соответственно избранному пути. Чтобы и лишнего в горы не тащить, и без необходимого на полдороге не оказаться.

Тут тоже все оказалось ясно и определено. По крайней мере, треть дороги можно было легко срезать по довольно пологому снежнику, а дальше выбор вариантов подъема был еще шире. Хоть по тому же руслу, хоть по его скалистым берегам, хоть по чуть ли не отвесной каменной стене.

Для надежности я вытащил из чехла магический шар и проложил курс в нем по объемной карте. Здесь всю власть сразу забрала младшая жена – из всего семейства она одна имела реальный опыт скалолазания. Из нас в учебке готовили маготехников, а не горных егерей, так что лазить мне приходилось только по искусственной стенке, да еще маршброски проводить по холмам не выше пары тысяч футов.

В результате процесс прокладки маршрута выглядел на редкость красочно: ОгроСтароста и Келла полчаса напропалую спорили по поводу тонкостей пути, то склонившись над хрусталем, то тыкая пальцами в сторону пика. Мне оставалось лишь переносить их совместные решения на образ долины, отраженный в артефакте.

Когда этот трудоемкий процесс был завершен, мы разошлись заниматься не менее важными делами: я с семейством – проводить ревизию и доукомплектование снаряжения, а старейшина – организовывать нам всенародное содействие. Насколько эффективно это у него вышло, пришлось убедиться почти сразу же.

Большую часть оставшегося дня мы проторчали в кузнице, пытаясь добиться, чтобы скало-лазная сбруя для нас достигла приемлемых размеров и массы. Существующие образцы более походили на орудия пыток, кандалы и колодки, хотя конструкция их была неплоха и вполне функциональна. Во всяком случае, лучше армейского снаряжения – там все гробит дешевизна, а тут не жалели ни работы, ни металла. Последнего можно бы и поменьше...

Кузнец мрачно сопел, хмурился и раздраженно ворчал. Отделаться от нелепого с его точки зрения заказа не было возможности – распоряжение ОгроСтаросты. Но он так и норовил отвертеться, с трудом ворочаясь между горном и наковальней в кузнице. Это был тот самый Тугге Полторы Бороды, которому не позволялось участвовать в Сакральной Игре из-за чрезмерного – добрых тринадцати футов – роста. Хорошо, что таких вот, добрых, а то бы мы так легко не отделались. И так пару раз на его ведерной физиономии даже сквозь полторы бороды явственно читалось желание послать надоед куда подальше. Например к ювелиру.

Спасло нас лишь то, что такого у огров не было и впредь

не предвиделось – все украшения ковал сам Тугте. Таких же циклопических размеров, как можно было заметить по огр-протектор-скому перстню, сделанному пусть не им, но тоже по местной мерке. К примеру, сквозь здешнюю серьгу-кольцо с подвесками я свободно мог просунуть голову.

Наконец подходящие по размеру и весу когти, крюки и ледорубы были готовы. Кузнец взирал на изделия своих рук с явным неодобрением. Его было можно понять – в сравнении с его лапами смотрелось это несерьезно. Особенно впечатлял альтеншток, который Тугте держал двумя пальцами, как булавку. Весьма брезгливо, между прочим. Ну да главное, результат достигнут.

Отличные, прочные и легкие веревки из шелка кара-арахн от самого старейшины огрского народа приташил прямо к кузнице отчаянно смущавшийся огрский паренек – едва ли не тот же самый, которого младшая жена обучала тонкостям игры в бабки. Канаты были явно не местной выделки, а привозные из Токкура или Ока-вана. После этого о снаряжении можно было больше не беспокоиться и приступить к подбору экипировки.

Соответствующей обувью я, на счастье, озаботился заранее. Прочные горные ботинки с высоким берцем, на шнуровке с ремнями. На всякий случай пять одинаковых пар – размер ноги у меня с женами и подопечной, учитывая разницу в росте, примерно один. А на толстых шерстяных носках и вовсе не отличить. Что случилось бы, обратись мы к

местному сапожнику, я боялся и подумать.

Лучше, конечно, было бы взять шесть, а то и семь пар, учитывая обстоятельства. Алир ведь тоже в горы пойдет, ничего не поделаешь. Да и на кого ее тут оставить? Весь Оград передерется за право принять под опеку любимую победительницу Сакральной Игры. После финального гола огры воспринимали Алир с почти священным восторгом. Будь их воля, на главной площади ее поставили бы и поклонялись. А гражданская война среди горного народа в мои планы никак не входит.

На сей раз я уже не мог позволить себе обойтись без кого-то из моих эльфочек. Даже без Алир, со всеми ее особенностями, не говоря уже о Хир-ре, которую никак не получится снова отрядить приглядывать за подопечной. И вовсе не потому, что после всех художеств Келлы ей больше нет доверия – просто неизвестно, как обернется дело с нежитью. Если справиться с демоном не удастся, собирать семью по всей долине будет некогда. Да и в горах вместе легче, даже при общем невеликом умении в области скалолазания. Опять же на ночлеге теплее... Одним самоставящимся шатром, как всегда, взятым в дорогу вместе со спальными мешками, тут не обойдешься. Кстати, понадобится еще и одежда потеплее той, что уже запасена.

Соваться к местным скорнякам я не решился по тем же причинам, что и к сапожникам, хотя недостатка в мехах тут не предвиделось. В огрский тулуп мы без проблем поме-

стимся все вчетвером. Идти, правда, трудно будет, и то лишь по ровному месту, а выше селения таковое отсутствует в принципе. Хотя в качестве палатки такая шуба должна быть хороша...

Нет, завернуть за парой-другой шкур все же придется. Дырки для головы прорежем, ремнем в поясе перехватим, и сойдет. Пончо не пончо, жилет не жилет – в зависимости от размеров «шкурки». Да еще придется натянуть зараз всю запасную одежду. Главное, тепло получится.

Конечно, вид у нас при этом будет – прямо-таки «Бегство эльфов из Нагорья». Особенно учитывая расовую принадлежность моих женушек, подопечной и формально мою собственную. Чисто картина отступления при полном разгроме, только трофейного котелка не хватает. Но огрский казан я не потяну – на нем хорошо с горы кататься, да и то лучше не в одиночку. Впрочем, пугать своим видом у истоков Среброречки будет некого. А если кто и найдется, то лучше пусть мы доведем его до дрожи в коленках, чем он нас.

Однако проблема с теплыми вещами тут же решилась сама собой, причем самым неожиданным образом. По пути из кузницы к нашей резиденции, аккуратно у помоста ОгрТинга, нас поджидала делегация огрских старух самого недружелюбного, на первый взгляд, облика. Бабки вызывали неодолимое желание зарыться куда-нибудь поглубже и закрыть глаза. Тесайрский штурмовой кадавр в сравнении с ними разом терял половину убедительности.

Правда, ни малейшей вины пожилых дам в этом не было. Возраст и вообще-то никого не красит, а в сочетании с огрской внешностью, и без того довольно устрашающей, да вдобавок суровой горной жизнью годы оказались способны на настоящие чудеса. Увы, весьма недобрые – куда там всем ретрансляторам наследственности Хозяина Нищих и Гран-Мадам...

– Собир-р-раетесь? – раскатисто поинтересовалась наиболее жуткая карга, согбенная старостью до жалких девяти с половиной футов. – Хор-р-рошо...

– Спасибо на добром слове, – больше всего мне хотелось пройти мимо, не отвечая, но положение обязывало.

– Мы тут тоже бар-р-рахлишко подобр-р-рали, – выкатилась на передний план старушка покруглее и подбродушнее. Ничего себе бабуся, если не считать того, что вся усеяна бородавками размером от горошины до батата, как меканская трясинная жаба в масштабе дюжина к одному. У жабы, правда, из бородавок хоть щетина не торчит.

Однако здоровенный узел с «бар-р-рахлишком» извлекла из-за спины не она, а первая старушенция, от которой по виду я как-то не ожидал ничего, кроме удара сковородой размером с колесо полицейской повозки.

– В гор-р-рах пр-р-родр-рогнете, непор-р-рядок! – произнесла она, улыбаясь. Лучше бы, конечно, она этого не делала. Единственный зуб больше моего кулака размером, источенный временем, словно руины могучей крепости, наводил

жуть.

В бережно разворачиваемом узле показался мех – зрелище, полностью поразившее моих спутниц. Женушки и подопечная скопом бросились мимо меня к старухам, по дороге непринужденно сваливая на мои плечи связки скалолазной сбруи. Так что секунду спустя, обвешанный бренчащим железом с головы до пят, я напоминал праздничное Приснодреве.

Меж тем эльфийские дивы под сенью огрских бабусь вдохновенно рылись в мехах, выбирая и меряя шубки. На мое удивление, обновы сидели на них, как влитые, разве что рукава оказались коротковаты – еле выходили за локоть. Да и по цвету удивительно подходили: дымчато-темная, волнистая шерсть муфлона – Хирре, янтарный с кофейными ремнями и пятнами мех рысей – Келле, белоснежный, мелко вьющийся пух снежной козы – Алир.

Для меня тоже нашелся полушубок из ровного пепельно-серого меха. Волчью шкуру зря представляют себе клочковатой и неряшливой – здоровый волчара всегда налитой, тугобокый, в такой вот богатой шубе. В общем, польстили моей собачьей натуре...

И не заметил сам, как с плеч слетели связки снаряжения и канатов. Полушубок длиной до верхней трети бедра удобно облегал тело, невзирая даже на укороченные рукава, пах кожей и чем-то еще, очень домашним. Никакой вони плохо выделанной шкуры или нечистого тела. При всей своей стра-

холодности огры столь же тщательны, сколь и чистоплотны.

Плечи и локти всех шуб украшали кожаные накладки, рукава и подола – плетение из кожаных ремешков. Петли для пояса тоже были из толстой кожи, а кисточки на воротниках шиты алой шерстяной нитью. Затеяливая работа. Не ожидал здесь такое встретить.

– Благодар-р-рствую, – заурчал я от удовольствия совсем по-огрски. Теперь напряга от старушенций уже не ощущалось. Тем более, что сюрпризы этим не ограничились.

– Не побр-р-резгуйте пр-ринять в дор-р-рогу, – снова перехватила инициативу кругленькая бабуся, протягивая кулек поменьше. Как по сигналу, остальные старушенции наперебой принялись совать нам свертки со съестным. Огрский пеммикан, бесчисленных сортов галеты с различными орехами и приправами, фляги наливок в мохнатых чехлах, и главное – изрядные плитки твердого меда в промасленной бумаге.

Темный и прозрачный, чуть жирноватый на ощупь, мед напоминал восковые слитки. Собственно, твердый мед так и получают – без изъяна для остальных свойств меняют твердостью с воском под несложным и не самым долговечным заклятием. Через пару лет, в крайнем случае, если сорт дорогой, спустя дюжину первоначальное положение вернется: мед растечется, а воск застынет. Если первый не будет раньше съеден, а второй не сгорит в какой-нибудь лампаде. Обычно огры пропитывают жидким воском мебель и другую

деревянную утварь. Что им лишнюю дюжину лет подождать, пока схватится...

Ну и, конечно, не обошлось без пирогов. Какая бабка отпустит в дорогу без пирога, хоть на первый день! Судя по всему, после этого дня горы нас не выдержат— рухнут под тяжестью. Это огрским внучатам те пирожки и плюшки на один зуб, а я больше двух таких в сутки не осилю. Ну, и эльфочки мои способны умять штуки по три.

Но обижать никого не хотелось. Теперь мы свободно сможем хоть перезимовать в горах. Во что только класть все это богатство?

Оказалось, огрские бабушки позаботились и об этом, вручив нам четыре объемистые котомки на плетеном из лозы каркасе, с поясным ремнем помимо обычных плечевых, да еще и на нем с парой подсумочков, как у рейнджерского рюкзака.

Все из прочнейшего, мгновенно сохнущего брезента, а сверху— лопасть от дождя из шкуры речного котика. Короткая бархатистая шерстка на крепчайшей коже переливалась всеми оттенками шоколадно-коричневого. На острых камнях порогов ничем менее прочным котикам не обойтись...

Под грузом припасов мы дотащились домой как раз к заходу солнца, запалили светильник с жидким воском и для начала уменьшили количество съестного. Заодно и распробовали. На вкус куда лучше, чем на вид, как всегда у огров.

Затем чуть ли не до полуночи укладывали снаряжение

и припасы. Железо поделили поровну, хотя я и порывался облегчить ношу женского большинства экспедиции. Зато фляжки они почти все навесили на меня, даже на шею приспособили бочоночек, как снегоройному псу. Себе оставили всего по две каждая – с наливкой и под кофе, в меховойлочном чехле, залятом на самогрев. А драконья доля твердого меда как-то нечувствительно оказалась в котомке Алир.

По углам перепискивались флафы, торопясь поделить дневной урожай пыли и мусора, огоньки светильников потрескивали, приседая в такт. Спать захотелось неодолимо. Тем более, что завтра надо выйти пораньше...

Наверное, только подступающим сном и можно было объяснить увиденное, но вдруг мне почудилось движение на торчащей из стены ветке с красной корой. Как будто серые пуховки на ней зашевелились сами собой, без ветра – какой ветер может быть в закрытом жилище!

Моргнув, я пристально уставился на самый большой комок серого пуха. Ничего... Никакого шевеления.

Целых полдюжины секунд все было спокойно. А потом мохнатый шар на ветке так же пристально уставился на меня парой ярко-зеленых глаз, открыл крохотный ротик и сказал: «Пиу!»

Что удержало меня от повторения утреннего подвига Алир с прыжком через стул, не знаю. Не исключено, что военная привычка замирать, чтобы враг не заметил или не сработало заклятие мины. А спустя несколько долгих секунд

пришла отгадка – вот отчего мелкая домовая живность и столь же привычная для огрских землянок растительность носят одно и то же название!

За это время новорожденный... то есть свежее-вылупившийся... в общем, созревший флаф успел соскочить с ветки одноименного куста на пол, встряхнуться и отправиться по своим делам. Куда-то за топчан, где пыли побольше.

Пораженный этим зрелищем, я обернулся к семейству. Жены и подопечная встретили меня столь же ленивыми и сонными взглядами, каким минуту назад был мой собственный.

– Вы видели? – уточнил я. А то от усталости и не такое пропустить можно...

– Не раз уже, – вяловато отозвалась Келла. – Ты что, раньше не знал?

Вот тебе и откровение. Семейство уже в который раз оказывается расторопнее и понятливее мужа и повелителя. А поделиться со мной тем, что им известно, эльфочки столь же регулярно забывают. Хорошо хоть только в таких вот мелочах...

Почему так? В чем причина подобной догадливости пополам со скрытностью?! Сколько я ни думал, в голову ничего не приходило. Лишь уже засыпая, последним проблеском сознания я уловил ответ на этот горький вопрос, столь же нелепый, сколь и окончательный, как всегда бывает во сне: ЭТО ПОТОМУ, ЧТО ИХ МНОГО, А Я ОДИН!

Четвертый, а то и пятый час подъема по снежнику ничем не отличался от предыдущих. Так же палило с безоблачного неба солнце, заставляя жалеть об избытке теплой одежды, так же сухо хрустел под ногами рассыпчатый фирн, обтекая колени волнами поземки и не давая забыть, от чего защищает этот избыток. Темные очки, вывезенные из хисахских пустынь, не менее надежно оберегали глаза от снежной болезни, превращая безжалостное искрение снежного склона в мягкое золотистое мерцание.

Мы шли друг за другом цепочкой, при каждом шаге вгоня ледорубы в наст и страхуясь репшнуром. На малом, в треть отвеса уклоне такой предосторожности хватало с избытком, хотя Кел-ла и ворчала, что многопрадед за такое отправил бы ее катиться до самого подножья на собственном заду.

Сменившись после целого часа утомительного протапывания дороги, теперь я плелся в хвосте, позади даже Опущечной, стараясь точно попадать ногами в ямки следов, оставленных идущими впереди. Длинноногим эльфям и то неудобно было переставлять громоздкие горные ботинки, а их муж и повелитель вообще проваливался чуть ли не выше колен.

Ритм шага затянул так, что я чуть не ткнулся носом в рюкзак подопечной. Та остановилась перевести дух, сладко потягиваясь, повертела головой, озирая склон, да еще оберну-

лась, желая поделиться впечатлениями. Нашла время!

– До чего я детские шубки люблю! – Алир зарылась носом в мех воротника. – Они и пахнут по-домашнему, сладким молоком!

Я на мгновение сбился с шага, словно в лоб снежком вдарило. Вот оно в чем дело! Теперь ясно, откуда у огров одежда по нашему размеру. И почему рукава «три четверти», тоже ясно – у детенышей ведь иные пропорции, чем у взрослых, к какой бы из разумных рас они ни принадлежали. Тонкой выделки полушубки, любовно сшитые и украшенные вовсе не в расчете на незваных гостей – для деток да внуков бабуси старались...

А нам вот не пожалели. Но невзирая даже на это, вспоминать добрых старушек к ночи хотелось бы пореже.

Как-то тепло стало. Хотя куда уж теплее – дело далеко за полдень, солнце от снежника жарит так, что даже сквозь очки глаза слепит. Пора бы и на ночлег становиться, если я правильно помню наставления младшей жены. Снег под нестерпимо палящим солнцем уже порядком размяк, так что скоро придется разбивать лагерь...

Келла, пробивавшая тропу во главе нашей недлинной цепочки, обернулась на оклик не сразу. На вопрос о стоянке она только кивнула, пустив блик от своих очков, и ткнула ледорубом куда-то в горизонт, задранный едва ли не на полотвеса:

– Справа, под зубом!

Вопреки моим ожиданиям, до зуба этого мы дошли за каких-то полчаса. Рванули со жгучего солнца в тень— и чуть не выскочили обратно, будто в прорубь окунувшись. Холод, незаметный на свету, разом продрал по разгоряченной коже открытой части лиц, да и по одежде словно ледяные струи прокатились. Привыкнуть к реальной температуре яркого горного денька удалось не сразу.

Хорошо, что не сразу повалились отдыхать, сначала занявшись разбором поклажи и обустройством лагеря. А то с разбегу пропотели бы и выстудились так, что не поможет и хваленое эльфийское здоровье. Ни врожденное у женской половины семейства, ни благоприобретенное у меня самого.

Мы успели распаковать выюки с шатром и лежаками, но еще не дошли до жаровни и светильников, когда это полезное занятие пришлось прервать. Совсем рядом, как показалось, раздалось громкое и басовитое «Ах-вах?» — с явной вопросительной интонацией. Мы с Хиррой и Келлой, как по команде, выдернули из-за пазухи стрело-меты и развернулись от скалы, вертя головами во все стороны, в том числе и вверх. Алир за нашими спинами с испуганным ойканьем села на снег.

На всякий случай я потащил было из подсумка фэйрболл, готовясь в случае необходимости тут же чиркнуть им о запальную пластину на поясе. Туманный шарик упруго пружинил под нервно сведенными пальцами.

Младшая женушка заметила этот судорожный жест и в ту

же секунду цепко схватила меня за запястье:

– Не вздумай! Лавину сорвешь ударной волной – сами не отроемся!!!

Я послушно спрятал фэйрболл обратно, но, подумав, извлек из-за пазухи и надел на свободную руку Длань Справедливости. Против огненной перчатки Келла не возражала – термоудар Реликвии не сопровождался в обязательном порядке сотрясением воздуха, да и вообще его можно было дозировать.

Новых тревожных событий не было уже полминуты. Наконец издали донеслось затихающее «Вай-мэ-вай-мэ-вай-мэ...», и все смолкло окончательно.

– Может, птица какая? – попыталась разрядить напряжение моя высокородная.

– Может... – неуверенно согласилась младшая жена. Судя по интонации, она и сама не знала.

– Ага. Горный слонодой какой-нибудь, – не удержался я от комментария, поскольку меня тоже утомило состояние «на щелчке». Эльфийские дивы разом хихикнули.

– Скорее снежная сова, – уже спокойнее уточнила Келла. – Они здоровенные бывают и орать могут еще громче.

– А почему не видно, как она пролетела? – встряла Алир.

– Наверное, по ту сторону зуба была, – разочаровал я ее.

– Жалко. Так посмотреть хотелось... – протянула подопечная.

Но мы уже попрятали оружие и принялись дальше разби-

вать лагерь. Вздохнув, светлая эльфь присоединилась к общей работе. Шатер, понятное дело, самоставящийся, развернулся сам, но крепить его, чтобы за ночь не снесло ветром, пришлось вручную. И калибровать заклятие, согревающее воздух внутри – тоже. Причем последнее как раз мне, куда хищные эльфочки в силу своей огненной природы возились с жаровней и приготовлением не то позднего обеда, не то раннего ужина.

Знаю я, как они его готовят. Три куса в голодные после долгого подъема рта, один в общий котел. На драконью долю из которого сами же после и будут претендовать, нисколько не смущаясь. Поневоле пожалеешь, что в отличие от женщин человеческой крови, сдерживающих себя в еде из страха располнеть, эльфы о подобном самоограничении даже думать не способны. Сколько съедят, столько за день и набегают, как сумасшедшие белки, без намека на прибавку в весе.

Когда я выбрался на вечерний холодок из налаженной и даже начавшей прогреваться палатки, снаружи стремительно темнело, и угли в жаровне источали оранжево-алое сияние. В котелке, как ни странно, оказалось в достатке и бекона, и крупы, не говоря уже о травах и пряностях. Похоже, жены с подопечной все-таки оставили, чем поживиться мужу и повелителю...

Конечно, это не классическое калды-балды-шурпы, ну так и мы не огры. В любом случае варево получилось вкусное и сытное, так что разморило нас после ужина мгновенно, с

непривычки-то к подъему, обустройству да и просто горному воздуху. Едва наскребли сил вычистить и убрать жаровню с посудой перед тем, как заползти в шатер.

Наконец, блаженно вытянувшись, все улеглись – мы с Хиррой, как старшие, по краям, Кел-ла с Алир в серединке. Обе пару минут барахтались в шутливой борьбе за место у меня под боком. Младшая жена, как более миниатюрная и верткая, в конце концов победила, перевернулась на спину и закинула руки за голову, упершись ладонями в стенку палатки. Я бы на такое не решился – заклятие согревает воздух в шатре, но не его собственную ткань.

Поодаль раздалось уже становящееся привычным «Ах-вах!».

– Все-таки кто это? – поинтересовалась угревшаяся между женами подопечная.

– Ну сова же какая-нибудь. Снежная... – уже полусонно отговорился было я.

– Не-а! – решительно перебила меня Кел-ла. – Это Белый Скалолаз. Мы с дедушкой его видали разок. Он всех, кто первый раз в горах, на слабинку пробует.

– Как это? – заинтересованно завозилась Хир-ра на своем краю.

– А так! – авторитетно заявила моя древнейшая. – В горах что главное?

Мы все замаялись, подыскивая правильные решения. Хирра неуверенно предположила, что теплая одежда и ноч-

лег, я – что надежность снаряжения. Алир заикнулась про запасы еды, при этом поправляя под головой котомку с твердым медом.

– Эх вы! – снисходительно оборвала наши домыслы Келла тоном бывалого скалолаза. – Главное – готовность поделиться всем этим с товарищем!

Мы пристыженно умолкли, сознавая свой эгоизм и ничтожество.

– Вот на жадность Белый Скалолаз новичков и проверяет, – продолжила младшая женушка, довольная достигнутым эффектом. – Кого жаба задушит, тех поутру уже не откачать...

– Какая еще жаба? – опасливо поинтересовалась подопечная. Противное земноводное волновало ее не в пример больше неизвестной горной сущности мистического свойства. К тому же белой, а значит, сколько-нибудь да пушистой, в отличие от скользкой зеленой жабы. Может, даже больной...

– Фигуральная. Ну, алхимическая там, абсолютная. Или геральдическая, какую на гербах рисуют, – отмахнулась рассказчица. – Неважно, в общем...

– А что важно? – не сдавалась светлая эльфь.

– Молчи и слушай, вот что!!! – рассердилась в очередной раз прерванная Келла и, лишь переведя дух, продолжила: – Пошли однажды в горы гном, эльф и человек...

Зачин у истории оказался не то чтобы из новых. И довольно прозрачно намекающий на окончание истории, в которой

молодцом обычно оказывается представитель расы сказителя – человек, огр, халф-линг... Разве что в эльфийском варианте пока не доводилось слышать подобных побасенок.

И конечно же, никто и никогда не рассказывал историю так, чтобы победителем оказался гном.

Оно и ясно – уж кого-кого, а гномов, развлекающих уличным фольклором представителей остальных рас, у нас в Анариссе представить попросту невозможно. Исконные враги всего эльфийского знают свое место под горой и не стремятся покидать пределы нецензурицы.

Что ж, посмотрим, как проявит себя это правило в истории моей младшей жены. Пока все шло своим чередом – эльф дурил, не сомневаясь в своем праве, человек изворачивался почему зря, гном пакостил изо всех сил.

Как при таком раскладе они выжили в горах хотя бы день, понять было невозможно. На то и анекдот, конечно, но в реальности десятой доли тех безумств, что творили эти трое, с гарантией хватило бы угробить взвод патентованных везунчиков, на самой Судьбе женатых. При этом ни один из героев не тянул на предполагаемого зачином «молодца», по умолчанию пользуясь чрезмерной симпатией сочинителя – доставалось всем поровну, что уже было странно...

Гном, понятное дело, отбросил снегоступы первым, заживив жратву. Патологическая скупость считалась главным признаком этой расы – не знаю, как на деле, но в подобных побасенках всегда. Следующим, к моему недоумению, ока-

зался эльф, потративший всю магию на себя любимого. Что само по себе не было удивительно, но оставляло на роль победителя человека – это в эльфийском-то рассказе!

Теперь мне стало по-настоящему интересно. Хирра тоже слушала внимательно, не пропуская ни слова. Даже приподнялась на локте, с любопытством заглянув в лицо рассказчицы.

Примолкшая было Алир снова втянулась в диалог, но теперь ее вопросы не выбивались из канвы повествования, наоборот, помогали – ответы на них расцвечивали историю все новыми подробностями. Тем более, что на сцене как раз грозил появиться главный персонаж – Белый Скалолаз, невесть когда оставленный своими товарищами замерзнуть на самой высокой горе и с тех пор жаждущий согреться. Хоть изнутри, хоть снаружи...

Вот он беззвучно скользит, нарезая круги вокруг лагеря, вот с резким скрежетом проводит ледяным когтем по стенке палатки... Вот отворачивает входной полог...

– А какой он? – немедленно повелась на подначку подопечная.

– Весь белый, как Последняя Завеса, – абсолютно серьезно пояснила Келла. – На снегу его вообще не видно, а на палатке – только силуэт, как выворотная тень. Если такая тень тебя накроет – считай, все!

От услышанного светлоэльфийская дива сжалась в комочек, безуспешно пытаясь стать много меньше своих без ма-

лого семи футов. Хирра, не удержавшись, коротко оглянулась на стенку шатра позади, разметав черную гриву по меху воротника. Я и то зябко поежился, борясь с таким же искушением.

Человек, не будь дурнем, после двух наглядных примеров особо не жадничал и без колебаний отдал все теплые вещички. В конце концов, при нем оставался костер, палатка, да и барахло неудачливых сотоварищей – с мертвого-то духу взять нечего...

Все, да не все. Припрятал краткоживущий кое-что не по жадности, а из нежных чувств – вещицу, связанную собственноручно невестой...

Поэтому, когда неугомонный призрак вернулся, я не испытал особого удивления. Настоящий шок поджидал всех нас дальше, вместе с кульминационным завыванием младшей жены, пытающейся изобразить вой рассерженного духа: – Отдай мне твой теплый шарфик!!!

Одновременно ледяные пальчики Келлы легли на наши с подопечной глотки. От неожиданности я только молча дернулся так, что шатер затрясся. Зато Алир завизжала громче сирены воздушной тревоги. Даже модуляции были те же, что у сигнала «флайботы противника над позициями».

За дальней от меня стенкой палатки что-то тяжело подпрыгнуло и гулко опустилось в снег с испуганным «Ах-вах!!!». Могучие лапы бешено заскребли наст, разворачивая неуклюжую тушу, и неизвестный ночной посетитель по-

спешно унесся вверх по почти что отвесному склону. Жалобное ваймэканье постепенно затихло где-то в выси.

Отброшенный беглецом снег сугробом привалил сторону шатра рядом с Хиррой. Освободить ее изнутри было затруднительно, да и любопытство не позволяло остаться в палатке. Втроем мы высыпали наружу и кинулись сгребать комья снега с провисшей ткани. Через полминуты к нам присоединилась и моя высокородная.

Никого вокруг не было видно с самого начала, но ярдах в четырех в ту же сторону обнаружилась исполинских размеров яма, а в ней – не меньшего масштаба куча помета с соответствующим запахом. От ямы вверх по склону вели следы: два маленьких вместе, два больших по сторонам, и снова так же.

– Ну и кто это был? – озвучила повисший в воздухе вопрос старшая женушка. – Белый Скалолаз?

– Н-нет... – ответила Келла, слегка запинаясь. – С-снежный г-горилл... Дедушка рассказывал, что они очень любопытны и ходят к палаткам страшилки подслушивать...

– Ага, как же! – обиженно перебила ее Алир. – Опять ты все выдумываешь!

Тут уже мы с Хиррой не выдержали и заржали. Младшая женушка неуверенно присоединилась к нам спустя десяток секунд, слегка отойдя от шока. Подопечная дулась дольше, но через полминуты и она включилась в общее веселье.

Предел наступившему благодушию положил я, кивнув на

кучу и спросив:

– Шатер переносить будем или это убирать? Энтузиазма на лицах явственно поубавилось.

– Место слишком удачное, да и провозимся опять пару часов, – подвела итог Келла после короткой перепалки. – До выхода отоспаться не успеем...

С моими выводами это совпадало, так что оставалось только кивнуть, соглашаясь.

– А кто убирать будет? – на редкость вовремя встряла Алир.

Вопрос повис в воздухе. При этом уставились все вместе почему-то на меня. Может, ждали решения, хотя, скорее всего, дело было в другом.

Хорошо, моя высокородная догадалась прийти на помощь, указав подопечной:

– Ты и будешь! Как основная причина происшествия.

– Одна? – надула губки светлая эльфь.

– Нет, – тут уж у меня нашлось, что добавить. – Вместе с главной виновницей!

И указал на совсем оживившуюся было Келлу. Та опять слегка сникла, но не возмутилась. Видно, у многопрадеда тоже было в порядке вещей приспособливать ее к ра'згребанию последствий собственных шуточек. Спросила только:

– Чем убирать-то? Лопат мы с собой не брали...

– Отломи наледь с солнечной стороны зуба, на ней и утащите. Только смотри, на подветренную сторону и не ближе

сотни ярдов.

– А вы? – совсем уж с плачущей интонацией предприняла последнюю попытку разжалобить всех Алир.

– А мы по вашей милости и внутри найдем, чем заняться! – прекратила дискуссию Хирра.

Вероятно, когда она, гордо развернувшись, уводила меня под руку внутрь, то имела в виду приведение в порядок снаряжения в изрядно перетрясенном шатре. Но я понял ее совершенно неправильно и, как оказалось, не зря. Заняться нам действительно нашлось чем, к превеликому удовольствию обоих. Неделя воздержания в тесной «резиденции», постоянно на глазах подопечной, дала себя знать. А младшая женушка сама виновата, что при сем не присутствует.

В общем, когда наши горе-ассенизаторши в облаке морозного пара ввалились в палатку, порядка там прибавилось не сильно, а мы с моей высокородной спали без задних ног. Недолго думая, усталые девицы распихали нас боками в стороны и почти мгновенно заснули сами. Только Келла попыталась растормошить меня напоследок, явно в целях урвать долю того, что досталось старшей жене. Но ничего не вышло.

Или это была Алир? Сквозь сон не поймешь...

Наутро, перед неблизким рассветом, виновницы вечернего переполоха вели себя как ни в чем не бывало и делили работу по сворачиванию ночевки, не притормаживая друг перед другом, как обычно. Даже перебрасывались шуточками,

чего я раньше никак не мог заметить за ними. Остатки напряжения между подопечной и младшей женой окончательно испарились.

Келла явно полностью смирилась со светло-эльфийским присутствием в семье. Не иначе, совместная работа по разгребанию завалов пошла на пользу. Тем лучше. Один из величайших духов, явивших себя смертным в прошлом, помнится, сказал: «Совместный труд для моей пользы облагораживает». Похоже, он был прав.

Кроме того, стала понятна причина непрерывного хулиганства моей древнейшей в последнее время. Оставляя роль самой младшей в семье, связанную с немалыми поблажками и снисходительностью, ей отчаянно не хотелось, вот и дурила напоследок! Конечно, с почти младенческой инфантильностью Опушечной подростковый задор младшей жены в сравнение не идет. Волей-неволей приходится взрослеть...

Еще три с лишним часа спустя подъем по снежнику, успевший стать привычным за вчерашний день, закончился. Перед нами встала самая серьезная преграда. И самый серьезный выбор за время пути.

Налево вознеслась трещиноватым каменным щитом почти отвесная стенка, заканчивающаяся карнизом с крохотным на вид участком обратного уклона. Направо – пологое и слегка извилистое русло пересохшей, точнее, замороженной в своих истоках Среброречки. Над ним нехорошим ледяным взглядом сиял пустой глаз пещеры, в которой, судя по всему,

и обитал демон.

Выносить это незримое внимание даже здесь, вдалеке от темного ока, притворно прикрытого ресницами ледяных сталактитов, было почти невозможно. Во всяком случае, мне – совсем непереносимо. Поэтому решение в не успевшем начаться споре вынес я, опередив всех заявлением:

– Пойдем стенкой. Во-первых, для демона незаметно, во-вторых, быстрее, чем по руслу.

При слове «быстрее» Келла скептически покачала головой, но ничего не сказала. Конечно, тренировка у нас всех и близко не сопоставима с ее навыками. Но три дня по руслу Среброречки на глазах у ледяной нежити в сравнении пусть даже с целыми сутками ползком по вертикальной стенке где-то в сторонке не кажутся выигрышем и с такой поправкой.

Хирре с Алир по большому счету было все равно. Похоже, они считали равно непроходимыми и обледенелое русло, и выглаженную ветром каменную стену. На наши приготовления к подъему обе взирали с тоской приговоренных к каторге по ложному обвинению. Взбодрить бы неопытных скалолазов, да неясно, каким способом...

Как всегда в сложных ситуациях, касающихся общения, а не оперативных действий или принятия сиюминутных решений, выход нашла младшая жена:

– Значит, не хотите по стенке?

В ответ темная и светлая эльфи кивнули на редкость синхронно, будто тренировались не один день.

– Понимаю, – неожиданно согласилась с ними моя древнейшая. – По реке идти легче. Зато и в гости к здешнему хозяину попасть проще.

– К демону, что ли? – обиженным тоном начала было подопечная, но закончила за нее эту фразу не менее возмущенная старшая жена: – Так к нему мы и идем!

– Не, я про горилла вчерашнего, – спокойно, с ленцой пояснила Келла. – У него на реке логовище в скалах. Неподалеку от демоновой пещеры, как у крапивника гнездо под орлиным.

– И что же он ест там, в скалах? – недоверчиво попыталась возразить Алир.

– Там он не жрет, – зловеще ухмыльнулась эльфь древнейшей крови. – Только гадит, чтобы территорию пометить. А кормиться ходит вниз, к лугам. Или рогачиную падаль из-под лавин выкапывает и к себе тащит...

Нарисованный ею образ обиталища снежного горилла, загаженного и заваленного полусгнившими костями, покорибил даже меня. А уж старшая жена с подопечной от услышанного готовы были без веревок и костылей на стенку лезть, лишь бы не сводить поближе знакомство с обезьянскими обычаями.

Осталось лишь направить в нужное русло внезапный энтузиазм по-женски брезгливых эльфей. У них едва хватило терпения выслушать инструктаж и переналадить снаряжение под вертикальный подъем, сменив репшнур на толстую,

ухватистую основную веревку и подогнав кольца.

Первые футов сто семейство, казалось, преодолело за считанные минуты. Дальше дело пошло медленнее, точнее, более размеренно. Но главное получилось – стенку мы уверенно одолевали. Может, даже сумеем управиться до заката...

Поднять всех "троих по очереди на следующий уступ, похоже, было трудновато только мне. Чем замечательны эльфийские дивы, так это тем, что физической силы Судьба отпустила им куда больше разумения. Не как ограм – вдесятеро, а так, всего разика в два.

Но если к тяготам и усталости меня надежно приучил Мекан, то к постоянному нервному напряжению привыкнуть я не мог и не смогу уже нигде и никогда.

Что оказалось по-настоящему тяжело вынести, так это полную беззащитность, открытость любому взгляду на ровной, без единой расселины скальной стенке. Случись демону выйти прогуляться, мы ему, как засахаренные яблочки на нитках с Приснодрева, сами в руки упадем!

Каждый удар молотка, забивающего очередной костыль, заставлял нервно вздрагивать и озираться. В прозрачном и редком горном воздухе звук разносился легко – казалось, эхо возвращается от каждого пика на горизонте. Может, и правда лучше было втрое дольше тащиться по высохшему руслу? Там при случае хоть можно побегать, уворачиваясь, или спрятаться...

На счастье, час за часом, ярд за ярдом каменного отве-

са проходили без намека на постороннее присутствие. Либо ледяная нежить туговата на ухо, либо гребень над стенкой надежно перекрывал путь нашему шуму. А может, демону и вовсе не было никакого дела до того, что творится вокруг его логова. Четыре сотни лет ничего не происходит, так чего нового ждать от гор, огров и запуганного до полусмерти снежного горилла?

Так или иначе, любой из этих вариантов был нам на руку. Без лишней спешки мы подобрались к карнизу, завершающему подъем, задолго до того, как солнце зацепилось за вершины напротив. Во всяком случае, жгло оно еще изрядно, даже камень стенки раскалился, несмотря на ровный пронизывающий высотный ветер.

Чтобы перевалить через карниз, понадобилось особенно тщательно исполнять распоряжения Келлы. Младшая жена сделалась на удивление немногословна и сосредоточена, без малейшей склонности к обычным шуткам. Последняя дюжина футов обратного уклона, похоже, потребовала от нее напряжения всех сил и использования всех навыков.

Страховала всех внизу Хирра по причине сочетания наибольшей физической силы и тренированности. Подопечная хоть и крупнее моей высокородной, но с ее поворотливостью за ответственные дела в горах лучше не браться.

Так что следующим после моей древнейшей иззубренный край карниза перевалил я сам, как самый легкий и не самый неуклюжий в семействе. Привстал на четвереньки, отдышал-

ся малость и, встав на колено, спросил у Келлы, вытянувшей меня наверх:

– Ну как, тащим Алир?

– Погоди, – отмахнулась та свободной рукой. – Дай передохну немного...

– Мне тоже не помешает, – согласно кивнул я и, уже слегка придя в себя, добавил с усмешкой: – Что, отвыкла? Давненько таких неумех по скалам водить не приходилось?

– Да вообще никогда! – теперь ухмыльнулась уже младшая жена и пояснила: – Меня по горам водили – это да. Как поклажу таскали. А сама в первый раз!

Видимо, физиономия у меня изрядно вытянулась, потому что эльфь древнейшей крови рассмеялась и, поднимаясь на ноги, хлопнула меня по плечу, успокаивая:

– Ну не совсем как поклажу... Примерно так, как мы сейчас Опущечную потащим.

Если так, то еще ничего. Подопечная перебиралась через карниз, в силу возможностей помогая себе и нам руками и ногами, что на поведение тюка или рюкзака никак не походило и даже не особо мешало процессу. С ее грацией все могло быть намного хуже.

Хирра, предоставленная самой себе, выбралась наверх, не дожидаясь, пока мы с Келлой отдышимся после вытягивания Алир. Едва успели подскочить, чтобы помочь ей перевалить через карниз. Причем главной удачей было то, что подопечная, не отойдя толком от финальной стадии подъема, не

успела принять участия в этом занятии.

От расслабленного валяния на камнях, показавшихся такими мягкими после изматывающего восхождения, нас отвлекла только наползшая тень от далекого пика, за который скользнуло солнце по ту сторону долины. Через пяток минут тень эта убралась, но намек на то, что ночь не за горами, не понять было невозможно. Медленно-медленно, нехотя мое семейство поднялось, готовое к поиску и обустройству места для ночлега.

У меня уже давно появились кое-какие соображения относительно него. Однако уточнить лишний раз никогда не помешает, поэтому я обратился к эльфочкам, еще не надевшим рюкзаки:

– У кого карта ближе? Надо бы свериться насчет пещеры...

– Демонской? – округлила глаза подопечная. Жены тоже взглянули на меня с некоторым непониманием. Лезть в логово врага на ночь глядя, устав до предела, они полагали не лучшей идеей.

– Да нет, огрской ритуальной. Где они калды-балды-шурпы сакральное готовили в старые времена, – развеял я их непонимание. – Малость пониже и в стороне от русла...

– Тогда ничего, – подвела итог общего облегчения Хирра. – Держи.

Поданная карта подтвердила мои прикидки – до малой пещеры отсюда оставалось ярдов триста, причем не на виду ос-

новного створа Среброречки. До места ночевки можно было добраться без всякого риска, что демон нас заметит, и пренебрегать этим, тратя время впустую, не следовало.

Под светлым вечерним небом мы гуськом спустились на берег высохшего русла, делавшего первый изгиб как раз у вожденной пещеры. К ней, наоборот, пришлось немного подняться, но после почти вертикальной стенки покатая щебеночная отмель уже не казалась серьезным препятствием.

Тем не менее даже небольшое усилие подкосило нас окончательно, и, добравшись до цели похода, мы опять повалились без сил у каких-то солидных брусковых станин, на которых покоилась странного вида округлая лодка. В полутьме расписные борта щерились зубьями острых треугольников и глазели неровными кругами.

Задуматься о том, зачем волочь в гору столь нелепую посудину, никто из нас уже не был в состоянии. Сил хватило только на то, чтобы проверить пещеру мячом-тестером, затащить внутрь рюкзаки, расстелить лежанки и запалить жаровню. Вход закрыли шатром, полураскрытым в виде плоского щита, а для вентиляции вполне хватило расселины в потолке. Прилагать усилия против вторжения демона сквозь нее было довольно глупо, но на всякий случай~там тоже удалось приспособить запасное одеяло, способное послужить заслонкой. В случае опасности сделать пещеру замкнутой и, следовательно, не существующей для нежити удалось бы за несколько секунд.

После этого сил не хватило даже на сносный ужин. Подопечная так и заснула с последней припрятанной плиткой твердого меда в руке, ненамного обогнав нас всех...

За ночь, показавшуюся бесконечно длинной, не случилось ни каких-либо незапланированных визитов, ни скалолазских баек младшей жены, ни прочих случаев погрома и мародерства. Только проснуться было трудновато, даром что жаровня заклята так, чтобы не давать угарного газа. Словно давило что-то вблизи от демонского логова, замораживая кровь и мысли. Хоть в спячку впадай, как альтйский шале-бэр.

С этим срочно надо было что-то делать. Свернув закрывающий вход шатер, я впустил в пещеру свежий морозный воздух, выполз наружу чуть ли не на четвереньках, набрал полную пригоршню свежего снега, припорошившего за ночь камни склона, и растер им физиономию. Полегчало.

Прихватив целую горсть чудодейственного средства, колкого и хрустящего, я занялся лечением обеих женушек. Взвизги и неуклюжие со сна попытки отмахиваться не помогли, пришлось просыпаться. Разбуженная нашей возней подопечная в ужасе наблюдала за экзекуцией – особенно когда та закончилась, и кровожадные взгляды Хирры с Келлой обратились на нее саму. Поняв, что ей также не миновать общего способа побудки, Алир по доброй воле выбралась наружу, опустилась на четвереньки и, глубоко вздохнув, зары-

лась физиономией в пушистый снег. Выпрямилась, стоя на коленях, и посмотрела на нас таким укоряющим взглядом, роняя снежинки с хлопающих ресниц, что не рассмеяться было невозможно.

На этом процедура побудки, совмещенная с умыванием, сама собой закончилась, и настало время завтрака. Охоты к нему было не больше, чем к ужину, несмотря на то, что горный холод и постоянный расход сил требовали их восполнения. Так что все буквально запихнули в себя кое-как обжаренный бекон с хлебом под обжигающий, но толком не сварившийся кофе. Здесь, намного выше линии снегов, вода закипала быстрее, а нагревалась меньше, чем на равнине.

После завтрака пришла пора для чрезвычайно важного и неотложного занятия – требовалось перебрать снаряжение и решить, что взять в решительный поход на демона, а что, не раздумывая, бросить здесь, в пещере, с перспективой не вернуться за ним просто потому, что придется удирать другим путем. К оставлению были приговорены все спальные принадлежности, самоставящийся шатер и большая часть запасов пищи, кроме суточного сухого пайка. Зато все скалолазное снаряжение, костыли и веревки поровну распределились между нами. Жаровня и запас угля к ней тоже должны были остаться здесь – не демона же нам на обед готовить!

Но почему-то в последний момент я все же рассовал по свободным подсумкам несколько мешочков с антрацитом. У меня было смутное предчувствие, что какое-никакое топли-

во может пригодиться, даже когда под рукой Реликвия, повелевающая огнем.

Сложив рюкзаки у дальней стенки пещеры, мы встали в проеме входа, глядя на вершины гор, расцветенные утренним солнцем. Присесть перед выходом не получалось – выстуженные за ночь камни не располагали к этому, так что отправляться к логову нежитьи пришлось с ходу.

Оставшиеся до бывшего истока Среброречки три сотни ярдов по высохшему каменистому руслу дались едва ли не труднее, чем вчерашний подъем по почти отвесной стенке. Не по затрате сил, а душевно. С каждого шага тянуло развернуться и что есть сил припустить обратно. Женская половина семейства, готов поспорить, была настроена столь же нерешительно...

Украдкой я оглянулся на жен и подопечную. Против ожидания, у них не оказалось времени на столь серьезную борьбу с собой. Точнее, стороны в этом конфликте изначально распределились между Опушечной с одной стороны и моими древнейшей и высокородной – с другой. Светлую эльфь, спотыкающуюся и не отрывающую взгляда от носков горных ботинок, подруги вели под руки, нашептывая ей на оба уха какие-то успокоительные слова. Из сказанного до меня донеслось весьма вдохновляющее «подумаешь, демон – Джек и не таких уделявал!» со стороны младшей жены и «подвигов от тебя никто не требует, держись в сторонке и не попадай под удар» от старшей. То, что для младшей ау Риер подви-

гом был каждый шаг навстречу главному страху детства, в расчет как-то не бралось.

Да и демонов в списке поверженных мною противников до сих пор не было замечено. Все больше смертные, долго или коротко живущие...

За этими размышлениями цель нашего похода выросла перед нами совершенно внезапно. Только успели вывернуть из-за скалы, прикрывающей последний изгиб русла– и вот, уже пришли, можно сказать.

Если снизу, от основания стенки, пещера демона смотрелась злобно прищуренным оком, то вблизи выглядела совсем как ощеренная пасть. Ледяные сталактиты и сталагмиты застыли в хищном оскале, словно зубы-иглы глубинных рыб. Как только сам демон умудряется пролезть сквозь этот частокол... Рыбкой пролетает, не иначе.

Но нам такой способ не подходит. Как по неспособности к полету, так и по неизведанности того, что скрывается за естественным укреплением на входе в логово нежити. Может быть, там почем зря натыкано таких вот ледяных столбов, чтобы незваные гости напарывались на них при попытке залететь или запрыгнуть.

Значит, надо проделывать проход. Причем явно не тесаком – мало того, что звон от ударов поднимет демона как пить дать, так еще и упаришься, перерубая даже один-единственный сталагмит. Придется задействовать Длань Справедливости, настроив ее на минимальную мощность.

Металлическая перчатка в поясном подсумке порядком выстыла и жгла пальцы резким холодом. Даже подумать о том, чтобы натянуть на руку леденящие звенья, было страшно.

Видя мои колебания, Хирра с готовностью протянула свою перчатку из тонкой замши. В ответ я только покачал головой – между рукой и магическим артефактом не должно быть ничего постороннего. Иначе зачем бы мне снимать собственную перчатку, потолще и потеплее, чем у старшей жены?

Содрогаясь, я надел артефакт и, сжав зубы, подождал, пока звенья обожмутся по руке. Против ожидания, довольно скоро ощущения стали довольно сносными. То ли металл нагрелся быстро, то ли пальцы онемели.

Сейчас проверим...

Вытянуть вперед сведенные вместе указательный и средний пальцы, поджав все остальные, удатось без труда. Теперь пламя пойдет поуже, чем с открытой ладони, а остальное делается уже словами.

– Фульгоре минор... – произнес я, задрав пальцы к небу на пол-отвеса, как мальчишка, изображающий рукой игрушечный стреломет. С пальцев сорвался сияющий фонтан. Даже с ограничивающим дополнением к заклятию огненная струя получилась в мой рост, так что пришлось осторожно, шаг за шагом уменьшать ее размер:

– Миноре, миноре... Минорум...

С каждым шагом пылающий фонтан уменьшался на фут, а с последним – на целых два. Однако сила пламени, становящегося все более ярким, нисколько не убывала. Реликвия на моей руке превратилась в странное подобие паяльной лампы – огонь перебежал по стальной перчатке, оплетая ее все более густой сетью коротких языков, и срывался с вытянутых вперед пальцев гудящим белым лезвием длиной фута в полтора.

Свет от него шел такой, что пришлось вновь опустить на глаза солнцезащитные очки. Причем не только мне, но и стоящим поодаль женам и подопечной – нестерпимо сверкающие блики побежали по льду во все стороны.

Отрегулировав Реликвию, я развернулся к преграде и принялся за работу. Когда бешеное пламя коснулось льда, вверх с шипением рванулось облако пара, а вниз заструился ручеек пропитанной копотью воды. Разрез ширился на глазах, и вскоре пронзающее ледяной столб пламя засияло сквозь полупрозрачную толщу текучими световыми волнами. При каждом движении мерцающая сеть отблесков непредсказуемо скользила по граням и изгибам ледяного частокола.

Одного я не рассчитал, залюбовавшись этим великолепием и втянувшись в работу. Проплавленный на две трети стагмит со звонким хрустом надломился по разрезу, заставив режущий его язык пламени расплескаться по поверхности, выгрызая неровную яму. Облако пара, ударившее чуть ли не в лицо, заставило меня отшатнуться и пропустить тот мо-

мент, когда начал заваливаться весь подрубленный ледяной столб.

К счастью, валился он не на меня, а внутрь пещеры. Или к несчастью, как посмотреть. Шесть футов льда с глухим грохотом рухнули в темноту и разлетелись там на тысячи звенящих осколков. Эхо, многократно повторяя этот потоп звуков, выплеснулось из зева пещеры, а его отголоски, отражаясь от стен, унеслись куда-то вглубь.

Да... Лучшего способа объявить демону о своем присутствии и не придумаешь. На долгих полминуты все мы застыли, ожидая немедленного явления могущественной нежити. Последние отзвуки падения ледяной колонны умолкли, однако хозяин потревоженного логова так и не явился. Обошлось...

Хотя, если рассудить здраво, при местных обвалах и лавинах нежити делать больше нечего, кроме как трепыхаться на каждый стук. Так что зря я опасался – шумом, если он не будет постоянным, мы демона не пройдем. Подумаешь, грохнуло... Мало ли от чего рушатся в горах ледяные глыбы – солнышко к полудню пригрело так, что основание подтаяло, или наоборот, от мороза лопнула льдина.

Скорее уж, обратить на себя внимание крат-коживущего, лишённого смерти, но взамен наделенного чутьем на магию, могла приведенная в действие Реликвия. Однако, судя по отсутствию реакции, этого тоже не произошло. Наверное, неподвластная демону стихия еще и не слишком заметна для

него.

Погасив пламя стандартным словом прерывания, снимать Длань Справедливости я не стал. Во-первых, надо оставаться наготове, а во-вторых, трудновато будет снова заставить себя надеть выстуженную Реликвию. Только на руке металлическая перчатка остается неподвластна ни холоду горных высот, ни собственному пламени.

Ручейки талой воды от основания срезанного сталагмита на глазах схватывались льдом. Через дюжину секунд вокруг было уже совершенно сухо... и отчаянно скользко. Так что в проход, образовавшийся в ледяном частоколе, я шагнул, обеими руками опираясь на соседние ледяные столбы. Постоял полминуты, чтобы глаза привыкли к полутьме, и сделал еще шаг, освобождая путь моим эльфочкам.

Разумеется, первой примеру мужа и повелителя последовала Келла. Врожденное любопытство моей древнейшей не переборешь ничем, ни демонам, ни богам такое не под силу. За ней последовала Алир, заботливо подталкиваемая Хиррой. Без этого, судя по всему, светлоэльфийская дива незаметно так, потихоньку осталась бы снаружи.

На удивление, в пещере оказалось не так уж и темно, так что не понадобилось пускать в ход ни бережно хранимого за пазухой жука-фонарника, ни мяч-тестер. Голубоватый свет лился отовсюду, отражаемый бесчисленными гранями ледяных кристаллов. Видно, в потолке пещеры немало щелей, а то и вовсе изначально она могла быть расселиной, заросшей

льдом.

Логово нежити оказалось столь же извилистым, как русло вытекавшей из него реки. То сужаясь до щели, сквозь которую приходилось протискиваться поодиночке, то раздаваясь в огромный зал с гладким, как каток, полом, ледяной грот вел все глубже и глубже. Следов присутствия владельца в нем пока не наблюдалось.

Очередной ледяной покой, размером с половину ратуши в длину и ширину, но в высоту немногим менее полудюжины ярдов, оказался весь уставлен причудливыми ледяными колоннами. Так, по крайней мере, показалось на первый взгляд.

На второй выяснилось, что не все застывшие фигуры состояли из льда. По крайней мере, изначально.

Затянутые инеем до искристой белизны, в зале замерли люди, эльфы, халфлинги, но больше всего – огры. Немало жизней положил горный народ за свою Среброречку и пещеру Сакральной Трапезы, прежде чем отступить на долгие годы... А затем передоверить свою борьбу чужаку, претендующему на Реликвию, которая оберегала ог-ров доселе.

И если судить по замороженным фигурам представителей иных рас, наша команда в этом отнюдь не первая. Из века в век Храм стремился вернуть Длань Справедливости и наказать похитителя, и поток желающих исполнить волю заместников богов Дня не иссякал.

Вот только, если судить по результатам, никому из них не

удавалось заполучить Реликвию, управляющую Огнем, еще до визита к боевому миньону богов Ночи. Иначе здесь бы она и осталась вместе с самым первым неудачливым демо-ноборцем. Это давало некоторую надежду на то, что нам удастся не разделить судьбу предшественников. Зачарованно глядя по сторонам, мы миновали середину зала трофеев ледяной нежити, выставленных для устрашения всякого, кто попытается бросить вызов ее власти. Хотя, может быть, демону просто было лень убирать трупы...

Неожиданно от оставшегося позади входа донесся негромкий звук. Морозный хруст и мелодичный звон осыпающихся ледышек – будто кто-то провел по арфе рукой в замороженной насквозь рукавице.

Нечего и говорить, что мы мгновенно развернулись в ту сторону. Напрасно, наверное, потому что впереди раздался такой же звук. Слева, справа, все ближе и ближе...

Звон и хруст окружил нас плотным кольцом, заставив суматошно вертеть головами. Скачущие по гладко замерзшему полу ледышки россыпью прыгали у самых наших ног. А затем стало ясно то, во что изо всех сил не хотелось верить, даже глядя на это в упор.

Роняя струйки сыпучего инея, мертвые демо-ноборцы сдвинулись со своих мест. Сухо похрустывая и шурша иссушенной и замороженной заживо плотью, те, кто был когда-то противниками ледяной нежити, ныне встали на ее защиту. Замедленными, резкими движениями они стягива-

лись со всех концов зала к тем, кто осмелился нарушить покой ледяного чертога.

Первой из нас, к моему стыду, опомнилась Хир-ра. То ли боевой опыт на сотню лет больше моего собственного, то ли материнский инстинкт, пробудившийся от присутствия Опушечной, заставил ее молниеносно вытащить тяжелый шестиствольник и в пару секунд изрешетить болтами ближайшего противника.

На здорового огра это не произвело никакого впечатления. Кованые стальные стрелы, торчащие из обеих глазниц, горла и груди, совершенно его не стесняли. Только болт, пробивший локоть руки с джунглерубом, мешал ей сгибаться. Ответный удар из-за этого прошел мимо, а дальше началось...

Глухо рыча, отмороженные мертвяки кинулись в атаку всем скопом, мешая друг другу. Алир с тихим писком усе-лась на пол, а мы с женами принялись почем зря отмахиваться ледорубами и клинками.

Впрочем, спустя пару секунд я перебрросил свой саперный тесак Келле, сообразив, что в моем распоряжении имеется более эффективное оружие – Длань Справедливости. Огненный клинок, сорвавшийся с пальцев правой руки, разрывал демоно-вых зомби в горящие ошметки. Увы, остальных это не останавливало...

Держать мертвяков на большем расстоянии, чем длина клинка, женам не удавалось, даже используя симвотипиче-

ские способности к вызову Огня, а я в одиночку никак не мог держать круговую оборону. Надо было срочно что-то придумать... А если вот так?

Сунув ледоруб за пояс, свободной рукой я вытащил из подсумка горсть каменного угля, прихваченного не пойми зачем. Умерив пламя Реликвии, я кинул на ладонь кусок покрупнее и, на мгновение сжав кулак, швырнул разгоревшийся уголь в самого напористого из противников – темного эльфа с двумя прямыми мечами.

Результат превзошел все ожидания. Раскаленный добела кусок антрацита прожег заросшую инеем меховую куртку, влетел внутрь грудной клетки мертвяка и зажег его изнутри! На миг зомби превратился в фонарь с решетками ребер, затем пламя вырвалось наружу и охватило его целиком. В считанные мгновения противник обратился в кучу углей и золы, рухнувшую вниз, только мечи о лед звякнули.

Я перебросил моим эльфочкам пару мешочков угля, и работа закипела. Их магической силы вполне хватало на фокус с антрацитом, и впервые с начала схватки мы получили перевес над противником, а заодно и свободу передвижения. Моя древнейшая за шиворот вздернула Опушечную на ноги и поташила к дальнему концу зала. Моя высокородная огнем и клинком прокладывала им дорогу, а сам я прикрывал отход.

Кажется, делясь боезапасом, я излишне расщедрился – а может, мне просто досталось больше противников, – но при

очередной попытке нашарить кусок угля со дна подсумка удалось извлечь только какой-то сор и угольную пыль. Впрочем, очередному зомби и этого хватило с избытком. Раскаленная угольная крошка изрешетила человека, чем-то похожего на меня самого, краем зацепив еще и вылезшего из-за него халф-линга. Оба занялись одновременно и осыпались на пол единой прогоревшей кучей.

На счастье, соседний подсумок был еще полон. Не глядя, я запустил туда пальцы и привычным жестом кинул извлеченное на ладонь, одетую Реликвией. И только уже сжимая кулак, разглядел, что именно пустил в дело. Файрболл!!!

Времени размышлять не было. Сделанного не воротишь, поэтому я со всей силы отбросил разгорающийся шар огневого тумана как можно дальше, в самую гущу оставшихся мертвяков, и одновременно заорал со всей силы:

– Ложись!!!

Падая сам, я в силу возможности толкнул жен и подопечную, еле успев зажать уши рукавами. Файрболл разошелся облаком, заполняя половину пещеры, и со всей силы саданул мгновенным разрывом. Злосчастные зомби полетели по углам огненными клочьями, ледяные колонны – облаком острых осколков. Нас снесло и закрутило ударной волной, а потом обратной тягой кинуло вперед прямо на кучу прогоревших углей. Пещеру ощутимо потрянуло, с потолка посыпались отточенные колья сталактитов.

Уворачиваясь от осколков и цельных ледяных столбов,

мы барахтались в золе среди обгорелых костей. В голове оглушительно звенело. Поднявшись на ноги первой, Келла встряхнула головой, как кошка, выбивающая воду из ушей.

– Предупреждать надо! – рявкнула она на меня, не соразмеряя силу звука.

– Дорогой, неужели нельзя было справиться... не столь радикально?! – не менее громко и тоже с укором произнесла Хирра. Одна Алир ничего не сказала, только принялась жалобно завывать в голос. Думая, видимо, что едва слышно поскуливает...

Не надеясь объяснить порядком оглохшим женам и подопечной причины внезапного применения боеприпаса, я лишь махнул рукой и не менее громко заорал:

– Само так вышло... Под руку фэйрболл попал!

Как ни странно, объяснения хватило. То ли женская половина семьи удовлетворилась им, то ли, не расслышав толком, решила, что достаточно самого факта оправдания. Мало ли что в мире нельзя знать с полной определенностью...

Одно теперь можно было сказать недвусмысленно – демона мы известили о своем присутствии лучше, чем валериановские рыцари на турнире с громогласными сигналами фанфар и оравой герольдов.

Так что, поднявшись и кое-как отряхнувшись, в следующую за залом мертвяков часть пещеры я вступил на редкость неуверенно, выставив перед собой Длань Справедливости в полной готовности, чуть что, задействовать ее во всю мощь.

Не пришлось. Ледяной коридор оказался совершенно пустым – ни новой порции мертвяков, ни иных преград и ловушек. Последнее я проверил специально, запустив мяч-тестер скакать от стены к стене и от пола к потолку, нащупывая нам дорогу.

Похоже, могущественная нежить страдает излишней самонадеянностью и единственную линию обороны своего логова организовала на дармовщинку – из кого попало. То есть из тех, кто сам пришел... или был выпит и выморожен во время вылазок вроде той, которая стоила жизни фоксквиррелу трактирщика.

Отчего-то представилось тупое упорство, с которым лишённые собственной воли марионетки демона карабкаются по горным склонам на его безмолвный зов. Картина заставила зябко передернуться. Поэтому делиться своими домыслами с женами и подопечной я не стал, а лишь сказал негромко: – Все чисто. Идем дальше...

За просторным и гулким коридором виднелся еще один зал с невысоким, в два моих роста, потолком. Видимых источников освещения в нем не было, но при этом почему-то оказалось едва ли не светлее, чем во всех прочих местах логова нежити. Скорее всего, причина этого крылась в изобилии естественных зеркал – повсюду стоймя громоздились огромные плоские льдины, отполированные морозом до невозможной гладкости. Некоторые из этих торосов были обрамлены столь причудливо, что казались произведе-

дением рук или магии разумного существа, а не случайной игрой стихий. Драгоценные россыпи искрящихся ледяных кристаллов мерцали, словно звезды, а блики в глубине морозных зеркал переливалось северным сиянием.

Мяч-тестер, предвещающий наш путь, ударился об один из торосов, отскочил и неспешно отправился через весь зал к следующему. Преодолев ярдов двадцать, он почти достиг своей цели – роскошного зеркала от пола до потолка, – но на расстоянии вытянутой руки от него внезапно остановился.

Завороженно мы смотрели, как магический прибор гаснет, подергивается инеем и превращается в гладкий круглый снежок. Длилось это меньше полудюжины секунд, но в нашем сознании растянулось чуть ли не до бесконечности. А затем тестер упал и с хрустальным звоном разлетелся на мелкие кусочки. Как будто всеильный холод на грани абсолютного превратил мяч в хрупкое стекло, в дутый пузырь наподобие тех, что украшают Приснодрево перед тем, как его подожгут в полночь последнего дня года...

Позади раздался слитный лязг извлекаемого оружия, да и сам я шепнул слово, заставившее Длань Справедливости на руке окутаться языками пламени. Невидимый противник был страшнее, чем все мертвяки, вместе взятые.

Однако совсем незримым готового напасть демона назвать было нельзя. Что-то мелькнуло неверным отблеском в зеркальной глубине тороса, перед которым еще крутился в воздухе иней – отражение без вызвавшего его предмета, тень

отсутствующей фигуры.

Синий силуэт ростом в пятнадцать футов стоял по ту сторону сверкающей поверхности как раз так, чтобы поймать в опущенную ладонь плывущий в воздухе предмет. Нежить устроила свою засаду не здесь, а за зеркалом, во тьме, наполненной мерцающими точками звезд.

Словно почуяв, что его уловка разгадана, демон голубоватым сиянием соткался по эту сторону льда. Сначала изящная рука, схватившая и остановившая тестер, затем точеные губы, уничтожившие магический прибор ледящим дуновением, а потом и вся фигура обоеполой нежити в украшениях из ртути и неведомых кристаллов.

Вдоволь дав нам проникнуться эффектом собственного присутствия, демон прищурил миндалевидные провалы глаз, заполненные белым огнем, и нехорошо усмехнулся.

За спиной раздался сдавленный писк, а затем мягкий шлепок и какая-то возня. По всем признакам Опушечная при виде воплощенного ужаса своей жизни выпала в обморок. И винить ее в слабости мог бы только тот, кто никогда не видел явления могущественной нежити, вызванной к существованию бессмертными, на чью долю выпало проиграть Войну Сил.

Демон стоял в десятке ярдов от нас, точь-в-точь такой, как перед окнами занесенного по второй этаж отеля, только еще страшнее, ибо на сей раз от боевого миньона богов Ночи нас не отделяла даже столь иллюзорная защита, как оконное

стекло.

Опомнившись, я протянул вперед руку с Реликвией и ши-банул по нежити роскошным огненным фонтаном в дюжину ярдов длиной и фута три в объёме. Тщетно – прежде, чем пламя достигло его, демон провалился в зеркало, из которого вышел. Огонь лишь заставил растечься ручьями по полу узорную кристаллическую «раму» зеркала, а саму льдину заплакать обильными слезами.

На полу пещеры скопилась немалых размеров лужа, по поверхности которой внезапно пробежала рябь. В глубине мгновенно замерзшего ледяного зеркала мелькнула синяя рука, с силой хлестнувшая по воде, и тут же лужа взвилась в воздух, осыпав нас градом острых брызг, замерзших в полете.

К счастью, рефлекторно пытаюсь прикрыть глаза рукой, я закрутил перед собой огненное полотнище, вновь превратившее ледяные стрелы в воду, а самые мелкие осколки – в пар. Все семейство хлестко обдал горячий душ – и почти мгновенно струйки, капли и брызги воды застыли в меху шуб, на шерсти шапок и в волосах эльфочек ледяными щепками, бляшками и крупинками.

Спустя секунду я почувствовал легкое подергивание за рукав свободной руки. Скопив глаза, я увидел эльфь древнейшей крови, пытающуюся привлечь мое внимание. Обернуться к ней, одновременно не упуская из виду ледяное зеркало, было трудновато.

– Ну что такое? – не смог я удержать раздражения.

– Огнем больше нельзя, – тихим шепотом проговорила Келла. – Растопившейся водой демон мигом прихватит нас к месту или одежду намокшую заморозит хуже колодок...

А ведь она права. Самое мощное оружие в' очередной раз оказалось неприменимо. Файрболлы – из-за опасности обвала, Реликвия – по причине возможного промаха... Тогда какого хрена я вообще потратил столько сил на добывание Длани Справедливости?! Как совладать с нежитью, если все, что мы можем противопоставить ей всерьез, нельзя использовать?

Словно прочтя эти мои мысли, младшая жена терпеливо и сочувственно произнесла:

– Надо его на открытое место выманить, тогда уже бей, чем хочешь!

Выманить... Легко сказать, вот только демон как-то не выманивается. Наоборот, завлек нас самих в самую глубину горы. Причем если сейчас отступишь, нет никакой гарантии, что в следующий раз противник не подготовится основательнее. Или вовсе не сменит лежку.

Нет, бить нежить надо здесь и сейчас. Второго шанса освободить Среброречку из ледяного плена у нас может не оказаться. Тем более, что по своей воле обоеполый из зеркального зала не уйдет. Здесь ему раздолье, как отцу моей высококородной в тених – откуда захочет, оттуда и выскочит...

До меня дошли одновременно две вещи: во-первых, сле-

дить надо не только за тем торосом, из которого демон уже выходил, но и за всеми гладкими ледяными поверхностями подходящего размера. А во-вторых, количество таких поверхностей надо бы подсократить.

Оба вывода оказались как нельзя более своевременными. Демон попробовал было снова выбраться из ближайшего к нам зеркала, но порядком изрытая огнем и неровно замерзшая поверхность льда не позволила проникнуть сквозь нее. Поклубившись бесформенным облаком мерцающей синевы, нежить втянулась обратно – и тут же повторила попытку сквозь другое зеркало. К счастью, по очередной вспышке голубого сияния я успел заметить, сквозь какое именно, и высадил по льду весь боезапас стреломета.

Глубокие царапины и выбоины изуродовали ледяную гладь раньше, чем демон сумел обрести форму, отрезав ему и этот путь нападения. Обрадовавшись, что догадка верна, я обернулся к женам и подопечной и во весь голос заорал:

– Из разбитого зеркала ему не выйти! Круши их все!!!

Эльфочки поняли меня с полуслова. Даже Алир, похоже, вполне очухалась и была готова помочь нам. Они на пару с Хиррой, а мы с Келлой порознь принялись громить сверкающие льдины. Стрелометы, клинки, ледорубы – все пошло в дело. Перебегая от одного полированного тороса к другому, мы еще на ходу намечали надкол парой кованых болтов, а затем довершали дело градом ударов, выбивающих ледяную крошку.

Поняв, что за всеми нами не успеть, нежить заметалась от зеркала к зеркалу, пытаясь вырваться и помешать варварскому избиению ее дверей в этот мир. Пару раз струи леденящего дыхания обоеполого искристым маревом пронеслись прямо у меня перед лицом.

Затем началось полное безумие. То ли временно освобождая воду от оков, то ли призвав непокоренные истоки Среброречки, демон исхлестал пещеру леденеющими в полете струями, распорол ее валами застывшего в воздухе прибоя, порвал бесчисленными пиками ледяных столбов. Каждый раз, когда ему удавалось высунуть наружу хотя бы руку, количество преград возрастало. Пробираться, прорубаться, проламываться между этими ледяными баррикадами становилось все труднее, но никто из нас не останавливался. Острые края осколков рвали одежду и кожу, рушащиеся куски льда множили ушибы и ссадины, но зеркало за зеркалом продолжало превращаться в исковерканные корявые плиты.

Все кончилось внезапно. Не осталось ни одного целого зеркала, чтобы выпустить нежить на свободу... И чтобы дать возможность расправиться с ней – тоже. В запале боя мы несколько увлеклись и поторопились.

Так что теперь предстояло решить вопрос, как добраться до демона, от которого мы так решительно отделались. Оставлять его так нельзя – раньше или позже он сработает себе подходящий выход.

Пока, пользуясь временной передышкой, жены с подопеч-

ной затягивали мелкие ранки и считали прорехи в одежде. Если с первым занятием проблем не возникало, то второе явно наводило тоску на женскую половину семейства.

– Посчитайте лучше, сколько лет нам удачи не видать, – ободрил я эльфочек единственной пришедшей на ум шуткой. – Если количество раскоканных нами зеркал на семь помножить...

– Эльфы столько не живут, – оборвала мое ерничанье Хирра, перевязывая руку.

– Вам вообще не жить! – неожиданно произнес ей в ответ высокий металлический голос обоеполого. – Мрази!!!

Навредить не может, так ругается. Хороший признак. Сбавив тон до шепота, чтобы нежить не подслушала, я поделился этой мыслью с Алир, которая от демоновых слов принялась ощутимо подрагивать.

Ухищрение не помогло – каким-то образом запертый за разбитыми зеркалами синекожий гад понял мою реплику.

– Не надейтесь, я все слышу!!! Шептуны нашлись!!! – взвыл он. В мириадах осколков льда дрожали от ненависти белопламенные провалы бесчисленных глаз и ртов.

– Что, вправду слышишь? – прошептал я вообще беззвучно, только двигая губами.

– Слышу-слышу, солдатня неумытая!!! – не заставил демон ждать ответа.

Тоже мне чистоплюй выискался... Шлюха не-подмытая. Этого я, правда, не сказал даже совершенно неслышимо.

Только подумал. Потому что в тот же момент Келла чуть ли не в голос сообщила:

– Ни фига он не слышит. По губам читает, – говоря это, она старательно прикрывала рот ладонью.

Полное молчание со стороны нежити подтвердило эту догадку. Действительно, не слышит, а попросту выпендривается.

– У нас арендатор глухой был, так понимал нашу речь, по губам читая, – продолжила младшая жена, поясняя свою догадку. – А мы все об этом знали... Когда с его детьми сговаривались, что интересного сделать, всегда приходилось рот прятать!

Поняв, что его обманывают, обоеполый испустил долгий вибрирующий вой и принялся бессвязно, но злобно ругаться. Похоже, в его детстве тоже был похожий эпизод, и уловка с прикрыванием рта оказалась ему вполне знакома. Впрочем, это отнюдь не было поводом отказываться от столь полезной практики.

Тем более, что у меня, кажется, появилась идея, как одним махом вытащить демона наружу и гарантированно угробить, не прилагая особых усилий. Осторожно заслонив Дланью Справедливости нижнюю часть лица, я негромко поинтересовался:

– Так, красавицы мои, у кого зеркало при себе?

Реакция эльфочек меня изрядно разочаровала. Жены смущенно потупились, не делая и попытки поискать по кар-

манам.

– Я в лагере оставила... – виновато пожала плечами моя высокородная.

– А я вообще не знаю, где! – Келла, как всегда, оказалась радикальнее.

Только подопечная возилась с застежкой ворота, одновременно стараясь одной рукой прикрывать рот. Если учесть, что она, единственная из всех, молчала, это казалось несколько излишним. Но Алир предпочитала перестраховаться в таком жизненно важном вопросе.

– У тебя? – спросил я, уже не веря в свою удачу.

Светлая эльф энергично кивнула, не отнимая руки от лица. Ну вот, а то пришлось бы отправляться на руины нашего становища в попытках отыскать хоть какое зеркальце. А неизвестно, что успеет придумать демон, если дать ему достаточно времени. Во всяком случае, испытывать судьбу, оставляя синекожему пространство для перегруппировки, отчаянно не хотелось.

Теперь главное, чтобы отражающий слой оказался обычным, не серебряным. А то плакала моя затея ртутными слезами. Над нашими заледенелыми трупами, если особенно не повезет.

– Обычное? – уточнил я и заорал, увидев, что та готова распахнуть с трудом выбравшуюся из-за пазухи здоровенную пудреницу дутого золота: – Только не открывай!!!

Подопечная вновь кивнула, на сей раз испуганно.

– Ага, обычное, – наконец соизволила она заговорить сквозь варежку. – Серебро я не люблю, холодит очень.

Хирра явственно фыркнула, выражая неудовольствие вкусами подруги. Конечно, моей высокородной, с ее пепельной кожей и угольно-черными волосами, серебряные зеркала в самый раз.

А для светлоэльфийской дивы и золотое напыление на стекле не стало бы слишком теплым. Зелье ихором не испортишь.

– Сейчас все в полукруг, и оружие наизготовку, – выдал я заготовленную инструкцию. – Сделаем вид, что сели в засаду на Ледяного.

– А на самом деле? – засомневалась моя древнейшая. – Его же ни одна зараза не берет, а огнем здесь все равно нельзя!

– Ничего, – успокоил я младшую жену. – Сейчас увидишь, в каком случае мороз сам себе злобный враг. Тебе понравится...

Старшая жена уже с пониманием улыбнулась, взводя стреломет. Ей мой замысел оказался ясен с самого начала – не зря темные эльфы слынут повелителями неживой природы. Древнейшие же, как и любые универсалы, редко склонны вникать в такого рода частности. Мне же свойство металла, на котором построен этот план, известно из ходячей байки про горных егерей, в которой их взводного чуть не повесили за пропажу ценной посуды...

Втроем мы наставили оружие на углубление в центре пещеры. Алир спряталась за спину Хирры, зябко прижав ко рту ладошки в пестрых вязаных варежках. Я и сам с удовольствием забился бы в уголок потеплей – уж очень неудобно было в сердце владений ледяного демона. Тысячи глаз, горящих синим пламенем, следили за нами из каждого осколка, тысячи чувственных ртов кривились в хищной усмешке.

Прижав защелку и с силой завертев, я пустил золотую вещь по гладкому льду пола. Уже остановившись, пудреница крутилась долгий десяток секунд, прежде чем тяжелая крышка смогла откинуться.

Сноп синего света вырвался из круглого зеркальца, открывая путь местному властелину холода и смерти. Текучим движением демон вывинтился из узкой оправы, попутно одним мановением руки воздвигая в зале целый лес ледяных сталагмитов. Мы раскатились в разные стороны неуклюжими клубками меха, а вырастающие из пола ледяные острия нагоняли, пытаясь пронзить или поймать. Настичь нас им не удалось, но в результате я и Келла оказались почти рядом с демоном, а Хирра с Алир остались по другую сторону ледяной стены.

К счастью, это было последнее, на что ему хватило времени.

Вздымаясь над пудреницей с приличествующим случаю демоническим хохотом, Ледяной не замечал, что его голубая плоть сереет и осыпается прахом. Абсолютный холод мгно-

венно разрушил олово амальгамы, превратив сверкающий металл в серый порошок, легко слетающий со стекла. Зеркало погибло, когда демон проходил сквозь него – и погубило своего убийцу.

Не понимая, что происходит, бывший некогда смертным завертелся, рассыпая тусклый прах, и взвыл, тонко и глухо, выбрасывая облако серебристого газа. Синее сияние в глазах, ноздрях и пасти меркло. Перед смертью к могущественной нежити на миг вернулось подобие прежнего облика. Так я и знал – не был он при жизни эльфом...

Наконец последняя горсть ледяного пепла упала на лед, почти полностью скрыв пудреницу Алир. Зеркало в ней стало простым стеклом, но, повинувшись неосознанному позыву, я рванул и его, насквозь пробив ледорубом золото футляра.

В кучке праха, оставшейся от нашего демонического врага, стекляшка еле брякнула. И все же мне показалось, что я услышал, как в бесконечной выси и абсолютном холоде, где-то в небе вечной ночи, чисто, прозрачно зазвенело еще одно зеркало. Последнее. Треснуло и разлетелось на мириады осколков, возвращая звездам и их хозяину заемную силу бесконечного равнодушия.

– Домой вернемся – все зеркала в замке перебыю! – не отдышавшись толком, прохрипел я. – В них лишь... этого... теперь видеть смогу!

– Только попробуй! – выдохнула протест моя древнейшая вместе с облаком морозного пара. – Демон тебе тогда Прис-

нодедом покажется! С подарками!!!

И нешуточно вцепилась коготками мне в ухо. Из-за каких-то дурацких стекляшек, перед которыми еще не навертелась вволю, видите ли! В традицию вошло у жен в огрских горах, чуть что, уши мне накручивать. А если я начну? У самих простор для уходраня знатный, только возьмись...

Меж тем Келла добралась и до второго уха. Вовсю отворачивает, щиплет, да еще и растирает вдобавок, так что даже чувствительность стала потихоньку возвращаться. Жечь начало... Зря я на нее пенял. Это не в дисциплинарном порядке, а в качестве целительской помощи.

– Зеркала-то чем виноваты? – удовлетворившись результатом настолько, чтобы оставить мои уши в покое, эльфь и с поводом к обидам разобралась спокойнее. – Днем – День отражают, ночью – Ночь. Такова их магия – умножать и оборачивать представшее, да меж собой передавать сквозь единое Зазеркалье...

Ага. Прямо по поговорке – «Что к зеркалу поставишь, тем дом и ославишь». Но вообще-то младшая жена права. Стекло не виновато. Каковы в дому пороги, таковы в дому и боги. За собой следить лучше надо, чтобы из Зазеркалья всякая пакость не лезла.

– Ладно... Только из спальни уберу, – кивнул я понимающе, но все равно сердито. – А то заснуть не смогу. Ближайшие триста лет.

– Ну, триста лет еще потерплю, – покладисто согласилась

Келла.

– Ох, не знаю, выдержишь ли, – уже слегка поддел я мою древнейшую. – Как ни проснусь, всегда вижу одно: твой задик. Все остальное уже в трельяж засунуто.

– Дурак, – с достоинством ответила младшая жена. – И уши холодные.

– Не, – осторожно потрогал я означенные органы слуха. – Уже горячие!

– Мне лучше знать! – бойко парировала она и ловко увернулась от шлепка по помянутому задик. Как раз к этому моменту Хирра с Алир проломилась к нам сквозь лес сосулек и недоуменно уставились на нас.

– На нее голубой кровью плеснуло! – ловко вывернулся я. – Растереть надо!

Старшая жена с подопечной восприняли диагноз весьма серьезно и навалились на Келлу, невзирая на ее возмущенный писк. Я принял в потасовке посильное участие, щекоча и растирая «потерпевшую». Правда, большую часть времени приходилось уворачиваться от Алир, пытавшейся проделать то же самое со мной самим.

Так мы могли бы пробарахтаться еще с полчаса, если б не капель, становящаяся все заметнее, и не струйка воды на полу пещеры, со все большим энтузиазмом пролагающая путь от лужи к луже.

Первой ситуацию оценила Хирра.

– Смотрите, вот она, Среброречка! – воскликнула моя вы-

сокородная, зачерпнув ладонью талой воды.

– И верно... – восхищенно замерла подопечная, уставившись на крепнувший ручеек переливчатыми, как он сам, глазами.

В глубине пещеры с мягким грохотом рухнул пласт льда. Поток воды окреп, превращая свой нежный перезвон в шум, заглушающий слова.

– Ходу отсюда! – подвел я итог возрождению главной водной артерии огрских гор. – Пока не смыло!!!

Скорость, с которой воды Среброречки освобождались от власти демонского мороза, наводила на мысль о какой-то магической реакции. Обычно так просто холод своих позиций не сдает, а при подобных масштабах еще и может зажить своей жизнью. Ледник или тундровая вечная мерзлота легко заводятся, а вот исчезают с большим трудом и оставляют по себе немалый разор.

По колено в воде мы выскочили из пещеры, едва успев отскочить в сторону от вырвавшегося наружу потока. К выходу из расселины пришлось брести уже по пояс в холоднющей воде, изо всех сил цепляясь за стенки. Похоже, ледяная пробка в логове демона замыкала выход целому озеру по ту сторону пика.

Спасаться приходилось уже всерьез. Залезть выше по отвесным скалам было попросту невозможно, так что оставалось только спускаться к лагерю, борясь с течением. Хорошо, что тот был разбит не особенно далеко, да и отмель за-

топило не сразу.

Однако к моменту нашего прибытия от лагеря уже ничего не осталось. Весь скарб и горное снаряжение, кроме того, что было при нас, унесло, наверное, в первые же секунды. Только Сакральное Корыто по-прежнему возвышалось на своих подпорках, гулко отзываясь на шлепки волн в округлое брюхо. Одна из станин, подмытая водой, опасно накренилась.

Не сговариваясь, мы рванули к предмету священной утвари, более похожему на лодку, в которой сейчас весьма нуждались, вскарабкались по станинам со всех сторон и перевалились через край посуды аккуратно тогда, когда рухнула подмытая подпорка.

Свободный конец Сакрального Корыта запрыгал на волнах, заставив нас посыпаться на дно. Другой его край, ерзая, все быстрее и быстрее сползал с уцелевшей станины по мере того, как поднималась вода в расселине. Уровень, обозначенный старым руслом, она превысила уже втрое и останавливаться на этом не думала.

Неизбежное свершилось спустя полминуты, когда мы более-менее освоились с болтанкой и уселись на дне. Посудина сорвалась с подпорки и, набирая скорость, понеслась вниз в хлопьях пены и комьях шуги, болтавшихся на поверхности мятежной Среброречки.

Никоим образом не приспособленное к скоростному сплаву корыто тут же закрутило, чудом не приложив о стены ущелья. Во всяком случае, от одной стены к другой его

мотало с размахом, словно сумасшедший маятник. Никого не укачало исключительно потому, что длилось все недолго – полминуты, не более.

За это время жены загнали поглубже подопечную, которая все порывалась сигануть прочь из посуды, крутившейся, словно стакан с игральными костями. Взамен с самого дна ими был извлечен черпак на длинной ручке – тоже, видимо, сакральный – и в единодушном порыве вручен мне. В качестве весла, как я понял, что само по себе было весьма и весьма неглупо.

Если б я еще знал, что делать с оным веслом...

– Почему я?! – переорать шум воды было почти невозможно, тем более с вопросительной интонацией.

– А кто еще?! – слаженным дуэтом отозвались эльфийские дивы сквозь спутанные пряди мокрых волос. – Ты муж, ты и рули!!!

Возразить на это было нечего. Умей хоть одна из них обращаться с лодкой на горной реке, тут же взялась бы за дело без лишних слов. А раз такого опыта нет ни у кого, включая Келлу, которую многопрадед вроде бы обучил всему на свете, значит, браться за дело надо мне. Как мужчине и главе семьи.

Перво-наперво мне удалось заставить громоздкую посудину завертеться в противоположную сторону – одним движением импровизированного весла, сопровождавшимся фонтаном ледяных брызг. Чтобы принудить это трижды

сакральное корыто держаться сколько-нибудь прямо, пришлось напрячься изо всех сил, действуя менее размашисто, но куда более резко.

То и дело все мои усилия шли насмарку, когда течение подносило посудину к стенкам или торчащим посреди русла скалам. Отпихиваясь от камня черпаком и ледорубами, мы едва могли уберечь борта от серьезных повреждений. Щепки все равно летели при каждом столкновении, но от трещин или опрокидывания Судьба пока миловала.

Таким манером мы преодолели, пожалуй, уже тысячу футов по вертикали, а сколько в длину – и не сосчитаешь. Стены ущелья неслись мимо быстрее, чем при скачке на бешеном гекопарде. В висках ломило, перед глазами плыли огненные точки. Зато удалось более-менее приноровиться к управлению спуском по извилистому горному потоку.

Увы, ненадолго. За очередным поворотом наклон и ширина русла сменились. Теперь оно было более пологим, однако прибавилось торчащих скал, не говоря уже о покрытых водой порогах.

Приходилось не столько править сплавом, сколько метаться с борта на борт, со всей силы отгребая от очередного препятствия.

Днище с устрашающим хрустом скребло по камням, мои эльфочки орали в голос, предупреждая об очередной опасности, вода грохотала, как аркналет. Брызги осыпали нас столь часто, что вся одежда давно промокла, и холод не ощу-

щался только из-за чрезмерного перенапряжения.

Впрочем, кое-кому пришлось не в пример хуже, чем мне и семейству". Далеко впереди и ниже по течению белым пятнышком в бурунах кувыркался снежный горилл. Каждый из смачных шлепков мохнатой туши о скалу или порог вызывал порцию отчаянных воплей. Временами обиженный рев обезьяна перекрывал даже грохот потока, несущегося по некогда пересохшему руслу.

Не иначе исконный обитатель Огрогор попал под раздачу из-за своего любопытства, последовав за нами к прежде избегаемому логову ледяного демона. За что теперь и расплачивался незапланированным купанием вкупе с сеансом совсем уж экстремального массажа.

И то, и другое не во вред вонючей туше. Нечего по ночам кучи у палаток наваливать и за эль-фями подсматривать. Алир вон до сих пор подпрыгивает и визжит при каждом горильем вопле. Келла, та только демонится сквозь зубы, а Хирре и вовсе не до того – знай успевает отпихиваться от скал альтенштоком.

Мне с Сакральным Черпаком за ней не угнаться. Тем более, что предыдущие столкновения не пошли этому орудию на пользу. Использовать здоровенную ложку из ветхого дерева при горном сплаве явно никогда не предполагалось, так что к моменту выхода на большую воду в руках у меня оставался только черенок, да и тот словно драконом обгрызенный.

Внутренний счет времени у меня изрядно сбился – дни пути посуху, превратившиеся в часы сплава по неистовому горному потоку, сжались в моем мозгу вообще до минут. Поэтому долина Ограда распахнулась перед нами совершенно внезапно, в непривычной после грохота Сребро-речки тишине, под потемневшим предвечерним небом, налившимся тяжелыми тучами. После кончины ледяного демона они были чреваты не бураном, а всего лишь ливнем, но и это было бы для нас слишком. И не только для нас...

Что там ущелья и каменистые отмели выше по течению – вырвавшись из пятисотлетнего плена, вода затопила долину от края до края!!!

Течение несло нас стороной от прежнего русла, прямо через Оград – как раз между закопченной тушей Сакрального Стадиона и торчащими из волн, как огрызки, столбами Праведного Проема. Больше ничего на поверхности толком не виднелось – обычай невысоко строиться сослужил хозяевам долины дурную службу.

Кое-как, иногда по колено в воде, огры спасались на плоских вершинах своих жилищ. Флафы же – на вершинах самих огров, забравшись тем на плечи и головы. Наиболее отчаянные набились хозяевам в карманы и жалобно попискивали оттуда, сверкая сквозь сумрак лиственненно-зелеными огоньками глаз.

Это был единственный звук, провожавший нас на протяжении сей водной феерии. Своеобразный морской парад по-

бедителей ледяного демона и освободителей Среброречки отнюдь не вызвал в зрителях приветственного энтузиазма – лишь укоризненные взгляды вслед.

Понять их было можно. Лишь немногие сумели спасти вещи, так что ущерб порядку в хозяйстве придется устранять до самой зимы. К чести огр-ских бабусь, они все стояли на крышах, обвешанные узлами больше их самих. Флафы покрывали эти кули серыми пушистыми снежными шапками, окончательно уподобляя огров горным вершинам...

Приближающийся шум возрожденного нашими стараниями водопада заставил настроиться на более конкретный лад. Пора бросать якорь или причаливать к чему-то попрочней, пока не затянуло совсем близко к обрыву. Лететь вниз добрых три тысячи футов, чтобы в финале шваркнуться о едва прикрытые водой скалы, как-то не хотелось. Ни левитационных заклятий, ни телепосыльных чар в запасе у нас не было, да и находящиеся в моем распоряжении Реликвии не заточены под полет. Так что надо спастись подручными средствами, пока не поздно. Ойрад мы уже почти миновали, не имея возможности зацепиться хоть за что-нибудь. Хоть из ледорубов якорь связывай!

Беда в том, что утяжелить его нечем. Пустая связка крючьев скользнет по дну без всякой пользы, а глубина тут выше не только моего роста, но и длины любой из женушек и подопечной. Так что собственным весом импровизированный якорь в расщелину не загонишь.

Оставалось надеяться на последнее препятствие на пути к водопаду. На наше счастье, Сакральное Огродреве устояло под первым ударом освобожденной воды и теперь высилось над бурливыми волнами прямо впереди по курсу. Даже грести особо не придется...

Все бы хорошо, вот только в деле спасения от магически-рукотворного потопа у нас имелся неслабый конкурент. На Огродреве, залитом водой почти по самую развилку, огромным неряшливым комом мокрой белой шерсти висел снежный горилл. А после всего того, что он от нас претерпел, начиная с первой ночевки в горах, рассчитывать на его дружелюбие нам не приходилось.

Впрочем, темпераментом,сообразным его росту чуть ли не в полтора огра и вытекающей из этого силище, горный обезьян явно не обладал. Завидев нас, горилл обреченно зажмурил глаза, горестно вздохнул и разжал лапы. Фонтан брызг взметнулся выше ветвей огрской святыни. Вынырнув в дюжине ярдов от нас, обезьян без оглядки поплыл прочь гигантскими саженками. Кажется, к водопаду. Похоже, ему было все равно куда, лишь бы подальше от виновников своих несчастий...

Ладно, нам же проще, раз не надо освобождать Огродреве специальными мерами. Кое-как загребая руками в ледяной горной водичке, мы с Хир-рой и Келлой подогнали лохань к неохватному стволу и зацепились за кору ледорубами. Алир же просто ухватилась за свисающие с ветвей амулеты и по-

лощущиеся в воде ленты. Получилось не менее крепко и подало неплохую мысль.

– Размотай репшнур! – бросил я через плечо младшей жене.

Та с готовностью принялась за дело, пока мы втроем удерживали наше плавучее пристанище. Заводить петли шнура в холодной воде под днище нам пришлось уже вдвоем, поочередно с обоих концов лохани. Перекинуть трос через ветки было уже легче, а там дело совсем на раз пошло – стянуть импровизированный подвес вверху в единый узел, да еще парой витков прихватить борта нашего плавсредства. Для верности мы и там навязали по паре узлов.

– Все, отпускайте! – проорал я, перекрикивая шум совсем уже близкого водопада.

Старшая жена с облегчением выдернула ледоруб из глубокой щели в коре. А вот янгледы ау Риер словно не услышала сигнала к отбою и продолжала раскачиваться, вцепившись в гроздь священной мишуры, свисающей с ветви Огродрева. Пришлось Хирре самой отдирать цепкие лапки подопечной от бисерного плетения шнуров и разноцветных лент, а затем, раза в три дольше, ласково уговаривать светлую эльфю не бояться и успокоиться. Ну да она у меня теперь мастерица на это, как прежде была специалисткой по устрашающему позерству. Направление сменилось, а убедительность никуда не делась.

Келла поспешила присоединиться к подруге в деле уте-

шения инфантильной светлоэльфийской дивы. Мне тоже, по большому счету, больше было нечем заняться. Оглядев напоследок водное пространство, заполнившее собой чашу горной долины, я устало сполз на дно лохани к эльфочкам, сбившимся в сырой мохнатый клубок. Нечего и говорить, что они сразу же затянули меня внутрь, в тепло, к всхлипываниям Алир, тут же вцепившейся в меня мертвой хваткой, как давеча в огрские амулеты. После этого она мгновенно успокоилась и без промедления заснула, лишь на какие-то минуты обогнав в этом остальных...

Раскачивание Сакрального Корыта, подвешенного к ветвям ничуть не менее Сакрального Ог-родрева, убаюкивало не хуже колыбели, поэтому нечего удивляться, что глаза я продрал лишь на следующее утро. Да и то, мог бы, пожалуй, проспать еще столько же. Даже не представлял, что настолько умотался с этим демоном и последующим скоростным сплавом по вернувшейся из небытия Среброречке.

Что ж, у Анара снова одним притоком больше – как полтысячи лет назад, когда заварилась вся эта история. Вон как шумит, рокочет в свежем утреннем воздухе, не давая провалиться обратно в блаженную дремоту...

Стоп. Это не поток шумит – столько воркотанья и рыка не способен произвести ни один водопад. Это огры.

Кто-то из эльфийских див настойчиво тряс и толкал меня в бок, стараясь вывести из сонного оцепенения. Но я и сам

уже окончательно проснулся, с трудом ворочаясь после долгой ночи, проведенной в сыром неудобье. Во всяком случае, открыть глаза оказалось не в пример легче, чем подняться.

Уразумев это, Хирра с Келлой с двух сторон подняли мужа и повелителя, одним духом вздернув над бортом лохани и при этом, похоже, усадив прямиком на подопечную, недовольно завозившуюся подо мной спросонья. Неловко повернувшись, она сбросила меня, так что я чуть наружу не вылетел. Зато наконец проснулся... Точнее, был разбужен. Получилось это у жен и подопечной на редкость легко и непринужденно – силы и выносливости эльфям не занимать. Еще бы с разумением повезло в тех же масштабах...

Хотя кому-кому, а мне грех жаловаться. Иные, даже не из расы любимых детей Отца, могли бы спрятаться, а то и слинять втихую. Но мои жены не из таких!

Впрочем, потихоньку смыться тут было нереально. Огры окружили свое священное древо плотным кольцом, кое-кто – по колено в воде. За ночь половодье спало, но просыхать долине предстояло еще не одну неделю. Теперь же она, казалось, до краев была заполнена головами и плечами местных жителей, как прежде волнами.

Все население Ограда собралось, как в первый день для ритуального знакомства. Лишь бы не для ритуального прощания, которое сделает этот день воистину последним для моего семейства, а то рожи у собравшихся как на подбор мрачные. И основания к тому у них немалые – поражение

в Сакральной Игре с последующим всесожжением стадиона и заключительным общим потопом кого угодно выведет из равновесия. Или хотя бы заставит усомниться в благосклонности Судьбы, которую огры числят своей богиней.

Как бы нам не позавидовать смоле и перьям проигравших Сакральную Игру...

Нет, до такой степени мы ограм все-таки не досадили, раз они сообразовали дождаться нашего пробуждения. Да и теперь не вся толпа двинулась вперед в порыве самосуда – только Огро-Староста вышел, желая выразить народное недовольство.

Не знаю, как мне удалось не втянуть голову в плечи в ожидании заслуженного порицания. Эль-фям в этом отношении было легче, как по врожденному гонору высокородных, так и оттого, что главная роль в учиненных безобразиях, как ни крути, принадлежала не им.

Совершенно неожиданно вместо громогласного обвинения или ругани из уст насупленного старика прозвучала уже приевшаяся за предыдущие разы ритуальная формулировка.

– Огр-рТинг тр-ребует! – было видно, что не прибавить к этим словам парочку особенно раскатистых выражений стоит ему немалых усилий.

Требует так требует. Быстро оправились. Не ожидал, что они придумают третье задание раньше, чем через неделю. А то нам крайне не мешает передохнуть после этой горно-сплавной эпопеи, да и огры, глядишь, отошли бы малость

от наших благодеей...

Лишь бы последнее испытание не оказалось необходимо-стью привести в порядок все, что мы наворотили. Тогда точно раньше весны не выберемся. Причем хорошо, если весны следующего года. С нашим размахом можно и дюжину лет провозиться...

ОгроСтароста сделал еще один шаг вперед, оглянулся влево-вправо, словно ища поддержки у всех собравшихся, и старательно выговорил:

– Пойнтер-р! Сделай огр-рам добр-ро! Убир-райся, просим покор-р-рно!!!

Чего-чего, а особой «покор-р-рности» в словах ОгроСтаросты не наблюдалось. Скорее наоборот, «р-раздр-р-ражение», просто очень тщательно скрываемое – на огрский лад, так что не заметить невозможно. Но притом все же не открытое.

На его месте я бы тоже не решился впрямую высказывать претензии чужаку, вооруженному Реликвией, способной уделать исполинскую земле-кройку вкупе с Сакральным Стадионом, тому, кто только что истребил демона, веками досаждавшего местным жителям, и попутно надолго привел их жилища в негодное состояние. Но и добрых чувств к подобному благодетелю я бы тоже не смог испытывать. Так что все законно. Как-то не срастается у нас с ограми – что ни сделай для них с самыми лучшими намерениями, в итоге выходит одна разруха...

Осталось только ответить ОгроСтаросте столь же ритуальной фразой. Сакральной, как все у огр-ского народа, даже в чем-то сакраментальной:

– ОгрТинг вправе требовать. Принято. Хотя в моей речи нет рокота и взрыкивания, характерного для первых детей Матери, грохнули эти слова внушительно. Может быть, оттого, что упали в оглушительную пустоту и тишину всеобщего молчания. Нарушил ее только топот огров, безмолвно повернувшихся к нам спиной и разошедшихся прочь.

Последним ушел старейшина. Задержался он оттого, что хотел что-то сказать, да не сумел подыскать слова, потоптался на месте и пошел следом за своими соплеменниками.

Мы остались одни посреди долины, повсеместно испещренной лужами, тускло поблескивающими под свинцовым утренним небом. Дождь, намечавшийся с вечера, не пролился, но серость и сырость никуда не делись. Неподалеку сердито перекатывалась Среброречка, несколько присмирившая, но так и не вошедшая еще в прежнее русло. На душе отчего-то было так же серо и бестолково.

С чего бы? Все завершилось самым успешным образом. Можно отправляться домой с полной победой и желанным трофеем. А вот же...

Жены и подопечная тоже не спешили радоваться. В мрачном молчании, словно зараза, приставшем к нам от огров, все семейство выбралось из Сакрального Корыта, поочередно соскальзывая на камни по жертвенным шнурам, свисаю-

щим с ветвей. Последним спустился я, прыгнув с не достигающего до земли обрывка каната. Верно высоту угадал – днище многотрадальной священной утвари огров болталось в футе над моей головой. Больше нам здесь делать нечего.

Даже вещи собирать не придется. То, что оставалось здесь, уничтожил потоп, то, что в лагере, смел он же еще раньше. Так что мы остались при том, что на нас, отсыревшем и заколодевшем. Плюс Длань Справедливости, никак не рассчитанная на бережную просушку и обогрев.

Справедливость вообще вещь опасная и в быту неприменимая. Уж если приложит со всей силы, никому мало не покажется. Даже всяким героям-демоноборцам и прочим избавителям народа от вековых напастей.

Слегка размявшись под такие мысли, я не почувствовал себя сильно лучше – все тело отчаянно ломило после ночи, проведенной в холоде и сырости, а законная неблагодарность огров лежала на душе нелегким грузом. Но теперь, по крайней мере, определено прибавилось готовности к путешествию назад на перевал, к трактиру Свена и пылающему в нем исполинскому камину.

– Пошли, что ли? – нарушил я затянувшееся молчание.

Жены и подопечная лишь кивнули, встряхнув сырыми гривами. У них не набралось слов даже на согласие. Огонь камина, столь же предвкушаемого ими, как и мной, казалось, неугасимым пламенем горел в глазах промерзших эльфийских див.

Пара с лишним часов пути не отложила в памяти ничем. Зато возвращение в отель «У утоп-шего водолаза» позабыть будет невозможно. И вовсе не из-за новой вывески в камуфляжных тонах ко «Дню Побития» – годовщине той самой битвы при Усино, в которой неизвестно, кто кого побил.

С порога мы ломанулись к камину, не особенно оглядываясь по сторонам – пламя притягивало, как свет гнилушки манит осиных дракончиков. А дальше ничего не было видно из-за клубов пара, поваливших от нас во все стороны.

В дороге Келла высказала идею обсушиться силой ее базовой стихии, но я не понадеялся на способность младшей жены управиться со своим внутренним Огнем. Старшая же и не предлагала, сама отлично понимая, что не способна на столь тонкое применение магии в таком измученном состоянии.

Пускай внутренняя стихия греет их самих. Нам же с подопечной оставалось лишь надеяться на эльфийскую неспособность к телесным болезням, у нее врожденную, у меня – дарованную Мечом Повторной Жизни... Однако спустя полминуты блаженства у каминной решетки все мы услышали громовой чих.

– Будь здоров! – голоса моих эльфочек слились в чистейшее трио без примеси простудного хрипа.

Воспитание пересилило в них здравый смысл – вспомнить о подверженности иных рас хворям и сопутствующем тому

пожелании вспомнили, а о том, что меня сие уже не касается – нет. И все бы хорошо, если бы в тот же миг я сам не выпалил в том же заблуждении и слепой верности привычке, имея в виду неизвестно кого из троих:

– Будь здорова!

– Будьте здоровы! – отозвался с лестницы Ян-декссон, подоспевший сверху, из комнаты над холлом, на стук дверей и нашу возню у камина.

В руках у него дымились четыре кружки – судя по запаху, с крепко памятной мне медовухой на пряностях. Как раз то, чего нам не хватало! Только бы не развезло на голодное брюхо...

Кружки мы расхватали, не боясь обжечься, – хорошо хоть ручки были деревянные, как и рычажки крышек, – причем Алир наравне со всеми присосалась к своей.

– Простите, хай-леди, запомятовал, что вам хмельного нельзя, – заметил то же самое трактирщик.

– Сегодня можно, – пробубнила та в кружку, не желая отрываться от горячего питья. – Теперь бояться некого...

– Благодарение Судьбе! – не вполне понимая, к чему это она, ответил Свен, а затем, догадавшись, решил уточнить: – И этого... с Голубого Пика... тоже?!

Он неопределенно, но явно опасливо махнул рукой куда-то вверх и вправо, довольно точно ука-зуя на вершину, покинутую нами сутки назад. Иносказанием трактирщик отчетливо выказал страх перед демоном, который не удавалось

побороть так просто, сходу.

– Ага! – теперь уже Келла оторвалась от медовухи, слизи-
вая с губ пенку. – Нету его больше!

– Как так? – Яндекссон боялся поверить доброй вести.

– Совсем!!! – снова включилась в разговор Алир, извле-
кая довольную мордашку из опустевшей посуды.

– Демон уничтожен окончательно и безвозвратно, – за-
ботливо информировала трактирщика Хирра, до сих пор не
проронившая ни звука. – И горный паразит, кстати, тоже.

Где она прятала белоснежный платочек, я так и не понял,
но в общую беседу старшая жена вступила, только промокнув
им губы. «Паразитом» же она по-огрски приложила ис-
полинскую землекройку, заставив уже меня ухмыльнуться,
оставив кружку в сторону и утерев рот тыльной стороной
ладони.

А что, верно – кем еще может быть гигантское насеко-
мое с раскиданными по всему телу трахеями, желудками
с микротварями-симбионтами и челюстями, заточенными
под перемалывание горных пород, которые эти микротвари
перегоняют на пригодную хозяину пищу? Даже по обгорелым
останкам чудища любознательной младшей жене уда-
лось немало разузнать о нем.

Словно выпущенный из клетки дракончик, разговор вы-
летел на свободу и закрутился, добавляя подробностей небы-
валым новостям. Свен выглядел совершенно счастливым,
словно позабыв об утрате своего любимца. Да и был ли на-

хальный фокс-квиррел на самом деле? С расстояния прошедших недель события прошлого визита в отель сделались совершенно неразличимы.

Правда, забыв о зверьке, замороженном насмерть ныне столь же не существующим демоном, пришлось бы списать и прочие события, следовавшие за его гибелью. А это было бы не слишком разумно, принимая во внимание, что гипершкаф, хоть и налаженный, остался на своем месте. Да и вообще расслабляться как-то не в моем духе. Даже сейчас что-то царапало край сознания.

Вот что: среди всеобщего благодушия и радостного возбуждения как-то сам собой пропал вопрос, кто же все-таки чихнул...

Впрочем, всерьез задумываться об этом не хотелось ни в горячей травяной ванне, ни за следовавшим плотным ужином. Котлеты на косточках под жареную картошку и ту же медовуху, только уже холодную, как-то не располагают к серьезному беспокойству за свою безопасность. Разве что в плане последующего самочувствия – вряд ли для желудка пройдут даром пять видов перца, от цельных стручков жгучего иэрийского и мелкого порошка красного хисахского до разноцветных мясистых ломтей сладкого альтийского, который пламенные скво Союза Племен кладут в пиццу и лазанью.

После всего перечисленного можно было только завалиться спать, не дожидаясь, пока небо, очистившееся от туч и

подсвеченное закатившимся за горную гряду солнцем, погаснет совсем. И тем более естественно было подняться посреди ночи – облегчиться, привести себя в порядок, да и вообще проветриться.

С последним пунктом и возникли осложнения. Пристроившись на полпути к своему номеру у окна с чуть повернутой для вентиляции фрамугой, я лениво разглядывал разноцветные тени оконного переплета, отброшенные двумя из трех лун. Ждать, пока вернется жажда сна, пришлось долго – не стоило умываться холодной водой.

Наконец, когда глаза снова начали слипаться, а тени порядком уползли по половицам, я собрался обратно. Встал с подоконника...

Шшшурх! – грузно метнулось прочь что-то за углом. Сон сняло как рукой, и уже через секунду я был у того поворота, из-за которого донесся подозрительный шум. Понятно, что ни следа источника этих звуков там уже не было, как и во всем коридоре.

Соваться дальше в одном комбинезоне на голое тело и босиком я как-то поостерегся. Первая моя реакция тоже была не слишком разумной, но спросонья чего не отчудишь. Помнится, Берт Коровий Дядюшка в таком состоянии сложил вдвое тесайрского дезертира, залезшего в землянку за жратвой, и засунул под койку, чтоб мягче спалось. Бедняга до утра боялся пошевелиться и сам разогнуться уже не сумел, а ведь Берт тогда и вполтину не раздобрел так, как

нынче.

В отличие от него я все еще остался легок на подъем, и пока это мне не слишком навредило. А чтобы и дальше пребывать в целости и сохранности, лучше не соваться следом за неизвестным с голыми руками.

Пятясь и поминутно оглядываясь, я отступил к номеру. Жаркая темнота, наполненная безмятежным сопением эльфочек, сбившихся в уютную кучу на составленных вместе кроватях, манила остаться и забыть обо всем. Может, ничего и не было, показалось?

Нет. Нельзя оставлять нерасследованным непонятное вторжение. Тем более в отеле, который однажды уже показал свой нор. Стараясь поменьше шипеть, я влез в сапоги и португею, затянул ремень и проверил оружие с амулетами. Так же тихонько закрыл дверь и накрепко запер ее – незачем беспокоить семейство раньше времени, но лучше и тут поостеречься.

Уже полностью очухавшись и подготовившись, я отправился на место, где остановился в прошлый раз. Там ничего не изменилось, и даже самый пристальный осмотр при свете жука-фонаря-ника, разбуженного очередной порцией сахара, не дал никаких результатов.

Точнее, на том самом месте не дал. А вот чуть подалее... На половицах остались здоровенные и весьма свежие царапины – воск курчавился по краям легкими стружками. На подковки сапог не похоже... но на когти еще менее. Словно

лопатками задрали весь верхний слой полировки.

Мои опасения получили подтверждение. Кто-то или что-то подобралось настолько близко, что могло бы одним прыжком достичь места, на котором я находился. На мое счастье, незванный гость предпочел не нападать, а спастись бегством, однако зачем-то все же следил за мной.

Быстро перемещаясь от одного следа к другому, я миновал почти весь коридор. И тут меня ожидал самый неприятный сюрприз из всех возможных: последний задир красовался напротив одного из терминалов гипершкафа! Более того, направление соскоба поперек коридора ясно указывало, где скрылся пришелец, – если, конечно, не проскочил с размаху сквозь стену.

На это, впрочем, надеяться не приходилось. Угроза пришла оттуда, откуда я и предполагал – из иных миров, фантомных лабиринтов телепереноса. Видимо, не так уж хорошо я наладил сверхсложный механизм, сочетающий свойства управляющей цепи кадавра и телепосыльные чары.

Необходимо было сделать кое-что, крайне нежелательное, но необходимое – проверить терминал на предмет функционирования... и наличия в нем незваных гостей. Наставив стреломет на шкаф, я осторожно раздвинул створки кончиком тесака. Ничего. Ни призрачного коридора, ни фиолетового свечения сбоя телепосыльных чар.

И уж подавно никаких существ с лопатками на ногах. Нормальный терминал, штатно функционирующий...

Убрал оружие, я извлек мяч-тестер и обстучал им весь шкаф, особенно кольца адресации. Снова никакого результата. Точнее, результат положительный, а иногда это не лучше отрицательного или никакого, ибо отменяет единственно возможное объяснение и вызывает к жизни самые невероятные домыслы.

Но если это не пришелец из иных миров, то кто тогда?

Так и не придя ни к каким выводам, я, сторожко озираясь, поплелся обратно к номеру... лишь для того, чтобы обнаружить знакомые широкие царапины не только у самого входа, но даже на двери! Покуда я таскался по коридорам отеля, выслеживая неизвестную тварь, та вплотную подобралась к моему семейству!!!

Слава Судьбе, дверь была цела и по-прежнему заперта. Да и тишина за ней оставалась спокойной, домашней и сонной, без тени напряженности. Более основательно проверять, как там мои эльфочки, я не хотел, чтобы не беспокоить их раньше времени.

И без того найдется, чем заняться. Надо проверить, как там гекопарды, да и Свена предупредить, что у него в трактире завелось невесть что. Причем, если как справиться с первым, я еще худо-бедно представлял – местонахождение стойл запомнилось неплохо, – то где в своем заведении обитает сам Яндекссон, не взялся бы угадать и в более спокойных условиях.

Пожалуй, есть один способ, довольно беспокойный, но на-

дежный. На всякий случай код вызова отеля я нарезал в раковине на медь еще до отлета из дому, по справочнику «Рыжий Пергамент». Так что если вызвать местный коммутатор с карманной раковины, хозяина заведения сигнал никак не минует.

Сказано— сделано. После хисахских случаев несвоевременной утраты раковина обреталась в прочной жестянке с замшевой обивочкой. Извлечь ее и в свете фонарика найти код вызова не составило труда.

Эффект это возымело совершенно непредсказуемый: офисные раковины запели по всему дому на разные голоса, переключаясь по коридорам нежным эхом. В ответ на это обрушилась целая лавина шурханья — неизвестное существо заметалось по галереям и холлам, вихрем скатываясь по лестницам и переходам в поисках местечка потише.

Смею надеяться, на Свена столь радикальный способ оповещения тоже подействовал, ибо выходить в одиночку на существо такого размера и подвижности мне как-то не хотелось. Даже несмотря на столь последовательно проявляемую тем осторожность и нежелание идти на конфликт, да что там — просто отчаянную трусость. Еще неизвестно, на что окажется способен пришелец, если загнать его в угол...

Яндекссон действительно отозвался достаточно скоро, совершенно заспанным голосом пробормотав из раковины стандартное: «Отель "У утоп-шего водолаза"». Чем могу?» Услышанное принесло немалое облегчение и застави-

ло сформулировать просьбу «Помогите!» менее паническим образом.

– Выйди в холл. Только осторожно, да прихвати что-нибудь посерьезнее. – На наличие оружия в хозяйстве трактирщика я почему-то не надеялся, несмотря на мишени, развешанные по всему отелю. – По коридорам кто-то шляется...

– Да-да, сейчас... – растерянно пробормотал трактирщик и отключился.

Чтобы встретиться с ним в условленном месте, пришлось поспешить, так что к финалу маршрута я порядком запыхался. Влетев в незакрытую дверь, я резко затормозил и чуть не брякнулся на карачки. А как еще прикажете реагировать на выставленный в самую физиономию ствол тесайр-ского ручного метателя под малокалиберный фэйрболл? Чуть больше нашего полуфунтового, на одну линию в калибре меньше полного дюйма...

Похоже, Свен воспринял мой совет вооружиться поосновательнее крайне серьезно. Где он только нарыл этот трофей, способный за один выстрел вынести тут целую комнату?

Подслеповато щурясь на мерцавший ему в глаза свет жука-фонарика, Яндекссон опустил ствол. Сам он предусмотрительно обошелся без освещения, поджидая меня в стороне от квадратов света не зашедшей еще главной луны, четко рассеченных оконными переплетами.

Отдышавшись, я разогнулся и махнул рукой столь основательно подготовившемуся трактирщику:

– Пошли, что ли...

На удивление без вопросов он последовал за мной во тьму коридора, где мой фонарик, скорее, сгущал, чем рассеивал тьму. Присутствие столь мощной огневой поддержки не столько внушало уверенность, сколько нервировало. Еще выпалит в самый неподходящий момент – беды не оберешься...

– В случае чего без команды не стреляй, – обернулся я к Свену. – А то натворишь дел...

– Там не фэйрболл, – понимающе отозвался Яндекссон. – Игл надсеченных две пачки и три стрелы бронебойных, кованых.

Нехило!!! Этакий набор рогача свалит с одного попадания, а кого поменьше в ключья изорвет, как летучая мясорубка. Футов на двадцать-тридцать, не дальше, но обычно и этого хватает. В коридорах с дальнобойным арбалетом, снабженным друзой кристаллов оптики, делать нечего.

При такой поддержке передвигаться по отелю можно без всякой опаски. А стало быть, и проверить стойла гекопардов. В одиночку соваться в крупное помещение, в котором неизвестная тварь может затаиться где угодно, не хотелось во всех случаях. Это не коридор, где нападения можно ждать только с двух направлений – спереди и сзади. Да еще из гипершкафа, будь он неладен...

По дороге к стойлам, понятно, терминалов последнего было куда меньше, равно как и раковин внутренней связи, по-

этому немудрено, что следы бегства незваного гостя обнаружили на нашем пути в изобилии. В узком месте каменного коридора, пролегающего меж зубцами скал, вокруг которых строился отель, на стенах остались даже лохмы шерсти – длинной, серебристой, легко реющей на сквозняке в лучах света от недовольно скребущегося в склянке жука.

Что-то мне эта шерсть напомнила, но времени разобраться не было – по мере приближения к стойлам я все более энергично тащил за собой трактирщика. Особенно после того, как услышал недовольный взвизг гекопарда, почуявшего невдалеке чужака.

В стойла мы чуть не влетели с налета – остановила только меканская привычка сначала кидать в опасное помещение фэйрболл, а уж потом заходить туда. Здесь же вместо фэйрболла пришлось обойтись ярко светящимся мячом-тестером, заклётым на то, чтобы держаться над полом на высоте футов семь и не приближаться к стенам больше, чем на такое же расстояние.

Источник света медленно кружил по комнате, гоня по стенам и полу длинные тени от столбов, а по потолку от балок. Гекопарды заинтересованно водили мордами, следя за летучим шариком, причем Шипучий – явно с намерением цапнуть и попробовать на зуб. Плотноядная заинтересованность явственно читалась на узкой оранжевой морде.

Среди множества теней ни одной лишней как-то не обнаруживалось. Разве что в овине среди куч сена, запасенного

для рогачей, одна, самая большая, казалось, еще и сама тряслась в дрожащем свете тестера.

Да нет, не казалось. Кивнув Свену на копну, проявлявшую признаки самостоятельной жизни, я бочком-бочком, по стеночке, выставив перед собой стреломет, двинулся к стойлам, чтобы отрезать тварь от скакунов. Яндекссон со своим стрелобоем остался в дверях, страхуя пути отхода...

– Погодите-ка, хай-сэр! – вдруг, словно молнией, расколола напряженное молчание его неожиданная реплика.

Не понимая, в чем дело, я попытался оглянуться на не вовремя подавшего голос трактирщика, в то же время не упуская из виду подозрительной копны, но это привело только к кратковременному приступу косоглазия.

– Да постоит же! – уже более настойчиво выкрикнул мой горе-напарник. – Это Пушок, я его взамен Шпиннэ завел!!! Он тихий совсем, хоть и большой...

Одновременно с его словами копна зашевелилась, и сено полетело во все стороны. Мой приступ косоглазия повторился в обратном направлении, от двери к овину. Услышав свое имя, новый любимец Свена завозился и выпростался наружу, фут за футом вздымаясь к потолку с виноватым поскуливанием.

Завершил свое явление Пушок совсем неуверенным «Ах-вах?», не идущим ни в какое сравнение с прежним бодрым кличем снежного горилла. Каковым он и был, без всякого сомнения. Вот, стало быть, куда прибился бедняга в поисках

спасения от наших безобразий. Ничего себе любимец...

И все-таки при виде старого знакомца я опустил стреломет, памятуя о незлобивом характере здоровенного обезьяна, отягченном разве что неумным любопытством, позволившим освоить гипершкаф, и изрядной нечистоплотностью, от которой, впрочем, сейчас не осталось и следа. Купание в организованном нами потоке явно пошло ему на пользу – теперь горилл вполне соответствовал своей новой кличке. Впервые в жизни чисто промытая шерсть топорщилась серебристым облаком, утыканным соломинками, мерцающая и переливаясь в свете жука-фонарика. Пушок так Пушок. Хотя если уж следовать традициям альпийских сказок, робкого обезьяна следовало бы поименовать Фастольфом в честь отличавшегося такой же храбростью рыцаря-обжоры. Вон как трясется в своем углу, подпирая коренной столб – аж мусор с потолка сыплется. Лишь бы лужу не напустил со страху, под стать давешней куче...

– Ладно... Только все-таки держи его подальше от гекопардов, – так запросто беспокойство не отпускало.

– Конечно, хай-сэр, конечно, – заторопился трактирщик. Откуда-то снова взялось его нелепое подобострастие, а деловой тон и краткость сгинули, как не были. То ли со страху за нового любимца, то ли от привычки принципиально поразному вести себя на людях и наедине.

Как вообще уживаются в одном человеке недурной выдумщик, сумевший соорудить гипершкаф, чувствительная

натура, всегда готовая приголубить беспомощную животи-ну, и обычный... не то чтобы совсем уж лакей и холуй, но не слишком далекий от этого тип? В Фроххарте чувства соб-ственного достоинства куда больше, даром что тот дворец-кий по званию и верный слуга по сути своей.

От таких мыслей стало как-то неловко, и задерживаться в стойлах особенно не хотелось. Кивнув Яндекссону на про-щанье, я довольно торопливо отправился обратно в номер к оставленному семейству. Подгоняло меня еще и осознание редкой нелепости этой полночной беготни со стрелометами и амулетами наперевес. Хотя и тут был свой резон, оправды-вающий чрезмерную бдительность.

Глупо, конечно, вышло. Вот только люди и прочие пред-ставители разумных рас, если не отказались от разума по собственной воле, делятся на две разновидности: беспеч-ных храбрецов по ту сторону Последней Завесы и осмотри-тельных трусов – по эту. Переходить из второй категории в первую у меня не было желания с самого Мекана, где я по-стиг сию истину. А уж теперь-то, при семье и должности Вла-стителя, и подавно нет никакой охоты пополнять скорбный список тех, кто вовремя не позаботился о собственной без-опасности. Что же до громких слов – тот, кто пережил хоть один аркналет, вжимаясь в болотную жижу на дне окопа, на «труса» обижаться не станет...

Тихо-тихо, боясь потревожить сон моих эль-фочек, я про-скользнул в номер и притворил дверь. Умудрившись ничем

не брякнуть, стянул сапоги, содрал с себя оружейную сбрую и комбинезон. Скользнул под одеяло...

– Уже вернулся? – сонно, но вполне отчетливо пробормотала мне прямо в ухо разомлевшая Келла.

– Ага, – раздосадованный тем, что мое недолгое, как казалось, отсутствие было все же замечено, я попытался отделаться скороговоркой: – Все спокойно. Спи, не волнуйся...

– А к нам тут горилл в дверь царапался, – с другой стороны тоже сквозь дрему сообщила Хир-ра. – Скулил, бедненький...

– Его Алир прогнала, – в свою очередь умиротворяющее протянула младшая жена, кивнув на дрыхнущую без задних ног подопечную. – Стоило ей голос подать, он тут же удрал.

Так они всё знали?! На фоне этого заявления моя ночная спасательная операция начала выглядеть еще более идиотским образом, чем доселе.

– Видел я его, – только и осталось мне бросить в ответ на услышанное. – Больше не вернется...

– Надеюсь, он цел? – строго, насколько это вообще возможно со сна, попеняла старшая жена. – И как тебе не надоест шпынять бедное животное!

Более убийственного приговора моим ночным похождениям нельзя было и придумать. Пробурчав что-то невразумительное, я ткнулся носом в подушку и приложил все усилия, чтобы заснуть. Сказать что-либо в оправдание собственного дурного геройства мне было нечего, а отвернуться

к стенке в теплом окружении жен – невозможно.

Наутро от моей досады не осталось и следа, как и от прочих ночных переживаний. Приятное ожидание вызванного с вечера летающего корабля, коротаемое за красочным пересказом Яндек-ссону всего, что с нами стряслось, сборы и подготовка гекопардов к пути... За всем этими делами можно позабыть и не такое, особенно если очень стараешься.

По счастью, новый любимец трактирщика сообразил не показываться на глаза до самого нашего отъезда. Верховые звери тоже порядком успокоились за остаток ночи и утро, без труда дав взнудать и оседлать себя. Сегодня даже Столовая Белая ласкалась не хуже приставучего Мор-сика. Со скучили по хозяйкам, зверюжины...

Спустя полчаса после полудня мы все вновь стояли у входа в отель. Свен тоже вышел проводить беспокойных гостей. Не для расчета – денежные вопросы были улажены еще с утра, – просто попрощаться с последними посетителями перед долгой горной зимой. Переброситься напоследок еще парой слов перед тем, как на треть года, а то и больше снега и бури отрежут отель от остального мира. Почта, даже доставляемая телепочтой без малейшей отсрочки, общению не замена. Тут и гориллу неполноразумному рад будешь...

При всем понимании этих обстоятельств слова как-то не шли у меня с языка. Жены рассыпались в любезностях, прощаясь с Яндекссоном, а подопечная даже чмокнула его в нос

напоследок. Сам же я после долгого молчания сумел выдать лишь несложный вопрос:

– Какую вывеску теперь повесишь? Отчего-то сомневаться, что прежней осталось недолго висеть, даже в голову не приходило.

– Сообразно календарю, хай-сэр. – Трактирщик и не думал отрицать это. – «Замиринкин день», красную с золотом.

Как же, годовщина бунта Суганихи Кровавого. В праздники она попала явно ради успокоения народа – как раз с Приснодня месяц с лишним, последний хмель уходит, и в голове образуется нездоровая тяжесть. С которой можно натворить чего угодно, если не плеснуть на старые угольки новой порции горючей жидкости. Спорю, так бунт и начался в свое время. Да еще самая длинная ночь в году недалече, когда темнота отчаянно давит на мозги. В трезвом виде такое едва ли перетерпишь...

Ничего, скоро дома будем, а там стены помогут пережить осеннюю тоску. Да и повод для празднования есть – жрецы могут приняться починять мир раньше намеченного. Не на весеннее равноденствие, когда из Огрогор хоть как можно было бы выбраться, даже не на зимнее солнцестояние, а, к чести рода Ночных Властителей Стийорров, в ту пору, когда Ночь имеет наивысшую власть. Есть чем гордиться!

В таком настроении можно и в путь. Ничего, что на считанные часы верхом да неполный день по воздуху. Недобрым зачином можно любую дорогу обернуть в опасную, да-

же один шаг сделав шагом за Последнюю Завесу.

Слов прощания больше не требовалось – обошлись короткими взмахами рук прямо из седел. Стосковавшиеся по свободе гекопарды нетерпеливо пританцовывали, ожидая возможности сорваться с места.

Негоже было и дальше томить зверей, дожидаясь, пока застучит молоток по сменной вывеске. Легким нажатием стремян я послал Шипучего вперед. Тот рванул так обрадованно, что топот лап остальных скакунов стал слышен только спустя дюжину секунд. Еле нагнали.

Оглянувшись, я с удивлением заметил, что вперед вырвалась Алир на своем добродушном, но в общем-то вяловатом Морсике. Хирра с Келлой предпочли поотстать, вполголоса переговариваясь о чем-то в дюжине ярдов позади.

Когда мы втянулись в ущелье, жены и вовсе начали то и дело пропадать из виду за поворотами каменных стен, зато подопечная поддала ходу и пристроилась вровень со мной. Ее скакуну это давалось не без труда, так что мне пришлось сбавить рысь, чтобы не изнурять зверя без нужды. Морсик ведь – обычный гекопард, не чета скаковому, некогда собственноручно угнанному мной с ипподрома...

Несмотря на уменьшение скорости, моя древнейшая с моей же высокородной так нас и не нагнали. Видно, серьезный разговор меж ними завязался, не для лишних ушей. Особенно не для мужа и повелителя.

Что ж, они имеют на это право. Ничего во вред мне эль-

фи задумать не пожелают, а до прочего мне дела нет. Тем более, что здесь наклеывается свой разговор, если судить по интригующим взглядам, которые искоса бросает на меня светлоэль-фийская дива.

– Что это у тебя из чересседельных сумок торчит? – начал я первым, чтобы облегчить ей задачу. – Дрова какие-то...

– Рассада, – с готовностью отозвалась Алир, довольная, как кошка над сметаной. – Я еще перед выходом в горы набрала и у выхода из долины припрятала.

Это да – помнится, на подходе к скалам она приотстала малость, но задумываться над этим тогда, пока над нами еще висела проблема демона, не было ни малейшего желания. Да и кладки никакой при подопечной не прибавилось, только ку-таться в отсыревшую шубу стала еще сильнее. Видно, под ней прутняк и схоронила. А когда и где она сумела его добыть, представить и вовсе невозможно.

– Что, без спросу? – в голове не укладывалось, что робкая эльфья оказалась способна хоть что-то сделать тайком.

– Что ты! Конечно, нет!!! – даже мысль об этом привела ее в священный ужас. – Хозяева еще спорили, у кого сорт лучше, чтобы мне подарить!

Тогда понятно. Огры ради нее готовы были не то что прутьев каких хочешь надергать – жилища свои по камешку разобрать. Тем более, что нечто в этом роде случилось с ними и без того. Темно-красная блестящая кора в крупных почках яснее ясного давала понять, какой именно рассадой об-

завелась подопечная.

Скоро у дракота появится новая забава: гонять по коридорам шустрые пуховки огрского национального растения, одновременно служащего домашним любимцем. Вот только пыль у нас в замке не водится. Кроме того, отчаянно непрактичная светлая эльфь совершила еще одно упущение.

– Думаешь, эта рассада у нас привьется? – поспешил я указать ей на него. – Флафы же не селятся на высоких строениях...

– А я их во внутреннем дворике высажу, в саду камней, – очень своевременно нашлась Алир и совершенно нелогично пояснила: – Очень огр-ское местечко...

Хорошо, Хирра не слышала, как обозвали «огр-ским местечком» святыню стилия ее рода! Хотя мысль сама по себе здравая. Внутренний дворик в сердце вознесенного на каменном шпиле замка действительно имеет некоторое сродство с горной долиной, а гроты и искусственные скалы в нем с определенным допущением можно принять за огрскую постройку.

Что поделать, дома тамошние не красотой крепки, от кучи камней не враз отличишь. Тут вся разница изнутри видна, в хороший буран или дождь. Надежность и уют – качества, которых у них не отнять. Будем надеяться, что ограм удастся просушить и отремонтировать порушенные потопом жилища до наступления серьезных холодов.

Несколько снежинок, закрутившихся в воздухе у нас пе-

ред глазами, только усилили угрызения совести. Спустя считанные секунды мы уже ехали сквозь облака танцующих белых точек. Пусть демона больше нет, но подступающую зиму в горах никто отменить не в силах...

Мне показалось, что, доведя меня до столь мрачных рассуждений, разговор угас сам собой. Но у светлоэльфийской дивы оказалось свое мнение на этот счет.

– Джек, а Джек... – совершенно внезапно позвала она меня по имени.

– Чего тебе еще? – даже изумление от впервые услышанного обращения не смягчило моей досады.

– Я замуж хочу! – довольно мурлыкнула Алир, потягиваясь под снегом, редкими пока искрами оседающим нам на волосы и плечи.

Настроение мигом сменилось с просто мрачного на вконец обескураженное. Вот и пойми их, эльфей этих. Вроде бы нормально прижилась в замке, все непонятки разгребли, притерлись друг к другу – и на тебе! Все-таки зацепил ее романтик сопливый.

– За этого... как его? – Я замялся, вспоминая детское имя будущего властителя Рийосурра. – Он же еще совсем пацан!

– Не-а, не угадал! Он скучный, и вообще, – протянула Опушечная, умилительно взглянув через плечо. – Я за тебя хочу!

Оп-па... Дожили. Главное, с чего бы это?

Хотя и так ясно. Похоже, подопечная уверена, что все

случившееся я устроил исключительно ради нее. Ведьмину пыльцу в глаза пускал. Развлечения обеспечивал, чтобы не заскучала, бедняжка...

Словно почуяв, как я завожусь, светлая эльфь в долю секунды перебралась со своего седла на холку гекопарда передо мной. Оба зверя тут же встали, обученные беречь не пристегнутого седока. Как она так быстро привязные ремни сбросила, не понимаю! Заранее, что ли?

Покуда я недоумевал, Алир повисла у меня на шее, крепко обняв, ткнула носом в ключицу – для этого без малого семифутовой диве пришлось свернуться клубочком – и промурлыкала еще более сладко, чем обычно:

– С тобой надежно. Непокойно, но всегда просто. Даже когда всякие бытовые неприятности...

Так-то. Вот, оказывается, как называется экспедиция в огрские горы, едва не стоившая всем участникам жизни, многолетнего плена или, в самом лучшем случае – позора на весь город Мелкая помеха в быту. Нет, как оказалось, эльфей я понимаю еще меньше, чем думал. Да и не только эльфей – любых женщин. Вне зависимости от расы и роста с возрастом...

Неожиданно я почувствовал, что совершенно спокоен. Раньше погасить мое внезапное раздражение удавалось только Келле. Хирра и то временами бессильна перед этими внезапными порывами – она сильна своей реакцией на мои закидоны. А тут ни то, ни другое, но не менее эффективно. Это

оказалось приятной неожиданностью. Проблема пред-стата в совершенно ином свете.

В конце концов, отчего я завелся? Оттого, что вообразил, будто подопечная решила покинуть семью. А она, напротив, решила остаться подольше. В понимании эльфи – на несколько человеческих жизней. И вдобавок освободиться от условностей, сдерживающих любвеобильный темперамент, таких, как наша с Хиррой Высокая Клятва...

Может, во всем этом и есть рациональное зерно.

– Ладно, – с тяжелым вздохом признал я ее правоту и право на подобное предложение. – Только одно условие!

– Какое? – подняла на меня сияющие глазищи Алир.

– Сделай челку, – чуть виновато буркнул я и признался: – Чтоб с сестрой тебя не путать. А то ты на нее похожа – жуть. До сих пор в дрожь бросает.

Не говоря ни слова, светлоэльфийская дива убрала руки с моей шеи и отвернулась, склонив голову. Золотые завитки тут же рассыпались, занавесив ей лицо. Конечно, кому не жалко такого богатства... Под этим импровизированным пологом она то ли всхлипывала, то ли тихо возилась. Ну-ну... Чего будет стоить эльфи моя минутная прихоть?

Что-то щелкнуло, и Алир вновь стремительно повернулась ко мне, улыбаясь до ушей и задрав носик, на который падали наскоро обкромсанные прядки.

– Так? – спросила Опушечная, красуясь свеже-подрезанной челкой.

– Примерно... – в некотором обалдении подтвердил я.

Скромно потупившись, светлоэльфийская дива наматывала на палец решительно отхваченные волосы. Внушительный клубочек получается. Ох, чую, в недалеком будущем кто-нибудь в замке обзаведется изящной плетеной вещицей. Лихо у нее вышло, в момент. Хотя, на мой вкус, челка могла бы быть и поровней...

Не менее решительно я обнял и поцеловал бывшую подопечную и будущую нареченную в одном лице. Впервые по своей инициативе. Много я раньше терял, оказывается.

Когда берешь дело в свои руки, Алир просто великолепна!

31.08.2003-29.04.2007